

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

А.Б. Судницын

**ЗАДАЧИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ:
правовая природа, система,
проблемы реализации и пути совершенствования**

Монография

КРАСНОЯРСК
СИБЮИ МВД России
2019

УДК 343.1, 343.12, 343.13, 343.14
ББК 67.411

Рецензенты В.В. Николюк – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (г. Москва);
А.Д. Назаров – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Монография подготовлена начальником кафедры уголовного процесса Сибирского юридического института МВД России кандидатом юридических наук, доцентом А.Б. Судницыным.

Судницын, А.Б.

Задачи предварительного расследования: правовая природа, система, проблемы реализации и пути совершенствования : монография / А.Б. Судницын. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. – 176 с. – ISBN 978-5-7889-0281-4.

В монографии предложена авторская концепция задач предварительного расследования. На базе действующего уголовно-процессуального законодательства сформулированы теоретико-правовые предпосылки формирования задач предварительного расследования, дефиниция «задачи предварительного расследования», предложена система задач, выявлены отдельные проблемы реализации задач предварительного расследования и предложены возможные пути для их устранения.

Читательский адрес – научные работники, сотрудники правоохранительных органов, преподаватели, курсанты, студенты, адъюнкты, аспиранты юридических образовательных организаций, а также все, кто изучает проблемы досудебного уголовного судопроизводства.

ISBN 978-5-7889-0281-4

© СибЮИ МВД России, 2019
© А.Б. Судницын, 2019

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Методологические и исторические основы задач предварительного расследования	6
§ 1. Категория «задача» в уголовном процессе	6
§ 2. Теоретико-правовые предпосылки определения задач предварительного расследования	24
§ 3. Историко-правовой анализ формирования современных задач предварительного расследования	53
Глава 2. Система задач предварительного расследования	75
§ 1. Задачи предварительного расследования, непосредственно обеспечивающие предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления	77
§ 2. Задачи предварительного расследования, опосредованно обеспечивающие предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления	104
Глава 3. Проблемы реализации отдельных задач предварительного расследования и пути их совершенствования	137
§ 1. Обеспечение своевременного, всестороннего, полного и объективного исследования преступления путем принудительного получения биологических образцов для сравнительного исследования	137
§ 2. Обеспечение участия обвиняемого в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	151
§ 3. Система оценки деятельности органов предварительного следствия как организационный фактор, влияющий на реализацию задач предварительного расследования	163
Заключение	171

ВВЕДЕНИЕ

Как показывает опыт функционирования УПК РФ, он представляет собой неуравновешенную и нестабильную нормативную систему. На фоне крайней неустойчивости процессуального законодательства все более очевидно проявляется кризис стадии предварительного расследования преступлений. Для его преодоления надлежит определить цель уголовного судопроизводства, на основе которой предстоит сформулировать задачи стадий уголовного процесса, в частности предварительного расследования.

Пока же мы имеем дело с тем, что законодатель отказался от использования термина «задачи уголовного процесса», предложив категорию «назначение уголовного судопроизводства». Непосредственные ориентиры как для всей уголовно-процессуальной деятельности, так и для составляющих ее этапов оказались размытыми. Защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ) затруднительно рассматривать в качестве таковых, что, в свою очередь, усложняет уяснение задач предварительного расследования, без понимания которых невозможно эффективно осуществлять целенаправленную уголовно-процессуальную деятельность. Систему и содержание задач предварительного расследования следователи и дознаватели¹ вынуждены определять не через законодательную установку, а посредством анализа проявления принципов уголовного процесса на досудебном этапе производства по делу, общих условий предварительного расследования, самостоятельных институтов и даже отдельных норм уголовно-процессуального законодательства.

Вместе с тем анализ ряда принципиальных положений уголовного судопроизводства (состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), отнесение следователя к стороне обвинения (глава 6 УПК РФ), возложение на них обязанности по осуществлению уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ), отсутствие в системе принципов (глава 2 УПК РФ) требования о необходимости всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела и др.) указывает на неопределенность задач стадии предварительного расследования. Наличие ориентирующих нормативных предписаний (ст. 6, 73, 152 УПК РФ и др.) недостаточно, и это не уменьшает число проблем при установлении круга задач предварительного расследования.

В условиях нечеткого законодательного регулирования направлений деятельности, усложненного перманентными изменениями уголовно-процессуального закона, органы предварительного расследования вынуждены обращаться к подзаконным нормативно-правовым актам, в том числе

¹ В дальнейшем при упоминании о следователе будет подразумеваться и дознаватель, если иное не оговорено.

ведомственным, требования которых нацелены не столько на потребности граждан и организаций, принимающих участие в уголовном судопроизводстве, сколько на собственные целеуказатели, что отчасти закономерно. Однако абстрактно-цифровые статистические ориентиры не всегда способствуют установлению истинных приоритетов деятельности следователя. Решение обозначенной проблемы видится в определении конкретных задач предварительного расследования как основных детерминант деятельности следователя, обеспечивающих непродвинутое и полноценное исследование обстоятельств совершенного преступления.

Следует констатировать, что среди ученых-процессуалистов нет единства взглядов на задачи досудебного производства. На страницах правовой печати проводится разграничение либо смешение понятий «цели», «задачи», «функции» предварительного расследования. Идет интенсивное обсуждение вопросов законодательного регулирования основных направлений деятельности следователя. Однако научные разработки выполняются по большей части без учета методологической значимости категории «задача», образующей теоретико-правовые предпосылки формирования задач предварительного расследования.

Продолжает сохраняться потребность в научном исследовании феномена «задачи предварительного расследования», результатом которого может стать определение системы установлений к деятельности следователя, объективно обусловленных элементами целеполагания уголовного судопроизводства. Указанные обстоятельства предопределили предмет исследования.

Автор признателен заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору В.В. Николюку, доктору юридических наук, доценту А.Д. Назарову за положительную оценку монографии при ее рецензировании и высказанные пожелания; благодарен доктору юридических наук, профессору А.С. Бахте, заслуженному юристу Российской Федерации, кандидату юридических наук, профессору В.В. Кальницкому, а также всем коллегам и друзьям, повлиявшим на выбор тематики монографии, предложившим полезные рекомендации, оказавшим содействие в сборе эмпирического материала и иным образом поддержавшим автора при проведении исследования.

Исследование задач предварительного расследования, начатое автором более десяти лет назад, позволило по прошествии времени утвердиться в отдельных позициях, а некоторые из них переосмыслить. К настоящему моменту со всей уверенностью можно констатировать, что данное монографическое исследование не претендует на конечное. Дальнейшей проработки требуют отдельные вопросы, как обозначенные, так и опосредованно затронутые в ней. Автором с искренней благодарностью будут приняты отзывы, замечания, пожелания по усовершенствованию затронутых аспектов и дальнейшему развитию темы.

ГЛАВА I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Категория «задача» в уголовном процессе

Полноценное изучение задач предварительного расследования возможно только при углубленном обращении к определяющим их началам. И в первую очередь наше внимание привлекает категория «задача»¹. Общепринятое ее понимание могло бы существенным образом упростить исследование задач предварительного расследования. Однако в процессуальной литературе нет единого мнения о содержании категории «задача», а также ее соотношении с рядом смежных категорий.

Весьма распространен подход, в силу которого цель и задача в уголовном процессе не разграничиваются, рассматриваются как равноценные понятия². Его сторонники возражают против попыток сформулировать две системы соответствующих категорий, считают спор о разграничении указанных понятий беспредметным.

Анализ данной позиции позволил нам прийти к выводу, что названные термины используются в упрощенном представлении. Так, большинство авторов ориентируются лишь на толковые словари русского языка. В частности, в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой указывается: «Задача – то, что требует исполнения, разрешения»³. Однако приведенным определением не охватываются все особенности,

¹ Используя философский термин «категория», мы исходим из того, что она является сложным структурным образованием, представляет собой «предельное по уровню обобщения фундаментальное абстрактное понятие» (Васильев А.М. Правовые категории. М., 1976. С. 58). «Категория» в качестве своих характеристик объединяет различные понятия, а также взаимосвязь и соотношение с иными понятиями. Важность учета всех признаков обуславливается тем, что научное исследование о задачах предварительного расследования должно основываться на методологии общенаучных концепций.

² См.: Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С.26; Горский Г.Ф. Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 57; Ефимичев С.П. Задачи предварительного расследования // Процессуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе: сб. науч. тр. Волгоград, 1988. С. 7; Мизулина Е.Б. Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. Ярославль, 1990. С. 140; Одинцов В.Н. К вопросу о задачах уголовного судопроизводства // Следователь. 2004. № 11. С.28; Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С. 84 и др.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2003. С. 198.

специфические черты категории «задача». Явно прослеживается сходство с термином «цель»: «то, что надо, желательно осуществить»¹. Ограничиваясь лишь этими толкованиями, рассматриваемые категории достаточно трудно разграничить. По нашему мнению, использование определений общего порядка не только закономерно вызывает проблему, связанную с разграничением терминов, в том числе и рассматриваемых нами, но и не дает полного представления и обедняет содержание данных категорий.

Приверженцы указанного подхода, как правило, ссылаются на точку зрения профессора П.С. Элькинд, утверждавшей, что «нельзя признать оправданными попытки сформулировать в теории советского уголовного процесса (тем более в законодательстве) две системы соответствующих категорий – целей и задач. Любой критерий их разграничения по содержанию оказался бы искусственным и надуманным»².

В то же время П.С. Элькинд оговаривала, что при исследовании проблем уголовного судопроизводства необходимо руководствоваться положением об изучении конкретных вопросов науки через достаточную ясность в постановке и решении общих вопросов. Продолжая мысль, она ссылалась на высказывание В.И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натывать" на эти общие вопросы»³.

Общетеоретические основы применительно к предмету нашего исследования должным образом вышеуказанным автором рассмотрены не были. Считаем, что, исходя из современного уровня развития теории, этому необходимо уделить пристальное внимание, уяснить суть термина «задачи», показать его многогранность и многоаспектность, только после этого появится возможность исследования данной категории в уголовном процессе в целом, в том числе в стадии предварительного расследования.

Каждая частная наука изучает качественно определенную систему закономерностей. Однако ни одна из них не изучает закономерности, общие для явлений природы, развития социума и человеческого познания. Исследование же любой из систем неотделимо от изучения общенаучных вопросов. Очевидно, что этот момент принципиально важен для полноты и всесторонности научных изысканий. Такое обращение позволит четко определить методологические основы исследования, выработать исходные положения и критерии разграничения используемых терминов, сформулировать дефиниции.

В этом плане для исследователя на первом месте стоит философия, которая «сводит воедино результаты исследований во всех областях знания, создавая всеобъемлющий синтез универсальных законов бытия и

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 873.

² Элькинд П.С. Указ. соч. С. 38.

³ Там же. С. 3.

мышления»¹. Это объясняется тем, что методы философии имеют универсальный характер, область их применения достаточно широка. В то же время философские категории не переходят в другие науки в готовом виде, а получают в них специфическое выражение². Они используются в специальных областях знаний и, встраиваясь в определенную систему положений, становятся применимыми к специфическому материалу соответствующей науки. В частных науках исходные общие представления развертываются детальнее, наполняются более богатым содержанием, конкретизируются. Отсутствие же общих теоретических моделей с некоторого момента начинает существенно тормозить развитие специальных наук³. В связи с этим можно утверждать, что общетеоретические разработки стимулируют появление новых эмпирических гипотез, методологических подходов для остальных наук, в том числе и для исследующих сложные формы человеческого поведения.

Познание права, правовых установлений и правоприменительной практики должно сочетаться с использованием разработок теории познания, гносеологии⁴. Это объясняется и тем, что «решение отдельной проблемы не всегда дает возможности выявить сущность целого, не всегда оно может быть и правильным»⁵. Все указанное выше в полной мере относится и к отечественному уголовному судопроизводству как к целостному, относительно самостоятельному и обособленному явлению, основывающемуся на общетеоретических концепциях⁶. Современный уголовный процесс переживает период кардинальных преобразований, наметившихся с конца XX в., связанных с процессом демократизации общества и построения правового государства. Происходит переосмысление некоторых результатов судебной реформы, в результате чего сам курс продолжаемой судебной реформы подвергся корректировке⁷. В связи с этим в рамках избранной тематики необходимо обратиться к ее общенаучным основам, так как научное исследование задач предварительного расследования возможно лишь на методологическом «фундаменте» общенаучных концепций.

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 726.

² Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 65.

³ Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 7-8.

⁴ Зинатуллин З.З. Принципы гносеологии и их игнорирование в уголовно-процессуальных исследованиях // Актуальные проблемы права России и стран СНГ: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2007. Ч. III. С. 199.

⁵ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса : автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 4.

⁶ Лось С.Л. Философские и социально-правовые основы уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2005. С. 15.

⁷ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ // Рос. газета. 2006. 11 мая.

Вопросы, связанные с детерминантами человеческой деятельности, ее структурой, волновали исследователей данной проблемы с древнейших времен. Так, одно из первых упоминаний мы можем обнаружить у Аристотеля, который отмечал, что частные цели деятельности соотносятся с более общими целями. Имея подчиненный смысл, сами по себе первые находят свое «оправдание» только в соотнесении с более общими целями, которые в конечном счете должны быть определены как всеобщие и бесконечные по содержанию, например в соотнесении с благом вообще¹. Таким образом, Аристотель наметил два различных по содержанию понятия цели: цель деятельности человека и бесконечную по содержанию цель стремления. Рассуждения Аристотеля позволили последующим исследователям выделять в его учении о цели самостоятельные и различные по смыслу понятия. Первая из таковых – это актуальная цель, частная и конечная по содержанию. Указанная цель образует звено реальной человеческой деятельности, представляющей собой движение от одной цели к другой. Именно ее определяют как непосредственную практическую задачу в человеческой деятельности.

Цель второго рода – потенциальная цель – есть некоторое мыслимое благо, в направлении к которому осуществляется движение по частным целям, движение от одной частной цели деятельности к другой, от менее общей и значительной к более общей. Именно к указанным целям человек стремится, с ними он соотносит свою частную деятельность и свои частные цели. Исключительно потенциальные цели сообщают частным целям деятельности смысл и значение, сами же такие предельно общие цели не могут быть поставлены в виде непосредственной задачи. Предмет этих целей беспределен, как беспредельны благо вообще, добро вообще². Пристального внимания заслуживает факт разграничения детерминант деятельности человека на различные категории, которые, предвзяв дальнейшие рассуждения, можно определить как цель и задачу.

Отстраняясь от некоторых идеалистических представлений, обратимся к диалектическому материализму. Развивая общеизвестный тезис, согласно которому «бытие определяет сознание», мы можем утверждать, что «человек не просто адаптируется к миру, а изменяет его в соответствии со своими интересами и потребностями, т.е. создает свой, социально обусловленный, человеческий мир»³. Происходит это путем осуществления деятельности, являющейся «специфической человеческой формой отноше-

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1978. Т.2. С. 302; Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 19.

² Трубников Н.Н. Указ. соч. С. 19-21.

³ Злобин Н.С. Деятельность – труд – культура // Деятельность: теории, методология, проблемы (Над чем работают, о чем спорят философы). М., 1990. С. 112.

ния к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование в интересах людей»¹.

Соответственно, деятельность (бытие) человека возникает, формируется и функционирует только в определенном, заранее заданном направлении, для реализации определенных, присущих ей целей. Она устремлена на достижение сознательно поставленных целей, без наличия которых не обладает смыслом²: «Человек есть существо, действующее согласно известным целям; он ничего не делает без цели»³. Если формирование цели отсутствует, соответствующую деятельность нельзя назвать сознательной⁴.

Безусловно, существуют акты человеческой деятельности, не наделенные целью. Можно, например, бесцельно блуждать по улицам, не обладая представлением о конечном пункте движения как его цели и не преследуя иных целей (фланировать). Однако бесцельная активность человека относится скорее к исключению из правил, нежели к типичным проявлениям. В связи с приведенными суждениями можно констатировать, что без целеполагания невозможно осуществление деятельности.

В различных науках помимо философии уделялось внимание определению детерминант деятельности. Среди них логика, психология, социология, физиология, кибернетика, управление персоналом и ряд иных. Однако не все научные концепции могут быть использованы нами по причине их тесной связи с сугубо специфическими, узкими вопросами. Это обусловливается также тем, что их трудно применить при рассмотрении уголовно-процессуальной проблематики⁵.

Обозначенное ранее общефилософское суждение нашло более глубокую разработку в психологической теории деятельности. Последняя, по мнению Ю.А. Гончана, обладая «изошренным» понятийно-категориальным аппаратом «психического отражения как субъективного образа объективного мира», должна выступить на передний план для определения рамок общей теории и методологии уголовного процесса⁶. С указанным положением следует согласиться, ибо структура деятельности имеет поли-

¹ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1986. С. 382.

² Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 48.

³ Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т.2. С. 629.

⁴ Ропиков Н.И. Категория цели: проблемы исследования. М., 1980. С. 39.

⁵ Берг А.И., Бирюков Б.В. Кибернетика и прогресс науки и техники. М., 1969; Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М., 1979; Клир Дж. Системология. Автоматизация решений системных задач. М., 1990; Бир С. Мозг фирмы. М., 1993; Коротков Э. М. Концепция менеджмента. М., 1996.

⁶ Гончан Ю.А. Функциональный анализ уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 193.

дисциплинарный характер¹ и именно психология располагает едва ли не наиболее развитой концепцией деятельности по сравнению с другими общественными дисциплинами².

Теория деятельности выделяет основные составляющие ее компоненты, которые являются «важнейшими и ведущими характеристиками, так как в них объективно выражается и через них объективно реализуется создающая, предметно-преобразующая суть любой деятельности человека»³. Одним из таких системообразующих элементов является цель. В общем виде она определяется как предвосхищаемый в сознании результат деятельности. Следующим обязательным элементом человеческой деятельности, существующим наравне с целью, является задача.

Один из основоположников теории деятельности, А.Н. Леонтьев, утверждал, что цель устанавливает в деятельности аспект интенциональный (что именно должно быть достигнуто), а задача – операционный (как, каким способом это может быть достигнуто). Причем последняя определяется не самой по себе целью, а предметными условиями ее достижения. Задача – это и есть цель, данная в определенных условиях⁴.

Среди характеристик задачи особое место занимают условия. Действительно, в природе существуют явления, воздействующие на другие явления. И любая задача, будь то грандиозная задача по преобразованию мира или школьная, имеет свои условия, которые определяются как «обстоятельства, от которых что-нибудь зависит»⁵. В данном случае под условиями задач следует понимать обстоятельства, необходимые для ее возникновения, существования или изменения. Исходя из приведенного суждения, их можно подразделить на виды: условия возникновения и условия осуществления. Указанные виды условий применимы для характеристики категории «задача».

Определяющей предпосылкой того или иного вида деятельности служит цель, которая опосредует необходимость постановки задач для возможного достижения ее самой. С этого момента некоторые явления, существовавшие в действительности и ранее, следует расценивать как условия формирования задач. Условия же осуществления сопровождают процесс достижения поставленных задач.

Взаимосвязь между указанными условиями существует, однако они не должны быть отождествляемы. Это прослеживается в том случае, если

¹ Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры деятельности // Психологический журнал. 1998. № 6. С. 21.

² Фофанов В.П. Указ. соч. С. 6.

³ Нечаев Н.Н. А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин: диалог во времени // Вопросы психологии. 2003. № 2. С. 68.

⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 156.

⁵ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 839.

какому-либо явлению удастся возникнуть, однако продолжать свое существование оно не будет способно. Например, тлеющая древесина может воспламениться, но затухнуть, находясь в ограниченном пространстве, из-за отсутствия важнейшего условия поддержания огня – кислорода.

Между условиями формирования и осуществления существует тонкая грань, так как одно и то же явление может выступать в качестве и первого, и второго. Так, одно явление может детерминировать возникновение задачи, а в ходе своего дальнейшего существования и развития может служить условием ее осуществления. Поэтому мы позволим себе выразить несогласие с мнением В.И. Куценко, утверждавшего, что «условие формирования задачи возникает раньше самой задачи. Условия же осуществления задачи возникают одновременно с задачей»¹. Исходя из того, что условия задачи являются важнейшим признаком, характеризующим данную категорию, обратимся к аргументации нашей позиции.

Бесспорно, условия формирования задачи должны возникать до появления ее самой, являясь, к тому же, предшествующей и необходимой причиной, т.е. задача не может возникнуть без соответствующих условий. Однако мы позволим себе не согласиться со второй частью приведенного суждения в связи с тем, что не считаем обязательным возникновение условий осуществления задачи одновременно с ней. Для обоснования указанного положения воспользуемся приведенным ранее примером. Кислород в достаточном его количестве есть важнейший элемент для поддержания горения в замкнутом пространстве. В этом случае его можно признать условием осуществления. Однако это не означает, что кислород появляется лишь одновременно с процессом горения. Этот химический элемент может находиться в данном месте и ранее. Сама сущность условия, призванного способствовать осуществлению процесса, не изменяется от момента его возникновения.

Значение условий задачи весьма существенно. Располагая достаточными представлениями об условиях формирования и осуществления задач, можно предположить, оценив их воздействие на последние, прогнозируя реализацию поставленных задач, и сам факт достижения цели как итога деятельности. При этом условия должны оцениваться в единстве, так как «действуя в комплексе, они конструируют задачу... осуществляют перенос своей информации в задачу»².

Рассмотрев условие как признак категории «задача», отграничивающий ее от категории «цель», надлежит уделить внимание и вопросу соотношения категорий «цель» и «задача». Соглашаясь с суждениями, обосновывающими самостоятельное существование цели и задачи, мы придержи-

¹ Куценко В.И. Социальная задача как категория исторического материализма. Киев, 1972. С. 57.

² Там же. С. 61.

ваемся позиции авторов, утверждающих, что между данными категориями имеются более существенные различия, чем те, которые выделяются традиционно¹.

Первое выявленное отличие указанных категорий – содержательно-смысловое. Содержание цели в этом качестве представляет привлекательная для субъекта ценность. Содержанием задачи выступает определенная помеха, которую необходимо устранить субъекту для достижения цели. Не случайно, рассуждая о цели, мы чаще употребляем эпитеты «желанная», «привлекательная», «недостижимая», в то время как о задаче – «трудная», «сложная» или «простая». Цель манит к себе, притягивает, она обращена к желаниям, страстям. Для осуществления задачи требуется преодолеть преграду через приложение усилий, траты энергии, времени и сил. Поэтому цель представляет собой сформулированные потребности, устремления, в то время как разрешение задачи – это действия, направленные на достижение цели путем ликвидации препятствий.

Следующее различие рассматриваемых категорий – генетическое. Цель возникает под влиянием потребностей, когда человек их испытывает². Однако цель как таковая недостаточна для получения субъектом определенной ценности. Между наличной и целевой ситуациями лежит определенный путь развития, который должен быть преодолен. Этому способствует решение задачи, которая происходит от вторичного – препятствия, преграждающего путь к желанному объекту, осуществлению потребностей.

Именно задачи, определенные на основе цели, представляют собой факторы, активно влияющие на развитие этой ситуации. Система задач служит программой деятельности, фактическим описанием того, как субъект должен действовать, чтобы осуществился переход системы из некоторого исходного состояния к другому, целевому для данного субъекта³. Поэтому задача, основанная на осознании потребностей, является практическим шагом на пути реализации потребностей. К.А. Абульханова-Славская писала: «Задача есть своеобразная форма обращенности к индивиду, адресованности к нему, требовательности»⁴. Невыполнение задачи ставит под угрозу интересы индивида, лишает его благ, т.е. препятствует достижению его целей. Таким образом, задача возникает от препятствия, которое необ-

¹ Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теории, методология, проблемы (Над чем работают, о чем спорят философы). М., 1990. С. 129-142; Шакуров Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 11-13; Давыдов В.В. Указ. соч. С. 44.

² Давыдов, В.В. Указ. соч. С. 46.

³ Фофанов В.П. Указ. соч. С. 176.

⁴ Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980. С. 191.

ходимо преодолеть субъекту путем выполнения определенных действий, направленных на достижение цели.

Наш анализ можно проиллюстрировать следующим примером. Биологическая потребность человеческого организма в питательных элементах, минеральных веществах вызывает чувство голода. Для удовлетворения данной потребности человеку необходимо восполнить недостаток питательных веществ в организме. Однако потребность выступает лишь как состояние нужды организма, которое само по себе не способно вызвать никакой определенно направленной деятельности. Осознавая потребность, человек ставит для себя цель – утолить голод. Достичь указанной цели можно путем преодоления некоторых препятствий, т.е. выполнения ряда задач: приобретения продуктов, приготовления пищи, ее потребления.

Третье отличие цели и задачи заключается в их функциональном предназначении. Цель включает в себя две функции: направляющую и мотивирующую. Причем цель придает лишь общее направление движению, определяя его вектор, а также стартовый мотив. В отличие от задачи, цель не устанавливает конкретной программы действий, она лишь опосредованно способствует этому, предопределяя тот или иной способ ее достижения через решение ряда задач. Аргументируя наличие мотивирующей функции у цели, необходимо отметить, что она реализуется не автоматически, а только с появлением задачи. После этого первая, соответственно, выступает мотивом по отношению к последней.

В свою очередь, задача выполняет две обязательные функции: динамизирующую и регулятивную. Под ее влиянием актуализируются и мобилизуются энергетические ресурсы субъекта, динамический потенциал цели воплощается в действиях. Без применения активности невозможно преодолеть препятствия, находящиеся на пути удовлетворения интересов, а также осуществить полезную деятельность, направленную на достижение значимой цели и получение нужного эффекта. Задача вместе с условиями, требованиями деятельности актуализирует операционные системы личности, ее опыт, знания, умения, способности. Она регулирует состав и структуру выполняемых действий, их ритм и напряженность, ориентирует на соответствующую деятельность с использованием определенного инструментария. Задача – «архитектор» деятельности, в процессе ее решения человек развивается¹.

Рассматривая характеристики категории «задача» путем сравнения, выявления отличий с близкой ей категорией «цель», мы не исчерпали всей полноты ее свойств. В связи с этим представляется необходимым обратиться к иным качествам.

¹ Никуленко О.А. Некоторые проблемы теории деятельности // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 126.

Одним из важнейших признаков категории «задача» являются требования. В данном случае требования существуют наравне с условиями, поэтому их не следует расценивать как синоним условиям, правилам. Отличия данных понятий заключаются в том, что условия определяют «что дано», а требования демонстрируют необходимость найти решение, «то, что требуется определить»¹. В самом общем виде соотношение указанных свойств задачи можно выразить следующей «формулой»: требуется найти решение задачи при заданных условиях.

При этом следует учитывать характер требований относительно категории «задача». Так, авторы «Теории юридического процесса» утверждали, что в задаче «достаточно отчетливо усматриваются как минимум два существенных ее элемента или свойства: во-первых, в ней отражается то, к чему должен прийти, и, во-вторых, чего обязан достичь субъект в результате своей деятельности»².

Первая часть приведенного суждения говорит о том, что сама задача и ее формулировка должны быть конкретными, т.е. уже в ней должно содержаться искомое, неизвестное. Именно так задача устанавливает путь своего решения, а совокупность задач – программу действий по воплощению цели в действительность. Вторая часть суждения указывает на наличие результата, на обязательность его достижения как итога деятельности. В этом прослеживается признак непосредственного долженствования категории «задача», который устанавливает, что за чем должно следовать, что должно быть³.

Анализируя указанные особенности категории «задача», необходимо подчеркнуть, что долженствование присуще не только требованиям – обязательному признаку, но в целом категории «задача». Последняя, по сути, сама является формой долженствования, на что обращают внимание некоторые исследователи⁴. При этом следует отметить целесообразность использования термина «долженствование», который позволяет учесть важнейшее свойство термина «категория» – предельную по уровню обобщения фундаментальную абстрактность, выстроить стройную систему понятий детерминант человеческой деятельности.

¹ Рудаков Ю.К. Элементы исследования операций информационного обеспечения систем управления // Исследование истоков экономической информации. М., 1968. С. 143.

² Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 142.

³ Долженствование – то, что должно быть, в противоположность тому, что существует; необходимость того, что должно совершиться. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 327.

⁴ Куценко В.И. Указ. соч. С. 5; Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. С. 144.

Признаком, отражающим взаимосвязь основных элементов детерминант деятельности, является также иерархичность. Его выделение в качестве такового обусловлено тем, что элементы целеполагания представляют собой высококодифференцированную систему. Например, утверждается, что задача бóльшего масштаба состоит из нескольких задач меньшего масштаба¹. Бóльшие задачи подчинят себе ряд мелких, частных задач, входящих в них в качестве звеньев². Данное свойство характерно как для задач, так и для целей. Так, Н.И. Ропиков, рассуждая о ближайших и конечных целях, приходит к выводу, что «возникает своеобразная иерархия целей, при которой достижение одной из них предполагает реализацию другой, подчиненной первой»³. Данный признак демонстрирует сходство категорий «цель» и «задача». Однако, учитывая тесную взаимосвязь указанных категорий, его следует уточнить.

Исходя из выводов, к которым нам удалось прийти ранее, мы можем говорить об обусловленности задач целью. В данном случае она выражается в том, что для воплощения цели необходимо выполнить ряд задач. Для каждой системы задач имеется «своя» непосредственная цель. С учетом же выявленной иерархии могут иметь место и иные (кроме непосредственной) цели, которые обуславливают и не «свои» задачи. К таковым можно отнести встречающиеся в различных классификациях «перспективные», «конечные», «общие» и другие цели.

Приведенные размышления позволяют утверждать, что категория «задача» по природе своей представляет сложносоставной объект. В.И. Куценко, отмечая указанное свойство задачи, образно сравнил ее с матрешкой, русской народной игрушкой. Раскрывая очередную «матрешку», мы обнаруживаем только одну меньшую фигурку. Если бы при единичном раскрытии оказывались не одна, а несколько разных «матрешек» одного размера, то это бы лучше моделировало сложность объекта⁴.

Данный пример весьма демонстративен. Однако, используя его в качестве наглядного образца наших размышлений и учитывая, что задачи определяются целью, этот пример следует дополнить. Итак, если условно самую большую «матрешку» (первый уровень) считать целью, то более маленькие, получаемые при ее раскрытии (второй уровень), можно принять в качестве ее задач. В то же время каждая из последних (второй уровень задач) будет условно являться целью для «матрешек» меньшего размера, находящихся в ней самой (третий и далее уровни), которые можно обозначить как подзадачи.

¹ Куценко В.И. Указ. соч. С. 67.

² Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 466.

³ Ропиков Н.И. Указ. соч. С. 45.

⁴ Куценко В.И. Указ. соч. С. 176.

В то же время необходимо помнить о минимальной (базовой) схеме детерминант деятельности. Здесь в качестве структурных элементов выступают потребности, цель, задачи. Следует отметить, что соответствие задач свойству иерархичности системы целеполагания необходимо выделять в качестве их признака.

Использование подходов, разработанных в общенаучных концепциях, позволяет уяснить главные свойства задачи, показать многогранность и многоаспектность данной категории. Базируясь на этом, можно проводить исследование данной категории как в уголовном процессе в целом, так и в рамках предварительного расследования в частности.

В связи с теми выводами, к которым нам удалось прийти, усматривается противоречие между сформулированным П.С. Элькинд общим тезисом о признании существования самостоятельных категорий «цель» и «задача» и рассуждениями, отрицающими существование указанных категорий в уголовном процессе.

Более того, в настоящее время в законодательстве имеются примеры использования отличных друг от друга категорий «цель» и «задача». Так, в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» ст. 1 регламентирует цели осуществления оперативно-розыскной деятельности, а ст. 2 – задачи оперативно-розыскной деятельности. Из текста названного закона четко прослеживается критерий разграничения обозначенных категорий по содержанию¹.

Кроме приведенных ранее доводов, подтверждавших мнение о невозможности существования категорий «цель» и «задача» в уголовном процессе, П.С. Элькинд использовала и другие. Так, она утверждала, что «определенные нюансы данных понятий лежат отнюдь не в различии их содержания, а в возможности их разноаспектного использования. Категория "цель" – философская; категория "задача" имеет более практическое, житейское употребление»².

Позволим себе не согласиться с указанным суждением, основываясь на самой сущности задач, существование которых вызвано необходимостью практической реализации, воплощения в жизнь поставленной цели, ибо цель не способна самостоятельно изменить реальную ситуацию в целевую.

Более того, П.С. Элькинд в ряде случаев фактически говорит о разграничении категорий «цель» и «задача» в уголовном процессе. «Общего характера цель уголовно-процессуального права по оптимальному регулированию соответствующих общественных отношений преобразуется в уголовном судопроизводстве в комплекс более конкретных целей (задач), определяющих направление практической деятельности компетентных ор-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Элькинд П.С. Указ. соч. С. 38.

ганов государства (должностных лиц) по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению дел о преступлениях»¹.

В связи с этим ряд процессуалистов настаивают на необходимости разграничения целей и задач уголовного процесса².

Так, В.Т. Томин совершенно справедливо отмечал, что «во всякой отрасли человеческой деятельности цель первична, и нет никаких оснований делать исключение для уголовно-процессуальной деятельности»³. Однако позволим себе оспорить мнение В.Т. Томина касаясь его дальнейших размышлений по этому вопросу. Указанным уважаемым ученым утверждалось, что цель уголовного процесса – это цель производства по уголовному делу. О задачах же следует говорить применительно к уголовному судопроизводству как отрасли государственной деятельности. Достижение целей уголовного процесса по подавляющему большинству дел обеспечивает выполнение задач уголовного судопроизводства⁴.

Аналогичное суждение высказывалось и ранее. Например, Н.Н. Полянский полагал, что задача – это общая категория. Она решается уголовным судопроизводством как отраслью права вообще, по всем делам. Цель же – категория конкретная, отвечающая на вопрос о том, на что должна быть направлена процессуальная деятельность по каждому отдельному делу⁵.

В указанном подходе используется иная трактовка понятий, не соответствующая выявленным общенаучным канонам. В связи с тем, что общеправовые разработки сохраняют роль источника гипотез, теоретических и методологических подходов для остальных наук, считаем некорректным их отрицать. Мы придерживаемся мнения, что соотношение данных понятий прямо противоположно: цели процесса достигаются путем решения задач⁶.

¹ Элькин П.С. Указ. соч. С. 29.

² Томин В.Т. Понятие цели советского уголовного процесса // Известия вузов. «Правоведение». 1969. № 4. С. 66; Курс советского уголовного процесса (Общая часть) / под ред. А. Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 205; Поляков М. Уголовный процесс: новые задачи в старой упаковке // Рос. юстиция. 1998. № 10. С. 12; Дубина И.А. Задачи досудебного уголовного судопроизводства и роль прокурора в их достижении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 10-11.

³ Томин В.Т. Указ. соч. С. 66.

⁴ Там же. С. 65, 70; Томин В.Т. К вопросу о цели уголовного судопроизводства // Тезисы докладов и сообщений. Научная конференция. Омск, 1971. С. 51-52.

⁵ Полянский Н.Н. Вопросы истории советского уголовного процесса. М., 1956. С.46.

⁶ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. С.144; Кобяков В.М. К вопросу о задачах советского уголовного процесса // Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 1985. С. 36-37; Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 52; Деришев Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ.

Помимо соответствия данного суждения принятым общенаучным разработкам, оно позволяет выстроить стройную логическую систему рассуждений, которую возможно использовать в качестве методологической основы при исследовании важнейших проблем уголовно-процессуальной науки в целом и предварительного расследования в частности. Непосредственному применению возможностей, получаемых при использовании категории «задача», разграничению с рядом смежных с ней понятий, определению места в процессе целеполагания при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности будет посвящен следующий параграф монографии. Здесь же мы рассматриваем существование такой возможности.

Безусловно, приведенные выше признаки категории «задача» являются базовыми, без них она не может существовать как таковая. Однако ориентация только на основные признаки еще не позволяет охарактеризовать категорию «задача» как правовую, а также использовать ее напрямую в уголовном процессе. Представляется необходимым уточнить иные ее признаки. В связи с этим полагаем, что при характеристике данной категории следует указать на урегулированность ее нормами права. Правовая деятельность осуществляется в юридических рамках, поэтому решение задач не является произвольным, оно обязательно должно соответствовать установленной законодательной процедуре.

Кроме того, необходимо отметить признак объективности содержания задач. Подразумевается, что правовые задачи не могут являться результатом умозрительных выводов, их содержание должно отражать объективные закономерности правовой действительности. В связи с этим особо следует оговорить, что задачи одного уровня не могут совпадать, дублировать друг друга. Иное будет указывать на ошибочность в методологии при их постановке. Содержанием задач является самостоятельное, обособленное направление деятельности. В то же время необходимо иметь в виду, что изолированность содержания задач может быть только относительной. Не следует преувеличивать данное свойство.

Решение правовой задачи не может зависеть от конкретного субъекта деятельности, выполняющего ее. Это объясняется тем, что правоприменителям задача ставится в форме общего должностящего требования, ориентированного на широкий круг участников деятельности, обладающих единым профессиональным статусом. Выполнить поставленную задачу данным лицам необходимо в силу своих служебных обязанностей.

Омск, 2003. С. 35; Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 104-105. К числу представителей данного подхода мы можем отнести значительно большее количество авторов. Для этого достаточно обратиться почти к любому автореферату диссертации на соискание ученой степени кандидата, доктора наук, где отмечается, что «сформулированная цель исследования обусловила необходимость решения следующих задач».

Приведенные признаки, характеризующие должные требования, указывают на непосредственную связь категории «задача» с законодательной материей, вследствие чего о ней можно говорить как о правовой категории. Урегулированность нормами права и объективность содержания следует относить к группе ранее обозначенных признаков категории «задача»: условиям, требованиям, иерархичности.

Отмеченные правовые особенности были учтены авторами «Теории юридического процесса», что позволило им сформулировать определение правовой задачи как выраженной или вытекающей из закона объективно существующей формы правового долженствования, реализуемой органами государства, должностными лицами, ведущими процесс, через конкретную, упорядоченную процессуальным законом деятельность с целью достижения отдельного и общего правового результата¹.

Указанное определение, по нашему мнению, является наиболее приемлемым для нашего исследования. Среди его достоинств следует назвать установление в качестве основополагающего признака категории «задача» обусловленность целью. Этим подчеркиваются целеполагающий характер деятельности, а также особая роль категории «задача» в ней, которая позволяет практически изменить наличествующую ситуацию в целевую. Применительно к конкретному виду деятельности, например предварительному расследованию, определение задач, а также их системы необходимо делать с учетом ориентации на цель конкретной деятельности².

Говоря об отдельном и общем правовом результате, надлежит подчеркнуть, что задача направлена на достижение цели (отдельный результат), приводящей к получению желаемых ценностей, устремлений (общий результат). Этим демонстрируется место категории «задача» в целеполагании, ее взаимосвязь с итогами деятельности.

Дополнить данное определение можно за счет включения в него указания на форму осуществления деятельности – конкретные мероприятия, с помощью которых она реализуется. Задачи не могут самостоятельно воплотиться в жизнь, для этого требуется приложение соответствующих усилий.

Приведенные соображения позволили выработать следующую дефиницию: задача – это выраженная в законе или вытекающая из него объективно существующая форма правового долженствования, реализуемая уполномоченными на то субъектами путем выполнения мероприятий для достижения отдельного и общего правового результата.

При характеристике категории «задача» следует обратить свое внимание и на существенное ее отличие от того, что принято обозначать

¹ Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. С. 144.

² Именно по этой причине определение задач предварительного расследования будет указано нами в последующем параграфе.

функцией. Ряд совпадений можно объяснить применением категории «функция» во многих значениях. Так, по мнению В.И. Куценко, термин «функция» может обозначать: 1) действие, деятельность, операцию; 2) способность к действию, деятельности; 3) роль; 4) значение; 5) свойство; 6) обязанность; 7) компетенцию; 8) зависимость одной величины от другой; 9) задачу¹. В зависимости от использования того или иного значения могут отличаться и подходы к соотношению указанных категорий. Например, часто понятие «функция» применяется для обозначения «задачи», и наоборот².

Если отталкиваться от понимания уголовно-процессуальной функции как специальной роли субъектов уголовного процесса³, то ее сущность можно определить как некую концепцию назначения, роли участников судопроизводства, определяемую нормами права и выраженную в соответствующих основных направлениях уголовно-процессуальной деятельности. В связи с этим можно утверждать, что для деятельности в рамках «функции-концепции» имеются свои задачи.

Сложность применения данной категории заключается в том, что весьма затруднительно продемонстрировать всю многогранность деятельности участников уголовного процесса, используя краткую формулировку «функции-концепции». В случае ее детальной характеристики выделяются основополагающие элементы деятельности в виде задач, которые являются программой мероприятий, отражающей назначение и роль участников. Наличие точных, четких указаний и установленных приоритетов по вопросам работы правоохранительного органа обуславливается достижением эффективности его деятельности. В отличие от «функции-концепции» система задач конкретного вида деятельности способствует тому, что даже рядовой сотрудник осознает свою роль, роль подразделения при ее осуществлении, так как «определение задач программирует в каждой конкретной ситуации деятельность суда, прокурора, следователя, дознавателя для того, чтобы эта деятельность отвечала данным задачам»⁴.

Если же исходить из значения категории «функция», заключающегося в том, что последняя является направлением, стороной деятельности⁵,

¹ Куценко В.И. Указ. соч. С. 100.

² Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969. С.35; Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1968. С. 197.

³ Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 51.

⁴ Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9. С. 72.

⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1956. Т. 1. С. 168; Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 30; Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса : учебное пособие. Ярославль, 1978. С. 67.

то соотношение с категорией «задача» будет прямо противоположным вышеуказанному. «Функция-деятельность» будет подразумевать конкретный процесс реализации мероприятий, характеризовать содержание деятельности субъекта, например входящих в состав той или иной задачи. Поэтому при оперировании категорией «функция» речь обычно идет о деятельности, направленной на выполнение каких-либо задач¹. При использовании термина «функция» в этом значении его корректнее именовать функционированием.

В связи с этим выразим согласие с мнением А.П. Гуляева, утверждавшего, что «функции вытекают из задач». Определяющим, побудительным началом для следователя являются стоящие перед ним задачи, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства. Функции, обусловленные задачами, носят производный, служебный характер².

Указанный смысл категория «функция» нашла отражение в ряде законодательных актов. Например, в приказе МВД России «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» в пп. 2.1-2.4 перечисляются основные задачи главного следственного управления, следственного управления, следственного отдела, а в пп. 10.1-10.15 указываются основные функции главного следственного управления, следственного управления, следственного отдела, осуществляемые в целях решения возложенных на него задач³.

Подводя итог нашим размышлениям, констатируем, что считаем возможным широкое использование категории «задача» при исследовании уголовного процесса в целом, а также его составных частей, в частности предварительного расследования. При этом необходимо учитывать не только основные признаки общенаучной категории «задача», но и ряд специфических, наличие которых связано с правовыми особенностями данной сферы общественных отношений.

Включая в уголовный процесс категорию «задача», мы подчеркиваем, что уголовно-процессуальная деятельность как вид государственной деятельности обусловлена общей целью, определяющей ее сущность и функционирование. Стадии, институты уголовного процесса должны соответствовать, подчиняться его цели. В то же время указанные элементы обладают своими задачами, выполнение которых обеспечивает достижение цели уголовного судопроизводства.

¹ См.: Зинатуллин З.З. Сущность и социальное назначение уголовно-процессуальных функций // Категориальный аппарат уголовного права и процесса : сб. науч. тр. Ярославль, 1993. С. 42.

² Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя : учебное пособие. М., 1981. С. 7, 8.

³ Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 09.01.2018 № 1 // СПС КонсультантПлюс.

Для того чтобы говорить о задачах предварительного расследования, необходимо позиционировать, что нами будет подразумеваться под самим предварительным расследованием. В литературе выделяются несколько смысловых значений данного понятия: под предварительным расследованием понимаются правовой институт, самостоятельная стадия (этап) уголовного процесса, особого вида процессуальная деятельность.

Например, Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, рассматривая предварительное расследование как стадию уголовного процесса, вместе с тем отмечали, что она заключается «в процессуальной деятельности (здесь и далее курсив мой. – А.С.) органов следствия и дознания по раскрытию преступлений, привлечению к уголовной ответственности виновного и подготовке условий для предания его суду, а равно по установлению отсутствия предполагаемого преступления или оснований для направления дела в суд»¹. Л.Д. Самыгин считал, что расследование – это система деятельности, в которой основным является информационный процесс, состоящий из поиска, получения, накопления, переработки и использования информации². Авторы учебника «Уголовно-процессуальное право» под редакцией П.А. Лупинской склоняются к тому, что «предварительное расследование можно определить как деятельность органов дознания, дознавателя, следователя, прокурора по собиранию, проверке и оценке доказательств, на основе которых устанавливаются имеющие значение для дела обстоятельства, изобличаются и привлекаются в качестве обвиняемого лица, совершившее преступление, принимаются меры по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, принимаются меры по возмещению ущерба, нанесенного преступлением»³.

Точки зрения авторов, отстаивающих первоочередность одного из указанных смысловых значений, не противоречат друг другу. Несмотря на, казалось бы, имеющиеся разночтения, все исследователи признают, что предварительное расследование представляет собой специфическую деятельность. С этим следует согласиться.

Называя предварительное расследование стадией (этапом), т.е. составной частью уголовной процессуальной деятельности, тем самым признают, что оно представляет собой ее разновидность. Определение предварительного расследования как правового института подразумевает понимание расследования как специфического вида деятельности, обусловленного комплексом правовых норм, регламентирующих его производство.

¹ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 31.

² Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 7.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2005. С. 372.

В связи с этим в рамках данного исследования необходимо говорить о предварительном расследовании как об особой разновидности деятельности, предопределяемой системой ее задач, обусловленных целью уголовного процесса. Поэтому под предварительным расследованием в контексте исследования мы будем понимать уголовно-процессуальную деятельность, ограниченную рамками уголовного дела, складывающуюся из комплекса процессуальных действий и принятия процессуальных решений, предопределяемых задачами предварительного расследования, выполнение которых обеспечивает достижение цели уголовного процесса.

Исходя из изложенного в параграфе, можно сделать следующие выводы.

Характер исследуемых в монографии задач предварительного расследования требует определенного научного абстрагирования и обобщения, обуславливает необходимость рассмотреть широкий круг теоретических вопросов.

Уяснение многогранности и многоаспектности правовой категории «задача» в сфере уголовного судопроизводства возможно при использовании подходов, разработанных в общенаучных концепциях. Обращение к ним позволило выявить основополагающие свойства: наличие условий (возникновения и осуществления), требований (конкретности и результативности); иерархичность системы целеполагания; урегулированность нормами права; объективность содержания.

Категория «задача» – это выраженная в законе или вытекающая из него объективно существующая форма правового долженствования, реализуемая уполномоченными на то субъектами путем выполнения мероприятий для достижения отдельного и общего правового результата.

Использование категории «задача» в уголовном процессе подчеркивает обусловленность уголовно-процессуальной деятельности общественными потребностями, предопределяющими специфическую цель. Последняя детерминирует сущность и содержание системы задач, решение которых приводит к достижению определенной цели и получению требуемых ценностей.

§ 2. Теоретико-правовые предпосылки определения задач предварительного расследования

Общим для любого типа процесса является то, что он образуется единой по своей природе и целостной по содержанию деятельностью лиц, участвующих в нем. При производстве по юридическому делу содержание этой деятельности объективно группируется в однородные объединения (этапы, стадии) для достижения ближайшей цели через решение конкретных задач. Деятельность, связанная с решением этих задач, по отношению

к общей цели является промежуточной и носит вспомогательно-обеспечивающий характер. Для того чтобы говорить о задачах, в том числе и предварительного расследования, необходимо рассмотреть начала, которые предопределяют их формирование в системе целеполагания уголовного судопроизводства.

В научной среде с далекого прошлого и по настоящее время не прекращается полемика о назначении уголовного судопроизводства¹. Кроме того, что практически в любом научном труде по уголовному процессу данный вопрос рассматривается в обязательном порядке, имеются и специально посвященные ему научные работы². По-видимому, эту дискуссию можно отнести к числу таких, которые никогда не заканчиваются. Здесь следует подчеркнуть, что от правильного понимания назначения уголовно-процессуальной деятельности зависит определение задач предварительного расследования, их системы.

Мнения процессуалистов разнятся относительно понятий, используемых для установления предназначения уголовного процесса. В литературе и ранее, и в настоящее время предпринимаются попытки рассмотреть данную проблему путем использования категорий «назначение», «цель», «задача». Понятийный аспект дискуссии о назначении уголовного судопроизводства не стоит недооценивать. Именно он является важнейшей первоосновой для ее решения, определения общей направленности в исследовании данного вопроса.

Проанализировав известные нам точки зрения относительно предназначения процесса, мы пришли к выводу, что все они могут быть сведены к следующим вариантам его определения: разрешение правового спора, конфликта между государством и лицом, совершившим преступление³;

¹ Мы используем понятия «уголовный процесс», «уголовное судопроизводство», «уголовно-процессуальная деятельность» как тождественные (если иное прямо не оговорено) в целях избегания тавтологии, хотя и понимаем, что между ними существуют определенные отличия.

² Полянский Н. Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919; Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве; Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства. М., 2003; Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление : монография. СПб., 2005; Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : монография. Пятигорск, 2005; Дубина И.А. Указ. соч.; Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006; Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе : дис.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006; Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Программа уголовного судопроизводства : монография. М., 2009; Чердынцева И.А. Назначение современного российского уголовного процесса : учебное пособие. Омск, 2010 и др.

³ Розин Н.Н. К вопросу о новой теории уголовного процесса // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 2. С. 312; Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 21; Филин Д.В. Опасности уголовного судопроизводства и их классификация // Гос-во и право. 2002.

установление истины¹; реализация норм материального права и правильного его применения; справедливое наказание виновного; борьба с преступностью²; защита личности³ и др. При этом в рамках каждого из выделенных понятий может существовать множество подвидов, вариаций. Кроме того, имеется различная сочетаемость выделенных групп в авторских концепциях, образующая дуализм целей. Однако все они по сути своей сводятся к двум основам: приоритету частного или публичного начала. В сравнительно недавнее время стала весьма популярной точка зрения, согласно которой первая имеет превалирующее значение.

Представляется, что в этой многолетней дискуссии взамен критики высказываний оппонентов в большей степени следует предпочесть анализ реально сложившейся ситуации, что может быть полезным для решения затянувшегося спора и, возможно, позволит внести определенный вклад в развитие процессуальной науки.

Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), безусловно, представляют собой важнейшую правовую обязанность государства. Указанные положения являются достижением правовой мысли, основываются на общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции Российской Федерации, поскольку для российского государства в настоящее время права личности являются основой правовой политики⁴. Ценность указанных установок не может быть подвергнута сомнению. И в связи с этим следует констатировать, что «приня-

№ 9. С. 116; Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // *Гос-во и право*. 2005. № 5. С. 114.

¹ Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному процессу. М., 1915. С. 1; Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19; Мотовиловкер Я.О. Указ. соч. С. 23; Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. М., 1997. С. 83-85; Еникеев З.Д. Концептуальные и правовые детерминанты установления истины в уголовном процессе // *Проблемы уголовно-процессуального права : материалы междунар. научно-практ. конф. Караганда, 2006. Вып. 5. С. 76-83.*

² Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1928. С. 6; Советский уголовный процесс. М., 1953. С. 7; Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 72; Шпилев В.Н. Содержание и форма уголовного судопроизводства. Минск, 1973. С. 126; Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 51; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. С. 40.

³ Володина Л.М. Цели и задачи уголовного процесса // *Гос-во и право*. 1994. № 11. С. 126-132; Сереброва С.П. О цели современного уголовного судопроизводства России // *Рос. судья*. 2005. № 6. С. 19; Дубина И.А. Указ. соч. С. 10.

⁴ Панькина И.Ю. Новая уголовно-процессуальная политика // *Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 163.*

тие УПК РФ явилось важнейшим шагом России вперед на пути демократических преобразований»¹.

Конституция Российской Федерации нормативно закрепила исходное положение, согласно которому наше государство является демократическим и правовым (ст. 1). Данная норма и Основной закон страны в целом опосредовали включение России в мировое сообщество, установили механизм взаимодействия правовой системы нашей страны и международного правопорядка. Дальнейшая государственная деятельность демонстрировала последовательность в осуществлении этих планов.

Вступление Российской Федерации в Совет Европы 28 февраля 1996 г., присоединение к Уставу² этой организации, другим основополагающим ее актам, ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод³ и ряда других международных документов «обязывают» отдельно указывать направленность на защиту прав и свобод человека и гражданина всей деятельности государства, а в особенности ее правовой сферы. Прослеживается «стремление законодателя привести нормы российского закона в соответствие с международно-правовыми актами и тем самым приблизить отечественное уголовное судопроизводство к мировому уровню»⁴. Именно такими доводами можно апеллировать при обосновании существующей в настоящее время нормы, определяющей назначение уголовного судопроизводства.

В основополагающих международных актах, национальном законодательстве также имеется указание на приоритет прав и свобод человека и гражданина, и эти акты имеют прямое действие. Поэтому при принятии процессуальных решений возможно ссылаться на указанные нормы непосредственно, и на данное обстоятельство обращали внимание некоторые исследователи. Например, А.Н. Бабай, В.С. Тимошенко, анализируя положения п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», констатировали, что существует возможность прямого действия и применения норм международного права как органами власти, так и заинтересованными физическими и юридическими лицами, которые могут ссылаться прямо на нормы международного права при разрешении споров между собой и с государственными органами, предприятиями, учреждениями и организа-

¹ Курочкина Л.А. Принципы и нормы Совета Европы в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 122.

² Устав Совета Европы (ETS № 1) (принят в Лондоне 5 мая 1949 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 12. Ст. 1390.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Таричко И.Ю. Проблемы назначения уголовного судопроизводства // Вестник Оренбург. ун-та. 2006. № 3. С. 177.

циями¹. Указанные размышления подтверждаются соответствующей правоприменительной практикой.

Так, в ходе судебного следствия по уголовному делу, руководствуясь положением п. 3 «d» ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учетом практики Европейского суда по правам человека и вопреки возражениям стороны защиты, суд огласил показания потерпевшего, который в связи со смертью не мог быть допрошен в суде. Как было установлено в ходе предварительного следствия, обвиняемый имел возможность задавать вопросы потерпевшему во время опознания, в связи с чем суд нашел, что оглашение показаний потерпевшего не нарушает прав обвиняемого, и положил эти доказательства в основу обвинения². Следует подчеркнуть примечательность данного факта и тем, что в 2002 г. ч. 1 ст. 281 УПК РФ допускала оглашение показаний неявившегося потерпевшего только с согласия сторон.

В связи с этим же можно обратиться и к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5, в п. 9 которого разъясняется, что «неправильное применение судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта»³. Следует констатировать, что имеется возможность использовать нормы международного и конституционного права «напрямую». Указанные нормы определяют в большей степени процессуальные права человека, обеспечение которых лежит в основе деятельности следователя, прокурора, суда. Внутригосударственному же процессуальному законодательству необходимо отдать приоритет в установлении конкретного порядка производства по уголовному делу, обладающего своим итогом деятельности, на который уголовный процесс и должен быть непосредственно ориентирован.

Уголовно-процессуальная деятельность, безусловно, является составной частью общегосударственной политики, направленной на защиту вышеуказанных ценностей. Однако «имея подчиненный, служебный характер по отношению к общеправовой цели, цель уголовно-процессуального права выражает специфику предмета и метода именно данного вида

¹ Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11. С. 99.

² О практике применения п. 2 ч. 1 ст. 281 УПК РФ : информационное письмо // Реализация полномочий прокурора в заключительной стадии судоговорения : научно-практическое пособие. Н. Новгород, 2002. С.95-98.

³ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

правового регулирования»¹. Уголовный процесс следует рассматривать как целостную, относительно самостоятельную и обособленную деятельность. Мы считаем, что не стоит искусственно подменять цель уголовного процесса исходя из политических предпочтений. В связи с этим можно утверждать, что в уголовном судопроизводстве защита лиц, потерпевших от преступлений, и лиц, обвиняемых в совершении противоправных действий, должна осуществляться опосредованно: путем достижения собственно процессуальных целей и решения задач.

Здесь необходимо отметить, что законодатель, реформируя уголовное судопроизводство, иногда некритически заимствовал и механически внедрял в отечественный уголовный процесс классические английские, американские институты², сделав напрасный «реверанс» в сторону чуждых англо-американских аналогов³. При этом не были учтены последние мировые тенденции, проявляющиеся во все более ужесточающейся карательной направленности процесса. Ограничение процессуальных прав подозреваемого и обвиняемого, отказ от традиционных принципов уголовного судопроизводства, вмешательство в личную жизнь все чаще рассматриваются как меры, необходимые в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия в целях предотвращения преступлений в соответствии со смыслом п. 2 ст. 8 Европейской конвенции⁴.

Кроме того, разработчики проекта УПК РФ пренебрегли разумными рекомендациями зарубежных экспертов, изложивших свое мнение в подготовленном в 1999 г. по поручению Совета Европы документе – Экспертной оценке проекта. По поводу соответствующей статьи проекта отмечалось: «Эта статья преувеличивает добрые намерения авторов Проекта. Не может быть никакого сомнения в том, что в первую очередь задачей уголовного процесса является установление факта преступления, розыск подозреваемого и проведение беспристрастного судебного разбирательства с целью установить виновность подсудимого и назначить ему наказание. Утверждение на первом месте, что задачей уголовного процесса является защита личности, поднимает вопрос, какую личность следует защищать – обвиняемого от органов государства или потерпевшего от преступника? А что же насчет преступлений против государства или так называемых пре-

¹ Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 8.

² Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбург. ун-та. 2006. № 3(53). С. 5.

³ Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России : монография. Омск, 2006. С. 52.

⁴ Ведерникова О.Н. Оценка российского УПК с позиции мировых процессуальных тенденций // Гос-во и право. 2002. № 9. С. 113.

ступлений без потерпевших, таких как торговля наркотиками или отмывание денег?»¹.

Как известно, логика приведенных размышлений не нашла должного закрепления в УПК РФ. «Назначение уголовного судопроизводства» является термином, который появился в уголовном процессе в связи с реформированием уголовно-процессуального законодательства, и он отражает предназначение уголовно-процессуальной деятельности. Нововведение в кругу процессуалистов понимается и оценивается по-разному.

Ряд ученых отождествляют цель и назначение уголовного судопроизводства, трактуя их как синонимы². Другие, пытаясь найти обоснование используемого термина, приходят к выводам, что назначение представляет собой перечень задач уголовного судопроизводства³. Третьи утверждают, что «термином "назначение уголовного судопроизводства" обычно обозначают функции»⁴.

Есть авторы, положительно относящиеся к новому термину. Так, Г.К. Кожевников заявляет, что «введение в УПК РФ вместо термина "задачи" термина "назначение" является абсолютно правильным, поскольку последний более конкретно определяет направленность уголовно-процессу-

¹ Цит. по: Мишин Г.К. О коллизиях уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики // Гос-во и право. 2002. № 10. С. 99.

² Васильев О.Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2002. № 3. С. 24; Химичева Г.П., Химичева О.В. УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства // Закон и право. 2002. № 10. С. 36; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2002. С. 13; Малахова Л. И. Уголовно-процессуальная деятельность: понятие, предмет и структура. Воронеж, 2003. С. 41; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М., 2003. С. 28; Уголовный процесс : учебник для юрид. высш. учеб. завед. / под общ. ред. В.И. Радченко. М., 2003. С. 9; Смирнов А.В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. СПб., 2005. С. 31; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. С. 20.

³ Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 232; Михайловская И. Права личности новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 2; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. С. 28; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 27; Панькина И.Ю. Указ. соч. С. 164; Дубина И.А. Указ. соч. С.10-11; Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения : дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 28.

⁴ Белоносов В.О., Громов Н.А. О соотношении задач и назначения уголовного судопроизводства // Право и политика. 2005. № 10. С. 98. См. также: Калинин В.Н. Цель, задачи, функции и назначение уголовного процесса // Следователь. 2003. № 3. С. 9.

альной деятельности»¹. По его мнению, «более конкретное определение направленности уголовно-процессуальной деятельности» обусловливается тем, что в законе имеется четкая градация субъектов уголовного процесса, права и законные интересы которых призвано охранять уголовное судопроизводство. Такой вывод автор делает, сравнивая уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и Украины, где в качестве первой задачи уголовного судопроизводства фигурировала охрана прав и законных интересов физических и юридических лиц, принимающих в нем участие. Не исключено, что направленность процессуальной деятельности в УПК РФ отражена лучше, нежели в УПК Украины 1960 г., но для признания существующей в настоящее время нормы «назначение уголовного судопроизводства» удачной и завершенной этого явно недостаточно.

Большее же количество ученых по поводу замены терминов высказываются отрицательно. Например, В.О. Белоносков и Н.А. Громов, размышляя о причине такового, утверждают, что «замена "задач" на "назначение уголовного судопроизводства" была произведена не по юридическим, а по политическим основаниям, связанным с реализацией вопросов уголовно-процессуальной политики»². А.Н. Попов высказывает недоумение по поводу решения членов рабочей группы по подготовке проекта процессуального закона «перечеркнуть усилия предшественников по модернизации термина "задачи уголовного судопроизводства" и ввести в законодательный оборот новый термин, не имевший прежде серьезного распространения в науке уголовного процесса и никакого отражения в позитивном (статутном) законодательстве»³. В.А. Азаров подчеркивает: «УПК РФ предлагает совершенно "размытые", аморфные задачи, дезориентирующие органы уголовного судопроизводства»⁴. В.Н. Калинин заявляет, что «отказ законодателя от таких ключевых понятий уголовного процесса как цели и задачи уголовного судопроизводства... является не прогрессом отечественного уголовно-процессуального законодательства, а, скорее, шагом назад»⁵. М.П. Поляков констатирует: «Нормативная трактовка "назначения процесса" не передает специфики уголовного процесса (она слишком расплывчата), из нее напрочь исчезли познавательная нацеленность процесса, его устремленность к объективной истине. Без подобной установки уголовный процесс не в состоянии качественно выполнить ни одной из своих задач»⁶.

¹ Кожевников Г.К. Назначение уголовного судопроизводства по новому УПК РФ // Гос-во и право. 2002. № 10. С. 114.

² Белоносков В.О., Громов Н. А. Указ соч. С. 100.

³ Попов А.П. Указ. соч. С. 261-262.

⁴ Азаров В.А. Указ. соч. С. 5.

⁵ Калинин В.Н. Указ. соч. С. 10.

⁶ Поляков М.П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА

Суждений сходного толка можно приводить множество. Однако уже сейчас мы можем подвести итог, указав, что затруднительно понять логику законодателя, которой он руководствовался при принятии решения о смене устоявшейся терминологии. Кроме того, введение нового для уголовного процесса термина «назначение уголовного процесса» не способствовало разрешению давнего спора о предназначении уголовного судопроизводства, отсутствие же толкования в большей степени его усугубило.

Исследователями предпринимаются попытки решить данный вопрос. Весьма интересной представляется точка зрения А.С. Барабаша, который разграничивает «назначение» и «цель» уголовного процесса, утверждая, что «назначение нам говорит – для чего нужна деятельность, цель – что ожидается в результате деятельности»¹. Подобное деление данных терминов заслуживает особого внимания. Следует согласиться с автором, что цель – это то, что ожидается в результате деятельности. Мы считаем, что она же, являясь обязательным элементом целеполагания, может продемонстрировать, для чего нужна и сама деятельность. Для этого необходимо проанализировать поставленную цель. Однако с учетом того, что вся деятельность детерминирована потребностями, иногда являющимися в некоторой степени отстраненными от непосредственной цели, в большей мере взаимосвязь потребностей и деятельности прослеживается именно через понятие, отвечающее на вопрос о том, для чего нужна деятельность. По мнению А.С. Барабаша, в таком качестве может выступить термин «назначение»².

Как мы уже отмечали, потребности человека являются основой самой его сущности и, как следствие, всей его деятельности. Именно они являются исходными для определения целей, так как целеполагание в конечном счете осуществляется для получения привлекательных субъекту ценностей³.

Потребности современного человечества весьма разнообразны. Однако если мы говорим о правовом круге деятельности, в частности в уголовно-правовой сфере, то общая потребность для любого лица заключается в обеспечении соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов.

(СЮИ) : материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 192-193.

¹ Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. С. 104.

² Там же.

³ О применимости данного суждения по отношению к уголовному процессу имелись и более ранние высказывания. См: Милицин С.Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права. Свердловск, 1991. С. 26; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : монография. Н. Новгород, 2002. С. 91-93; Варяник А.А. Прекращение публичного уголовного преследования и уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : учебное пособие / под науч. ред. А.С. Александрова. Ростов-на-Дону, 2005. С. 65.

Данная формулировка является наиболее общей и позволяет выстроить логическую систему целеполагания уголовно-процессуальной деятельности.

Приведенную потребность можно конкретизировать по различным основаниям в зависимости от процессуального положения участника, момента вовлечения в сферу уголовного судопроизводства, отношения к конкретному лицу, обществу или государству и др. Поэтому в качестве содержания указанной потребности следует воспринимать ее частные составляющие, такие как верховенство закона, точное и неукоснительное его соблюдение всеми членами общества, защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, защита личности от необоснованного обвинения, неотвратимость ответственности за совершенное правонарушение, профилактика, предупреждение и борьба с преступностью и др.

Касаясь основной идеи, получившей опосредованное закрепление в ст. 6 УПК РФ, мы склонны полагать, что назначение уголовного судопроизводства выражает потребности отдельного человека, в целом общества и государства в сфере уголовного процесса. Оно, таким образом, корреспондирует к правовым нуждам, проявляет зримую, непосредственную взаимосвязь между потребностью и выполняемой деятельностью. Причем назначение – это не проявление субъективных потребностей (таковых много и все они разные), а именно проявление, форма выражения объективно нуждающихся в защите оберегаемых ценностей.

Исходя из предложенной логики, можно объяснить самостоятельное существование ч. 2 ст. 6 УПК РФ, закрепляющей, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. Не касаясь имеющихся недостатков указанной нормы¹, можно констатировать, что она является более подробной характеристикой п. 2 ч. 1 ст. 6, устанавливающей защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Представляется, что данное указание имеет место в силу особой значимости негативных последствий, которые могут возникнуть при нарушении прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых².

При ином подходе можно прийти к выводу, что уголовно-процессуальное право призвано защищать интересы личности именно в

¹ Например, обращая внимание на формулировку «освобождение невиновных от наказания», В.П. Божьев не соглашается с ней, ссылаясь на УК РФ, согласно которому невозможно применить наказание к невиновным. Божьев В.П. К вопросу о соотношении норм Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ // Гос-во и право. 2002. № 9. С. 101.

² Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. С. 95.

сфере деятельности органов уголовной юстиции. Однако дальнейшее следование ему может привести нас к весьма противоречивым выводам, например к такому: «При дословном толковании ст. 6 УПК РФ может создаться впечатление, что уголовное судопроизводство защищает потерпевших и иных граждан от самого себя»¹. Считаем, что приведенные доводы в целом подтверждают позицию, согласно которой назначение является формой выражения потребностей.

Анализ объектов защиты, перечисленных в ст. 6 УПК РФ, показывает их искусственное ограничение. Указанная статья в качестве таковых называет лишь лица и организации, потерпевшие от преступлений, при этом упущены из вида общество и государство. Существует точка зрения, согласно которой уголовный процесс является формой реализации (применения) норм материального закона². В первую очередь необходимо подчеркнуть именно эту особенность уголовного процесса, связанную с перечнем объектов, охраняемых уголовным правом.

Так, в уголовном законе существуют такие разновидности преступлений, как преступления против общественной безопасности, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, экологические преступления, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и др., где основными объектами посягательств являются общество и государство. Если в уголовном законе имеется охранительная норма, соответственно, в уголовном процессе должна быть предусмотрена форма ее реализации. Указанные объекты в той же мере подлежат защите, что и лица и организации, о которых имеется упоминание в ст. 6 УПК РФ. Абсолютно верно подчеркивает в этой связи А.П. Попов: «Исключив защиту общества и государства из числа объектов, на защиту которых направлено уголовное судопроизводство, новообразование "назначение уголовного судопроизводства" надрывает неразрывную связь между уголовно-процессуальной деятельностью и материальным уголовным правом»³. «Методологически ошибочно выстраивать задачи уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) в отрыве от задач УК РФ (ст. 2 УК РФ)»⁴. Представляется, что это упущение законодателя, которое необхо-

¹ Белоносов В.О., Громов Н.А. Указ. соч. С. 98.

² Муравьев Н.В. Общие основания устройства и уголовной деятельности прокурорского надзора. СПб., 1900. Т. 1. С. 61; Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 129; Милицин С.Д. Указ. соч. С. 26; Баранов А.М., Супрун С.В. Назначение уголовного судопроизводства и задачи уголовного закона // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики : материалы межвуз. научно-практ. конф. Омск, 2004. С. 20; Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография. М., 2019. С. 24.

³ Попов А.П. Указ. соч. С. 254.

⁴ Божьев В.П. Указ. соч. С. 101.

димо устранить. «В противном случае несогласованность норм разных отраслей права может вызвать коллизии и недоумения»¹.

Вряд ли можно согласиться с мнением ряда ученых, утверждающих, что действующая формулировка ч. 1 ст. 6 УПК РФ включает в себя в качестве объектов, охраняемых уголовным судопроизводством, общество и государство². Более того, включение общества и государства в число объектов, защищаемых в ст. 6 УПК РФ, обуславливается не только видами преступления. Так, при совершении общественно опасного деяния в отношении конкретного лица, признанного впоследствии потерпевшим, теми же деяниями затрагиваются интересы в целом и общества, и государства. Например, совершая преступление против жизни и здоровья, виновный посягает на общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни и здоровья граждан. Имеются в виду нежелательность самого преступления и его последствий для конкретного лица, его окружения, общества и государства в целом. В связи с этим мы разделяем мнение, что указанные элементы следует дополнительно включить в число объектов назначения уголовного процесса, внесение соответствующих изменений в УПК РФ более полно отразит предназначенность уголовного судопроизводства³.

Необходимо отметить, что, говоря о таком объекте защиты, как лицо, потерпевшее от преступления, следует понимать под ним не только участника уголовного процесса, уже наделенного процессуальным статусом, но также не обладающее статусом лицо, которому причинен какой-либо ущерб в результате преступления. Это вызвано тем обстоятельством, что участники, пострадавшие от преступления, но не признанные потерпевшими, могут выпасть из круга объектов, нуждающихся в защите⁴. При обеспечении их защиты в первую очередь требуется исходить из существенных признаков фактического положения граждан⁵.

¹ Баранов А.М., Супрун С.В. Указ. соч. С. 25.

² Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. С. 28; Степанов К. В. Проблемы качества предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 16; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. М., 2006. С. 30.

³ См., напр.: Божьев В.П. Указ. соч. С. 101; Баранов А.М., Супрун С.В. Указ. соч. С. 25; Масленникова Л.Н. Цель уголовного судопроизводства как форма правового согласования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных интересов государства и личности // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 71-72.

⁴ Попов А.П. Указ. соч. С. 255.

⁵ Подобная логика обнаруживается и в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации: при обеспечении процессуальных гарантий лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства, необходимо исходить прежде всего из существенных признаков, характеризующих их факти-

В то же время недопустимо ограничиваться защитой только лишь лиц, пострадавших от преступления или привлекаемых к уголовной ответственности. В сферу уголовного судопроизводства, помимо указанных категорий, вовлекаются множество иных лиц, обладающих правами и интересами, наделенных кругом обязанностей. Правила, установленные уголовно-процессуальным правом, должны обеспечивать защиту интересов каждого, кто был вовлечен в сферу уголовной юрисдикции, независимо от его процессуального положения¹. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а также обязанность государства в их признании, соблюдении и защите (ст. 2 Конституции Российской Федерации), необходимо обеспечить соответствующий механизм соблюдения и реализации данных предписаний. Эти положения должны найти закрепление в ст. 6 УПК РФ. Представляется, что следователь, прокурор, судья, реализуя назначение уголовного судопроизводства, должны исходить из необходимости обеспечить права всех его участников.

Учитывая приведенные соображения, мы приходим к выводу, что назначение уголовного судопроизводства представляет собой форму выражения общественных потребностей, заключающихся в обеспечении соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, а также общества и государства; лиц, подвергаемых ограничению прав и свобод, уголовному преследованию, обвинению и осуждению; иных лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве.

К настоящему моменту мы проанализировали одно из определяющих начал задач предварительного расследования – назначение уголовного судопроизводства. Однако считаем, что предварительное расследование не ограничивается данной детерминантой: уголовный процесс обладает собственной целью. То, что защита указанных в ст. 6 УПК РФ ценностей не является непосредственной целью процессуальной деятельности, косвенно подтверждает и сам текст закона: используется термин «назначение». Однако ограничиться этим доводом о наличии в уголовном судопроизводстве непосредственной цели невозможно, рассмотрим вопрос подробнее.

Защита ценностей, получивших частичное закрепление в ст. 6 УПК РФ, связывается с реализацией уголовно-процессуальной деятельности. Безусловно, исполнение процессуальных норм должно обеспечить защиту и соблюдение интересов лиц, пострадавших от преступления, лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, лиц, подвергаемых преследова-

ческое положение (см.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882).

¹ Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. С. 28.

нию, обвинению, осуждению. Совершенно справедливо задается вопросом В.А. Азаров: «Как практически в уголовном процессе можно защитить потерпевшего от преступления, не выявив при этом существования действительно происшедших событий и не установив их участников?», а затем дополняет: «Без выполнения последних предписаний поставленная УПК РФ задача защиты потерпевших от преступлений превращается в декларацию»¹. Мы не можем непосредственно применить в уголовном судопроизводстве «формулировки высокой степени общности, представляющие собой идеологию уголовного процесса»², в противном случае следование в рамках предлагающейся разработчиками уголовно-процессуального закона концепции целеполагания уголовного судопроизводства – «показной заботе о правах личности, соответствии общепринятой идеологии»³ – окажет негативное влияние на эффективность правосудия, и в первую очередь на реальную защиту прав, свобод и законных интересов граждан.

Любое отдельно взятое направление человеческой деятельности обладает спецификой, ориентируется на выполнение конкретной цели, задачи, достижение определенного результата. Специфика уголовного судопроизводства заключается в том, что его возникновение было вызвано преступностью как социально негативным явлением. Существование уголовно-процессуальной деятельности закономерно и необходимо до тех пор, пока будут совершаться преступления. Единичные преступления, преступность как явление представляют собой факторы, обуславливающие существование как уголовного-процесса, так и комплекса уголовно-правовых отраслей.

В то же время мы не можем назвать меры противодействия преступности (борьба, контроль, искоренение и др.) непосредственной целью уголовного судопроизводства, ибо таковые ею не являются. Преступление – это негативное качество человеческой природы⁴. Отмечая сложность и многогранность преступности, Б.М. Кедров писал: «Может показаться, что проблема преступности чисто юридическая. Между тем для своего изучения она требует участия не только правовой науки, но и целого ряда других общественных наук, начиная с экономических и кончая философскими, в том числе наукой о морали (этикой) и другими. Немалое значение имеют здесь изучение семейных отношений, постановки дела воспитания

¹ Азаров В.А. Является ли сегодня истина целью российского уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. мат-лов междунар. научно-практ. конф. Красноярск, 2003. Ч. 2. С. 76.

² Томин В.Т., Попов А.П. Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. Пятигорск, 2003. С. 7.

³ Меженина Л.А. Идеология в уголовном процессе // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 83.

⁴ Поздняков Э.А. Философия преступления. М., 2001. С. 239.

и народного (школьного) образования, вопрос об использовании свободного времени (досуга) и т.д.»¹. Безусловно, приведенные положения необходимо трактовать шире. Следует понимать, что речь идет не только о науках. Преступность – это социально негативное явление, воздействовать на которое необходимо самыми разнообразными методами. Уголовный процесс является частью политики по противодействию ей, но он не может непосредственно воздействовать на преступность как социальный феномен. Например, уголовное судопроизводство не оказывает прямого воздействия на такую составную часть преступности, как криминализованная субкультура, в соответствии с которой ряд деяний определенными социальными слоями не признаются преступными и даже одобряются ими.

С другой стороны, часть государственной системы в лице компетентных органов не может не принимать участия в общей политике противодействия преступности, называемой «главной угрозой современности»². Однако, учитывая различия в компетенции, необходимо утверждать, что они делают это в соответствии с имеющимися у них возможностями. Весомая роль принадлежит специально созданным для этого органам. Органы уголовной юстиции являются «социально-правовым инструментом поддержания правопорядка в обществе»³. Именно поэтому данные органы обязаны в каждом случае совершения преступления возбуждать уголовное дело, расследовать и рассматривать его по существу. Не учитывая это, «мы из крайности, свойственной советскому периоду развития уголовного процесса, когда превалировали государственные интересы при реализации уголовно-процессуальной деятельности, бросаемся в другую, видя назначение уголовного процесса только в соблюдении частных интересов»⁴.

Ранее нами уже отмечалась связь материального и процессуального права. В очередной раз мы хотим обозначить ее, связав с взаимообусловленностью указанных отраслей права. Так, задачами уголовного права являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Материальное право в определенной мере самодостаточно для их осуществления. Оно в конечном счете для того и существует, чтобы присущими ему специфическими средствами осуще-

¹ Кедров Б.М. Классификация наук. М., 1985. С. 25.

² Лунеев В.В. Вступительное слово к научно-практической конференции «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Гос-во и право. 2002. № 9. С. 89.

³ Волколуп О.В. Справедливость как основополагающее начало уголовного судопроизводства // Вестник Оренбург. ун-та. 2006. № 3(53). С. 39.

⁴ Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. С. 98.

ствить защиту общественных отношений от преступных посягательств¹. В уголовном законе устанавливаются уголовно-правовые запреты, которые одним лишь своим наличием охраняют указанные ценности, предупреждают совершение преступлений (общая превенция). Однако уголовное право не может быть самостоятельно применено при нарушении установленных в нем запретов. В этом случае необходима процедура воплощения в жизнь норм материального права. В таком качестве выступает уголовно-процессуальное право, роль которого заключается в регламентации порядка производства по уголовному делу².

Материальное право, устанавливая основания и принципы уголовной ответственности, общественно опасные деяния, являющиеся преступлениями, виды наказаний за совершение преступлений, иные меры уголовно-правового характера, выступает первичным, определяющим элементом по отношению к процессуальному. Уголовному судопроизводству надлежит познать, в особой правовой (уголовно-процессуальной) форме, интересующее событие действительности, решить, подпадает ли оно под действие уголовного права. При положительном ответе на данный вопрос необходимо обеспечить применение нормы уголовного права, при отрицательном ответе ее применение недопустимо. Именно таким способом уголовный процесс обеспечивает реализацию уголовного права. В этом, по нашему мнению, и заключается первый элемент цели уголовного судопроизводства. Ее следующие составные части можно подчеркнуть из позиций предшественников, ранее высказывавшихся по этой проблематике.

Не имея возможности проанализировать все имеющиеся точки зрения ученых о целях уголовно-процессуальной деятельности, мы коснемся лишь той части из них, которая представляет наибольший интерес, а также позволяет прийти к собственному мнению относительно данного вопроса.

Многие авторы, размышляя о цели уголовного судопроизводства, усматривали ее в установлении истины, как правило, подразумевая под ней точное «соответствие знаний действительности»³. Не вникая в извечный спор о характере истины, устанавливаемой в уголовном процессе, мы не можем не признавать возможности установления фактических обстоятельств уголовного дела, ибо само уголовно-процессуальное доказывание как вид процессуальной деятельности основывается на этом. Иное лишало бы смысла деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств⁴. Поэтому при формулировании уголовно-процессуальных детерминант необ-

¹ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 1998. С. 7.

² Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. С. 128.

³ Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 466.

⁴ Корякин Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 417.

ходимо отражать требование об установлении события преступления, лица, совершившего деяние, и других существенных обстоятельств совершенного преступления. Именно этим подчеркивается процессуальный механизм – познание происходивших событий прошлого. Безусловно, не может быть и речи о том, что итоговые выводы расследования делаются на основе вероятного знания, оставляющего место для сомнения, неуверенности.

Однако уголовно-процессуальная деятельность не ограничивается познанием фактов действительности. На основе познанных обстоятельств необходимо принять предусмотренные законом решения. Поэтому достижение истины выступает в качестве средства, условия исполнения цели уголовного процесса¹. После установления необходимых и достаточных для этого обстоятельств решается вопрос об ответственности виновного лица, о возмещении вреда, причиненного преступлением, и ряде иных важных вопросов. В соответствии с этой логикой указанная выше «формула» процессуального механизма требует дополнения: познание происходивших событий прошлого для принятия решений в настоящем и будущем.

В связи с этим мы солидарны с высказыванием А.П. Попова об уголовном судопроизводстве как отрасли практической деятельности. В отличие от научно-исследовательского труда, правовед-практик не может считать свою работу завершенной только потому, что у него появились новые знания. Он не может забывать о том, что цель уголовного процесса требует вынесения справедливого приговора или иного предписываемого законом процессуального решения². Причем суждение указанного автора не является единственным в своем роде. Значительно ранее по этому же поводу высказывался С.А. Голунский, отмечавший, что процесс – не научно-исследовательская деятельность, а установление истины не является целью уголовного процесса³.

Кроме того, сомнительной представляется целесообразность использования термина «истина» при формулировании цели в уголовном процессе. Данный, по сути своей философский, термин нецелесообразно напрямую, без адаптации применять в специфической сфере человеческой деятельности, которой является уголовное судопроизводство. Поддержку приведенного мнения можно найти в отдельных отзывах по широко известному законопроекту № 440058-6⁴. Так, рассуждая о формулировках в

¹ Подольный Н. Фантомы уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 49; Попов А.П. Указ. соч. С. 65-73.

² Попов А.П. Указ. соч. С. 62.

³ Голунский С.А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР : сб. М., 1959. С. 122.

⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установ-

указанном законопроекте, И.А. Зинченко подчеркнул, что от использования в тексте УПК РФ понятий «истина», «объективная истина», являющихся философскими категориями, следует воздержаться¹. Подобная причина фигурировала в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по указанному законопроекту, снятому с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации².

Безусловно, юридические законы не могут подменять законов мышления. Более того, в соответствии с ними осуществляются конструирование и реализация правовых норм. Например, это относится к основным началам оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ), а также к требованиям, касающимся описательно-мотивировочной части судебного приговора (ст. 307 УПК РФ), и ряду других³. Однако «необходимо, – как утверждала Л.М. Карнеева, – четко различать процессуальное доказывание как строго регламентированную законом деятельность, включающую обнаружение, получение, проверку и оценку сведений, являющихся доказательствами, от доказательства логического, имеющего своим предметом абстрактные представления и развивающегося по законам логики»⁴.

Только в одной философии мы сталкиваемся с несколькими понятиями истины, к тому же ряд современных философов считают, что вопрос об истине относится к числу неразрешимых метафизических проблем⁵. Проблематичность вопроса, не решенного (а возможно, и не имеющего решения) в общей сфере, при использовании его в частной влечет еще большее усугубление, связанное с консолидацией проблематичности. Считаем, что применительно к уголовному процессу в части познания фактов действительности необходимо использовать адаптированные под данную специфическую деятельность термины и понятия. Например, следующие выражения: «установление наличия или отсутствия события преступления, лица, совершившего деяние, иных существенных обстоятельств преступления».

ления объективной истины по уголовному делу». URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1136/?print=1.

¹ Зинченко И.А. Принцип достижения объективной истины в контексте назначения и цели уголовного процесса // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 45.

² Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=440058-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=440058-6); Протокол заседания Совета Государственной Думы от 24 июля 2018 г. № 138 (п. 64). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/FB541D86-2187-4062-8607-C8D182045B46>.

³ Лубин А.Ф. О цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 28.

⁴ Карнеева Л.М. Советский уголовный процесс. М., 1982. С. 120.

⁵ Большаков Н.В. Основы философских знаний. М., 1995. С. 175.

В качестве цели уголовно-процессуальной деятельности, предлагавшейся рядом исследователей, указывается также справедливое наказание преступника за совершенное им преступление. Наказание, как правило, рассматривается как мера воздействия на того, кто совершил проступок, преступление¹. Идея возмездия за совершение общественно вредного поступка сопоставима по давности с историей общества и самих преступлений. В этом можно убедиться, обратившись к памятникам права, таким как Законы Ману, Законы Хаммурапи и др. Действительно, сама мысль о несении ответственности за содеянное, воздаянии по заслугам весьма справедлива. Общество должно определенным образом отреагировать на деяние одного из своих членов, поведение которого не только отклоняется от общей нормы, но и наносит ощутимый вред остальным. Однако непосредственное наказание лица, совершившего преступление, реализация уголовной ответственности находятся за пределами уголовного процесса.

Выбор меры ответственности осуществляется в рамках санкции соответствующей статьи уголовного закона. Уголовный процесс, безусловно, не безучастен к наказанию лица, виновного в совершении преступления. Но он, регламентируя деятельность по возбуждению уголовного дела, его расследованию и судебному рассмотрению, способствует тому, чтобы лицо понесло наказание либо было освобождено от него. Поэтому можно утверждать, что цель «наказание виновного» не может быть непосредственно поставлена перед уголовно-процессуальной деятельностью.

Закрепление идеи содействия уголовного процесса наказанию лица, совершившего преступление, нашло отражение в ст. 2 УПК РСФСР, где отмечалось, что задачи уголовного судопроизводства осуществляются «*с тем, чтобы* каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию». В ходе осуществления судопроизводства создаются соответствующие условия для ответственности лица, виновного в совершении преступления. Безусловно, наказание должно быть справедливым, и уголовный процесс содействует этому. Однако исполнение наказания осуществляется за рамками уголовного процесса, поэтому невозможно утверждать, что наказание – цель процесса.

Приведенный анализ позволил нам сформулировать цель уголовного судопроизводства: при наличии уголовно-правовых оснований создание условий для реализации уголовной ответственности либо освобождения невиновного от таковой. Деятельностью по ее достижению может выступать, например, установление наличия или отсутствия события преступления, лица, совершившего деяние, иных существенных обстоятельств совершенного преступления.

Не вдаваясь в более обстоятельный анализ этой многогранной проблемы, выходящей далеко за пределы настоящего исследования, мы лишь

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 383.

отметим, что весьма спорный вопрос о предназначенности уголовного судопроизводства следует, по-видимому, решать исходя из основных положений общенаучных концепций и междисциплинарных связей, опосредующих целеполагание и функционирование уголовного процесса как специфического направления правовой деятельности. Экскурс к концептуальным основам уголовного судопроизводства позволил нам выявить не только ряд проблемных вопросов, но также предложить варианты их решения.

Приведя свой вариант предназначения уголовного процесса, мы выразили суть данной идеи, которую мы видим в дуализме цели и назначения уголовного судопроизводства: необходимости расследовать преступление и защитить права, свободы, законные интересы лиц, общества и государства. Самым разумным в сфере деятельности органов уголовной юстиции будет отыскание компромисса между конкурирующими интересами¹. Именно таким образом возможно учесть общественные, государственные интересы и интересы отдельной личности, обеспечив их оптимальное сосуществование. Приведенное сочетание публичных и частных начал в судопроизводстве будет являться «движущим и утверждающим фактором в построении разумного баланса интересов государства и личности»².

Мы выявили два определяющих начала уголовного судопроизводства, коими являются назначение и цель. Последние в совокупности можно именовать общим термином «предназначение уголовно-процессуальной деятельности», который демонстрирует, предопределяет роль уголовного судопроизводства, сочетая в себе его важнейшие начала. Именно предназначение является общей для всего процесса основой, образующей единую по своей природе и целостную по содержанию деятельность лиц, участвующих в нем. Для всего уголовного процесса, в том числе предварительного расследования, предназначение с его внутренними элементами является определяющим базисом.

Однако, поскольку любое отдельно взятое направление человеческой деятельности обладает спецификой и ориентируется на выполнение конкретной цели, закономерно возникает вопрос о существовании для предварительного расследования собственной цели. Последняя также может являться определяющим началом для задач предварительного расследования. На этом вопросе следует остановиться подробнее.

Производство по уголовному делу представляет собой единый процесс, где предварительное расследование является по своей сути подготовительной, подчиненной частью по отношению к судебной деятельности. Рассуждая о роли предварительного расследования, М.С. Строгович

¹ Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология. С. 5.

² Гуськова А.П. О перспективном развитии принципа сочетания публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве // УПК РФ: год правоприменения и преподавания : материалы междунар. научно-практ. конф. М., 2004. С. 80.

утверждал, что «предварительный характер этой стадии процесса заключается в том, что органы расследования проводят свою работу до суда и для суда в целях представления суду дела в достаточно исследованном виде, чтобы суд имел возможность рассмотреть и оценить всю совокупность обстоятельств дела и вынести правильный по существу приговор»¹. Даже «само название стадии – "предварительное" – говорит о том, что предстоит еще другое – основное, главное исследование обстоятельств дела, которое будет осуществлено в судебном разбирательстве»².

Как мы уже упоминали, не все процессуалисты разделяют мнение о самостоятельном существовании категорий «цель» и «задача». Однако даже среди тех, кто придерживается иной позиции, нет единства относительно содержания цели предварительного расследования. Например, А.И. Михайлов предлагал относить к целям предварительного расследования укрепление социалистической законности, сокращение и искоренение преступлений, воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития³. Наше несогласие с указанным мнением основывается на некорректности используемой методологии. Это проявляется в том, что перед предварительным расследованием воздвигаются такие цели, которые объективно невозможно достигнуть непосредственно. Максимум, на что приходится рассчитывать, – способствовать их достижению. А.И. Михайлов далее также подтверждает, что «степень достижения таких целей трудно, а порой и невозможно измерить»⁴.

Очевидность вспомогательной роли органов расследования при главенствующей судебной роли неоспорима. Ибо в целом «доследственный уголовный процесс создает для всех структурных элементов, образующих общую процессуальную систему, достаточные фактические и правовые основания для их дальнейшего функционирования»⁵. Это же отмечали и юристы в прошлом. Так, И.Я. Фойницкий, говоря о процессе движения уголовного дела перед судебным производством, уделял внимание предварительному «исследованию», состоящему «из ряда действий частных и

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 278.

² Колбая Г.Н. Соотношение предварительного следствия и судебного разбирательства. М., 1975. С. 6.

³ Михайлов А.И. О задачах предварительного расследования в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. М., 1977. Вып. 26. С. 94-95.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Зеленецкий В.С. О правовой регламентации деятельности правоохранительных органов в доследственном уголовном процессе // Гос-во и право. 2002. № 9. С. 103.

должностных лиц, направленных к собиранию материалов для судебного разбирательства»¹.

В подтверждение этого мнения можно привести и правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в постановлении от 14 января 2000 г. № 1-П, где говорится, что на специально указанные в законе органы и должностных лиц возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд².

Подобное мнение разделяется и в настоящее время. Так, В.В. Кальницкий, рассматривая непосредственность судебного разбирательства и доказательственную деятельность органов расследования, подчеркивает, что производимое судом исследование обстоятельств преступления является повторным исследованием по отношению к предварительному расследованию; суд опирается на доказательства, собранные и предварительно исследованные в досудебном производстве³.

Однако, говоря лишь о том, что «расследование уголовного дела является важнейшей составной частью уголовного судопроизводства, предшествующей судебному разбирательству»⁴, мы невольно упускаем из вида другой вариант окончания досудебного производства – прекращение уголовного дела. Сложившаяся правоприменительная практика также показывает, что к фактам прекращения уголовных дел в ходе досудебного производства негативно относится руководство различных рангов и ведомств. Например, при подведении результатов работы органов предварительного следствия за год сокращение количества прекращенных производством уголовных дел рассматривается как положительная тенденция. Так, В.В. Путин в марте 2017 г. на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации, говоря об улучшении показателей работы следственных подразделений органов внутренних дел, увязал это с сокращением почти в два раза количества прекращенных

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. II. С. 352-353.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 5. Ст. 611.

³ Кальницкий В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования : учебно-практическое пособие. Омск, 2019. С. 8-9, 47.

⁴ Деришев Ю.В. Указ. соч. С. 29.

уголовных дел¹. Кроме того, должностные лица органов предварительного расследования и сами предпочитают не работать «на корзину», как традиционно называется производство по уголовным делам, перспектива которых – прекращение. В первую очередь это касается уголовных дел, прекращаемых по реабилитирующим основаниям.

Действительно, в какой-то мере понять существующую в настоящий момент логику можно, ибо возникает при указанной ситуации важный вопрос: была ли необходимость в расследовании, с тратой времени, сил и средств, с применением в ряде случаев мер принуждения, с беспокойством граждан, если в дальнейшем были установлены обстоятельства, подтверждающие необоснованность проведения данного разбирательства, оканчивающегося прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям? В таких случаях, а именно при ненадлежащей проверке первоначальной информации, можно говорить о низком профессионализме соответствующих должностных лиц.

Однако в реальности имеются случаи, когда предварительная проверка имевшего место деяния, подпадающего под признаки преступления, объективно не позволяет установить комплекс обстоятельств, подтверждающих или исключающих виновность лица. В связи с этим требуется проведение полноценного разбирательства, коим является предварительное расследование.

Следующий пример весьма показательно подтвердит наши рассуждения. Водитель М. допустил наезд на находившегося в состоянии алкогольного опьянения пешехода В., причинив последнему телесные повреждения, повлекшие наступление тяжкого вреда здоровью. По результатам производства предварительной проверки в действиях М. усматривались признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, в связи с чем в отношении него было возбуждено уголовное дело. После этого были выполнены ряд следственных действий: дополнительный осмотр места происшествия и автомобиля, следственные эксперименты для установления эффективности действия тормозной системы автомобиля, условий видимости, темпа перемещения пешехода, а также допросы свидетелей. Указанные следственные действия позволили установить обстоятельства, необходимые для принятия окончательного решения по уголовному делу, которые невозможно было установить в ходе проверки до возбуждения уголовного дела. На основании собранных данных была назначена автотехническая судебная экспертиза, согласно заключению которой было установлено, что водитель М. не располагал технической возможностью остановиться до линии движения пешехода и предотвратить наезд, приме-

¹ Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (9 марта 2017 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54014>.

нив торможение; пешеход не успевал покинуть полосу движения автомобиля. На основании данного заключения и других доказательств было установлено, что водитель М. при указанном дорожно-транспортном происшествии не нарушил Правила дорожного движения Российской Федерации и в его действиях не имелось признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. После этого уголовное дело в отношении водителя автомобиля М. было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Данный пример подтверждает (как и множество иных примеров), что в ряде случаев предварительное расследование обоснованно может заканчиваться прекращением производства по уголовному делу.

Более того, порой ситуации по прекращению уголовных дел доходят до абсурдных. Так, при явном прослеживании нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела руководством соответствующего органа от лица, производящего следствие (дознание), требуется направление данного уголовного дела в суд, где оно закономерно прекращается. Одним из негативных моментов, влияющих на возможность использования данной формы разрешения уголовного дела, является ведомственный показатель оценки деятельности: положительно оценивается количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением.

Опрос сотрудников органов предварительного расследования подтверждает наше суждение. На вопрос: «Направляли ли Вы в своей практике уголовное дело прокурору для утверждения обвинительного заключения (постановления, акта) и дальнейшего направления в суд при наличии имеющихся оснований для прекращения уголовного дела?» – в 60% случаев был получен утвердительный ответ. При этом 75% из числа лиц, положительно ответивших на приведенный вопрос, связали требование о направлении уголовного дела в суд с позицией руководства, преследующего цель выполнить план по количеству уголовных дел, направленных в суд. И лишь 20% респондентов ответили, что причиной была спорная ситуация при принятии окончательного решения по уголовному делу. Получается, что законодатель предусмотрел возможность разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, однако реалии деятельности правоприменителей отличны от этого¹.

В условиях роста профессионализма, ужесточения преступности не следует исключать и достоинства «компромисса» с преступностью, когда допускается создание благоприятных последствий для лица, сотрудничающего с правоохранительными органами. В обмен на позитивные посткриминальные действия, в результате которых удается предотвратить со-

¹ Кузнецов Е.И. Прекращение уголовного дела как форма его разрешения // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы междунар. научно-практ. конф. Челябинск, 2007. Ч. III. С. 235.

вершение отдельных видов преступлений, устранить либо минимизировать их вредные последствия, лицо может быть освобождено от уголовной ответственности¹. Одним из возможных вариантов реализации такой «сделки» является институт прекращения уголовного дела, уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Именно он позволяет бороться со сложной криминальной обстановкой, так как «стимулирует прекращение преступных действий, предотвращение еще более тяжких последствий, способствует быстрому и полному раскрытию преступлений»².

Указанная ситуация и приведенный анализ в целом демонстрируют важную роль института прекращения уголовного дела, так как и на стадии предварительного расследования принимаются акты, решающие суть дела³. Данная форма разрешения уголовного дела необходима, самостоятельна и востребована практикой при отсутствии в деянии признаков преступления или наличии предусмотренных законом оснований для освобождения невиновного от уголовной ответственности. В связи с этим считаем невозможным исключать один из вариантов разрешения уголовного дела в досудебном производстве как составной элемент цели предварительного расследования, коим является прекращение уголовного дела. Более того, прекращение уголовного дела – возможный вариант его разрешения, так как органы расследования, прекращая дело, либо убеждаются в отсутствии события преступления, либо признают несостоятельной постановку вопроса об уголовной ответственности лица, аннулируя предъявленное ими же обвинение⁴.

Кроме того, говоря о цели предварительного расследования, заключающейся лишь в подготовке «доказательств для суда», мы тем самым опосредованно говорим о пассивной роли суда в ходе судебного разбирательства. И здесь невольно приходим к мнению, согласно которому суд не вправе занимать активную исследовательскую позицию в ходе судебного следствия. Однако нужно соглашаться с тем, что «для защиты публичного интереса, как и для обеспечения реальных возможностей сторон в частном споре, требуется активность суда – беспристрастная, объективная, безусловная»⁵. В настоящее время имеющаяся в уголовном судопроизводстве слишком широкая трактовка принципа состязательности преобразует его в

¹ Аликперов Х., Зейналов М., Курбанова К. Допустим ли компромисс в борьбе с преступностью? // Уголовное право. 2001. № 3. С. 90.

² Чувилев А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Уголовное право. 1998. № 2. С. 13.

³ Бахта А.С. Полнота предварительного и судебного следствия : учебное пособие. Омск, 1997. С. 25.

⁴ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 34; Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования. М., 2007. С. 290-291.

⁵ Лунеев В.В. Указ. соч. С. 95.

«гипертрофированную состязательность»¹. «Только частное право, регулирующее отношение между индивидами, – это "право соперничества"»². Поэтому суд обеспечивается не только доказательствами органов расследования, но и сам должен осуществлять соответствующие мероприятия для отправления правосудия. А полная пассивность и нейтральность суда в состязательном процессе ограничивает его процессуальную самостоятельность, лишает его возможности свободно сформировать свое внутреннее убеждение³.

Более приемлемой, по нашему мнению, является позиция А.Б. Чичканова, который полагает, что предварительное расследование «имеет своей целью установление фактических обстоятельств деяния, являющихся поводом для рассмотрения их судом, их предварительную квалификацию»⁴. Следует отметить достоинство данной точки зрения, заключающееся в том, что предварительная квалификация произошедшего события названа целью предварительного расследования. Установление же фактических обстоятельств необходимо рассматривать в качестве пути ее реализации. В то же время в суждении приведенного автора отсутствует указание на самостоятельный вариант разрешения уголовного дела – его прекращение.

Представляется, что, рассуждая о цели предварительного расследования, следует говорить о предварительной правовой оценке обстоятельств. Ибо устанавливаемые фактические данные создают условия как для досудебного, так и для судебного решения. Данная правовая оценка основывается на выводах, к которым приходит лицо, ведущее расследование уголовного дела. Возможными вариантами при этом будут либо направление материалов уголовного дела с подготовленными доказательствами в суд, либо прекращение разбирательства по уголовному делу.

Наши рассуждения подтверждает анкетирование сотрудников органов предварительного расследования. Так, на вопрос: «В чем заключается цель предварительного расследования?» – в 55% ответов утверждалось, что она состоит в правовой оценке обстоятельств; 25% – в установлении истины, обстоятельств, подлежащих доказыванию; 5% – в борьбе с преступностью; 15% респондентов затруднились ответить. Как видим, боль-

¹ Азаров В.А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 17.

² Мишин Г.К. Указ. соч. С. 99.

³ Кальницкий В.В. Состязательное построение уголовного судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения суда // Вестник Томского государственного университета. Серия «Экономика. Юридические науки». 2003. № 4. С. 75-77.

⁴ Чичканов А. Б. Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве // Известия вузов. «Правоведение». 2001. № 5. С. 127.

шинство правоприменителей разделяют мнение о правовой оценке обстоятельств как цели предварительного расследования. В то же время не стоит игнорировать и точку зрения второй по процентной величине группы практических сотрудников.

Ранее нами отмечалось, что отношение к вопросу об истине в российском уголовном процессе особое. Это проявляется и в посвященных ей научных исследованиях, перечень которых постоянно пополняется, и в непрекращающихся дискуссиях ученых. Одним из продолжений данного вопроса, размышлений по нему стало мнение ряда авторов, считающих, что для достижения указанной цели «посильную лепту» следует вносить участникам процесса, и в первую очередь органам, осуществляющим расследование по уголовному делу. Например, С.А. Россов, анализируя процессуальные нормы, приходит к выводу, что целью предварительного расследования является установление материальной истины¹.

Действительно, можно обнаружить соответствующие доказательства в подтверждение этой позиции. Например, ст. 20 УПК РСФСР устанавливала необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, что рассматривалось большинством ученых как закрепленное в праве обоснование необходимости установления истины. Как известно, в УПК РФ отсутствует аналогичная норма. Однако и в последнем имеются статьи, анализ которых подтверждает, что полностью данный принцип из закона не исключен. Так, в ч. 4 ст. 7 УПК РФ закреплено, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Статья 73 УПК РФ, устанавливая обстоятельства, подлежащие доказыванию, не только не исключает, но и прямо подразумевает всестороннее, полное, объективное исследование, ибо среди таковых имеются обстоятельства как подтверждающие событие преступления, виновность лица в его совершении, характер и размер вреда, причиненного преступлением, отягчающие наказание, так и исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие ответственность, и др. Часть 4 ст. 152 УПК РФ гласит, что предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его полноты и объективности. В ч. 2 ст. 154 УПК РФ устанавливается, что выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела. Таким образом, даже отсутствие в законе единой нормы о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела не исключает нали-

¹ Россов С.А. Актуальные вопросы теории и практики следственной работы в свете нового УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 20.

чие ее признаков в других статьях. В связи с этим высказывались мнения о «растворении» данного принципа в содержании других норм УПК РФ¹.

Безусловно, необходимость установления истины, всесторонность, полнота и объективность исследования должны присутствовать в уголовно-процессуальной деятельности, причем не только при предварительном расследовании, но и в целом при отправлении правосудия. Однако мы не согласны с позицией о том, что целью процесса является установление истины, и аргументы относительно этого мы приводили выше. В целом наши рассуждения могут быть применимы по аналогии и для подтверждения того, что установление истины не является целью предварительного расследования. В настоящий момент лишь отметим, что в случае выполнения такого вида деятельности, где результат должен быть материален, осязаем, она не прекращается после того, как были установлены определенные обстоятельства. Для этого необходимо продолжить соответствующее дело, конечно, уже после получения соответствующих сведений. В полной мере это относится к предварительному расследованию. «В ходе расследования исследуются все обстоятельства совершенного преступления, качество и полнота данной деятельности служат *предпосылками и необходимыми условиями* объективного судебного рассмотрения уголовного дела»². Поэтому следует констатировать, что установление истины, а также всестороннее, полное и объективное исследование – это не цели, а требования и условия, предъявляемые к деятельности, а касательно темы нашего исследования – конкретно к предварительному расследованию.

Если сравнить цель предварительного расследования с целью уголовного процесса³, то обнаруживается близость данных категорий. Однако с учетом того, что предварительное расследование является составной частью уголовно-процессуальной деятельности в целом, непосредственная цель досудебного производства представляет собой логическое продолжение общей цели процесса. Имеющийся же характер предварительности

¹ Гармаев Ю. Всесторонность и полнота расследования // Законность. 2002. № 9. С. 9; Комарова Н.А., Сидорова Н.А. О системе принципов уголовного процесса // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 46; Ахмадуллин А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования как принцип уголовного процесса // Законность. 2005. № 8. С. 43-44; Божьев В.П. Вопросы теории доказательств в трудах С. Голунского // Законность. 2006. № 3. С. 50; Зинатуллин З. З. Современные тенденции развития российской уголовно-процессуальной политики // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвуз. научно-практ. конф. Омск, 2006. С. 63.

² Деришев Ю.В. Указ. соч. С. 29.

³ Ранее мы указывали, что цель уголовного судопроизводства заключается в том, чтобы при наличии уголовно-правовых оснований были созданы условия для реализации уголовной ответственности либо освобождении невиновного от таковой.

выводов по отношению к дальнейшим стадиям не влияет существенным образом на общую направленность данной деятельности. Поэтому содержательные совпадения не только не противоречат нашим рассуждениям, но подтверждают их.

Приведенные положения свидетельствуют, что цель предварительного расследования заключается в предварительной правовой оценке деяния, обладающего признаками преступления¹. Возможными путями ее реализации является направление уголовного дела в суд либо его прекращение. Непосредственным же содержанием деятельности, направленной на осуществление отмеченной цели, является установление обстоятельств совершенного преступления с последующим принятием процессуального решения. При этом предварительная правовая оценка применяется не в узком понимании – как отдельная составная сторона процессуальной деятельности, а как совокупность действий, включающих сбор, проверку, оценку и реализацию доказательств.

Исходя из указанного, мы приходим к выводу, что теоретико-правовыми предпосылками формирования задач предварительного расследования являются назначение и цель уголовного процесса, цель предварительного расследования.

Назначение уголовного судопроизводства представляет собой форму выражения общественных потребностей, заключающихся в обеспечении соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, а также общества и государства; лиц, подвергаемых ограничению прав и свобод, уголовному преследованию, обвинению и осуждению; иных лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве.

Цель уголовного процесса заключается в том, чтобы при наличии уголовно-правовых оснований были созданы условия для реализации уголовной ответственности либо освобождения невиновного от таковой.

Целью предварительного расследования является предварительная правовая оценка деяния, обладающего признаками преступления.

Обозначенные элементы, с учетом ранее выявленных признаков категории «задача», дают возможность сформулировать соответствующую дефиницию.

¹ Следует уточнить, что термин «деяние» в данном контексте используется для обозначения всех элементов состава преступления, преступления в целом (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 2000. С. 17). Говоря о проверке деяния, обладающего признаками преступления, мы подразумеваем, что в поле зрения предварительного расследования должны попадать только те события, в которых усматриваются признаки преступления, остальное необходимо проверять в рамках других форм правовых отношений.

Задачи предварительного расследования представляют собой выраженные в законе или вытекающие из него объективно существующие формы правового долженствования, реализуемые следователем путем принятия процессуальных решений и выполнения процессуальных действий, направленные на достижение цели предварительного расследования.

§ 3. Историко-правовой анализ формирования современных задач предварительного расследования

Обращение к историческим корням не есть самоцель, а лишь способ более углубленного познания. Поэтому для полноты исследования такой категории, как «задачи» предварительного расследования¹, необходимо обратиться к процессам, имевшим место в истории отечественного уголовного судопроизводства. Исторический экскурс позволит проследить взаимосвязь интересующих нас положений и выявить общие тенденции формирования задач предварительного расследования в уголовном процессе России.

Учитывая, что мы не занимаемся отдельным историко-правовым исследованием, ограничимся достаточно широкой периодизацией истории предварительного расследования, связанной с кардинальными изменениями уголовно-процессуального законодательства: от судебной реформы второй половины XIX в. до 1917 г.; от становления советского уголовного процесса до судебной реформы конца XX – начала XXI вв.; от принятия УПК РФ по настоящее время. Задачи предварительного расследования будут определяться путем анализа правовой базы, мнений ученых, высказанных применительно к соответствующим этапам развития уголовно-процессуального законодательства.

Предпосылкой создания органов предварительного расследования являлась деятельность полиции до 1860 г. В указанный период постепенное развитие досудебной стадии процесса повлекло разграничение следствия на виды: предварительное и формальное (ст. 34 и 139 Законов уголовного судопроизводства). И если первое было направлено на установление события преступления, то второе – на выяснение виновности определенного лица в уже установленном преступлении².

¹ Термин «предварительное расследование» стал применяться лишь в советское время, поэтому его употребление до наступления указанного периода несет определенную долю условности, в то же время его использование позволяет нам избежать неясностей.

² Полянский Н.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946. С. 36.

Уголовному процессу того времени, в том числе и досудебной его части, были присущи недостатки инквизиционного типа. Во главу угла ставились интересы полицейского сыска, поимка виновного, что порой приводило к весьма печальным результатам. В связи с этим весьма уместно привести мнение А.Ф. Кони, характеризующего следствие, производимое полицией: «Безотчетный произвол, легкомысленное лишение свободы, напрасное производство обысков, отсутствие ясного сознания о действительном составе преступления, неумелость и нередко желание "покориться", "выслужиться" или "отличиться" были характерными признаками производства таких следствий, причем ввиду того, что собственное признание обвиняемого считалось законом за "лучшее доказательство всего света", бывали случаи добывания его истязаниями и приемами замаскированной пытки»¹.

Закономерным итогом указанного состояния предварительного расследования явилось его последующее реформирование. Зачатки разграничения задач между дознанием и следствием уже можно было проследить до реформ XIX в., однако они не были реализованы в полной мере. Данная идея могла получить жизнь в связи с наметившимися изменениями в российском государстве, о чем высказывались и соответствующие суждения. Так, в Объяснительной записке к проекту Положения об отделении следственной части от полиции 1859 г. Н.И. Стояновский утверждал: «Формальное следствие есть только приведение в законные формы того, что открыто предварительным розыском; первое всегда назначается для суда, а последнее, собственно, должно служить для разрешения вопроса о том, должно ли быть назначено формальное следствие»².

Идея, заложенная в основу реформирования, предполагала, что целью дознания будет являться первоначальная проверка и сбор необходимых материалов о совершенном преступлении для предварительного следствия. Следователь же должен был из материалов, представленных ему полицией, собрать и оценить доказательства, в том числе доказательства виновности указанных полицией лиц, обеспечивая деятельность суда по отправлению правосудия. Досудебное производство было поделено на две части: дознание и предварительное следствие. В ведении полиции было оставлено дознание, предварительное следствие было передано судебным следователям. Требование по обнаружению лица, виновного в совершении преступления, ставящееся перед следствием, расценивается рядом авторов

¹ Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию судебных уставов). М., 1914. С. 323.

² Цит. по: Васильев О.Л. Становление и развитие отечественной концепции предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 38.

как отсутствие главного условия сохранения объективности следователя, который не должен был заниматься выявлением и поимкой преступника¹.

Изменения уголовно-процессуального законодательства, связанные с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 г.² (далее – УУС), коснулись и вопросов расследования. Теперь полицейское дознание имело место в случаях, когда: судебного следователя, прокурора или товарища прокурора нет на месте (ст. 252 УУС); признаки преступления или проступка сомнительны или о происшествии, имеющем такие признаки, полиции становится известно по слуху (народной молве) или из источника, не вполне достоверного (ст. 253 УУС).

Целью дознания являлась первоначальная проверка обнаруженного события, подпадающего под признаки преступления. Причем различные варианты осуществления дознания не влияли на его цель, она была единой. Отличие следственных ситуаций влияло на выбор задач для достижения цели, способа ее реализации.

В первом случае наличие признаков преступления было явным, но производство следствия было невозможно по причине отсутствия следователя. Для осуществления дознания требуемые сведения собирались посредством розысков, «словесными расспросами» и негласным наблюдением (ст. 254 УУС). Следует констатировать, что дознание, проведенное полицией в отсутствие следователя, не всегда устанавливало подозреваемого, в том числе и сведений о нем. Однако это не приводило в дальнейшем к невозможности производства следствия судебным следователем, вне зависимости от того, что «нет в виду» подозреваемого в совершении преступления (ст. 276 УУС).

Во втором варианте производства дознания от полиции в первую очередь требовалось установить: действительно ли происшествие случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка (ст. 253 УУС). Например, в сомнительных случаях, когда не имелось достаточных оснований для возможности требовать начала следствия, прокурору или товарищу прокурора необходимо было собрать сведения посредством негласного полицейского разведывания (ст. 312 УУС). Таким образом, когда отсутствовали явные признаки преступления или таковые имелись, но были получены из источников не вполне достоверных, полиции необходимо было провести первоначальную проверку. По результатам такой проверки и в случае установления оснований для производства следствия собранные материалы передавались следователю.

¹ Васильев О.Л. Цели и задачи предварительного следствия и его форм. С. 32; Чаплыгина В.Н. Становление и тенденции развития органов предварительного следствия системы МВД России (функционально-структурный подход) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 52.

² Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1991. Т. 8. С. 120-251.

Возможными вариантами окончания предварительного следствия того времени являлись направление уголовного дела в суд для его рассмотрения либо прекращения. В первом случае следователь направлял материалы уголовного дела судье для отправления правосудия и тем самым предавал виновного суду – окончательное решение об ответственности лица, обвиняемого в совершении преступления, принималось судьей. Однако в суд направлялось уголовное дело и для прекращения производства: ст. 277 УУС устанавливала, что производство следствия может быть прекращено только судом.

Указанное свидетельствует, что следствие осуществляло правовую оценку произошедшего события, а направление уголовного дела в суд для его рассмотрения либо прекращения являлись возможными вариантами ее реализации. Необходимо отметить, что данная правовая оценка носила предварительный характер по отношению к принятию окончательного, судебного решения. В наибольшей мере здесь применимы формулы предназначения следствия: «до суда» и «для суда». Суд оценивал предварительные выводы судебного следователя не только при отправлении правосудия, но и в случаях решения вопроса о прекращении уголовного дела. Обозначенной целью предопределялись и соответствующие задачи следствия.

Нормы УУС, определяющие задачи предварительного следствия, с некоторой долей условности можно классифицировать следующим образом:

- своевременное, полное, объективное исследование (ст. 264-266, 269-270, 477);
- обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 268);
- уличение лица, совершившего преступление (ст. 265, 276, 403);
- пресечение уклонения обвиняемого от следствия и суда (ст. 284, 415, 421)¹.

Значительные изменения уголовного судопроизводства произошли после событий октября 1917 г. Уже 24 ноября 1917 г. был издан Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде»², сломавший прежнюю судебную систему. Следует констатировать, что новая, советская власть за столь короткое время не могла в корне изменить систему расследования, сложившуюся за предыдущие годы, поэтому уголовный процесс имел смешанную форму. Упраздненные судебные следователи были заменены судьями, следственными комиссиями при советах или революционных

¹ Формулирование задач предварительного следствия конкретного исторического периода может иметь место при соответствующем историко-правовом исследовании, в данном случае мы лишь выстраиваем основную идею, достаточную для анализа тенденций развития.

² О суде : Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

трибуналах, следователями, находящимися в ведении судов. В целом период становления советского уголовного процесса можно охарактеризовать как поиск путей его создания: в нем содержались как новые идеи, так и более ранние, в том числе идеи авторов реформы второй половины XIX в.

Ситуация изменилась с принятием Уголовно-процессуального кодекса, утвержденного постановлением 3 сессии ВЦИК от 25 мая 1922 г. (далее – УПК 1922 г.). В продолжение развития уголовно-процессуальной мысли дореволюционного периода предварительное расследование подразделялось на дознание и предварительное следствие¹. В дознании данного периода также выделялись две самостоятельные формы. Первая, как и прежде, предшествовала непосредственному производству предварительного следствия, однако вторая – судебному рассмотрению дела.

Органы дознания вправе были самостоятельно начать производство дознания, принимая меры к тому, чтобы до начала предварительного следствия или до разбора дела по существу, если предварительное следствие не производилось, были сохранены следы преступления и была устранена возможность подозреваемого скрыться (ст. 103 УПК 1922 г.). В этом случае суть дознания заключалась в том, что, будучи наиболее приближенным к факту совершившегося преступления, оно могло оперативно реагировать на него, что позволяло сохранить следы преступления, а также устанавливать лицо, совершившее преступление, что создавало условия для возможности осуществления предварительного следствия.

Если дознание предшествовало непосредственно суду, то его целью являлось обеспечение судебного разбирательства. Следует констатировать, что с этого времени все больше стали стираться границы между дознанием и следствием. Началось зарождение самостоятельной правовой оценки произошедшего события, осуществляемой дознанием. Данная оценка осуществлялась без участия следствия и заключалась в упрощенной процедуре привлечения лиц к ответственности по делам с менее значительной общественной опасностью. Вынесение итогового документа с указанием преступления, вменяемого в вину обвиняемому, обстоятельств его совершения, личных данных обвиняемого, сведений о потерпевшем органами дознания не осуществлялось. В этом случае данными полномочиями наделялся прокурор (ст. 228 УПК 1922 г.). Задачи дознания сводились к быстрому реагированию на информацию, содержащую признаки преступления, сохранению следов преступления, установлению лица, совершившего преступление, передаче материалов дела прокурору для дальнейшего направления в суд.

¹ Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР : постановление 3 сессии ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР.1922. № 20-21. Ст. 230.

Полновесной формой расследования продолжало оставаться предварительное следствие, цель которого все также заключалась в правовой оценке преступления. Существовавшие ранее задачи предварительного следствия нашли в УПК 1922 г. нормативное закрепление.

К уже «традиционным» задачам, таким как: быстрое, полное, всестороннее следствие (ст. 112, 113, 114, 119, 127, 211, 212 УПК 1922 г.), обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 122, 123, 124 УПК 1922 г.), изобличение лица, совершившего преступление (ст. 136 УПК 1922 г.), пресечение уклонения обвиняемого от следствия и суда (ст. 146 УПК 1922 г.), стали добавляться новые. Кроме того, с принятием УПК 1922 г. на следователя была возложена необходимость осуществления комплекса мероприятий по привлечению лица в качестве обвиняемого на досудебном производстве (ст. 131, 138 УПК 1922 г.).

В указанный период продолжался поиск соотношения дознания и следствия. Редакция Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.¹ (далее – УПК 1923 г.), перекладывала обязанность по обнаружению лица, совершившего преступление, с дознания на следствие. Так, ст. 108 УПК 1922 г. устанавливала, что в случаях, когда дознанием добыты данные, *изобличающие кого-либо в совершении преступления*, по которому обязательно предварительное следствие, органы дознания передавали весь материал дознания следователю. В статье 106² УПК 1923 г. слова «изобличающие кого-либо в совершении преступления» были исключены, что по умолчанию подразумевало возможность окончания дознания до обнаружения подозреваемого лица. Указанные изменения способствовали продолжению процесса ликвидации существенных отличий между дознанием и следствием как формами расследования, однако они не были единственными факторами.

Так, УПК 1923 г. расширил возможности дознания по проведению следственных действий: ст. 102² УПК 1923 г. позволяла проводить при дознании не опрос, а допрос. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 20 октября 1929 г. были внесены изменения в УПК 1923 г., в соответствии с которыми полномочия дознания и следствия практически были уравнены. Органы дознания приобрели возможность самостоятельно прекращать уголовные дела, а также принимать на себя расследование дел, относящихся к подследственности следователей прокуратуры². Это практически ликвидировало отличия между дознанием и следствием.

По четкому высказыванию М.С. Строговича: «Изменения в вопросах соотношения дознания и предварительного следствия характерны тем, что

¹ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

² Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 78. Ст. 756.

дознание облекалось в формы предварительного следствия, обставлялось также процессуальными гарантиями, какие были установлены для предварительного следствия, так что не предварительное следствие низводилось до уровня дознания... а дознание поднималось до уровня предварительного следствия со всеми его законными формами»¹.

Задачи дознания и следствия сближались. Первое становилось более самостоятельной процедурой, после которой в ряде случаев предварительного следствия не проводилось. Это закономерно приводило к организации дознания в виде автономной формы предварительного расследования, целью деятельности которой являлась самостоятельная правовая оценка обстоятельств преступления.

Среди задач предварительного расследования преимущественное положение стали занимать быстрое раскрытие преступления, изобличение виновных. Вносившиеся в законодательство изменения являются тому подтверждением. Так, 1 декабря 1934 г. постановлением ЦИК СССР в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик были внесены изменения, касающиеся расследования и рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти². В соответствии с данным постановлением уголовно-процессуальные кодексы союзных республик дополнялись одноименной главой, которая предусматривала, что следствие по этим делам заканчивалось в срок не более 10 дней, обвинительное заключение вручалось обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде, дела слушались без участия сторон, кассационное обжалование приговора, как и подача ходатайств о помиловании, не допускались, приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно по вынесении приговора. Схожий порядок был установлен постановлением ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. по рассмотрению дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях³. Все внимание акцентировалось на скорейшем раскрытии преступлений, в большинстве случаев в ущерб иным важнейшим ценностям. З.З. Зинатуллин, оценивая «приоритетные» направления уголовно-процессуальной деятельности того времени, обоснованно отмечает, что основное внимание следственных органов сосредоточивалось на изобличении обвиняемых в со-

¹ Строгович М.С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 267.

² О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик : постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. // Собрание законов СССР. 1934. № 64. Ст. 459.

³ О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик : постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. // Собрание законов СССР. 1937. № 61. Ст. 266.

вершении преступлений, а то, что было связано с охраной прав и интересов отдельной личности, игнорировалось¹.

В ходе дальнейшего реформирования уголовного процесса система задач предварительного расследования в целом продолжала оставаться прежней. Однако стали возникать предпосылки к наделению предварительного расследования и другими задачами. Так, в 1935 г. В.У. Громов писал, что органы расследования не могут ограничиваться только преследованием, изобличением преступников и принятием против них соответствующих мер. Охраняя государство от преступлений, органы расследования обязаны заботиться и о проведении профилактических (предупредительных) мероприятий, направленных на устранение ближайших причин, способствующих или благоприятствующих совершению тех или других преступлений². Уже в 1949 г. в соответствии с приказом Генерального прокурора СССР от 28 июля 1949 г. № 131 в следственной практике получила распространение такая форма реагирования на выявленные причины и условия, способствовавшие совершению преступления, как внесение в соответствующие учреждения, предприятия и организации представлений о принятии мер по устранению этих обстоятельств³.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства, затронувшее регламентацию задач предварительного расследования, связано с принятием в 1958 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик⁴ (далее – Основы), а впоследствии и новых уголовно-процессуальных кодексов союзных республик.

Основы и принятый на их базе Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР⁵ (далее – УПК РСФСР) сохранили деление предварительного расследования на дознание и предварительное следствие. Дознание существовало двух видов: по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, и по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно.

Устанавливалось, что при наличии признаков преступления, по которым производство предварительного следствия обязательно, орган дознания возбуждал уголовное дело и, руководствуясь правилами уголовно-

¹ Зинатуллин З.З. Сущность и социальное назначение уголовно-процессуальных функций. С. 43.

² Громов В.У. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., 1935. С. 16.

³ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. М., 1958. С. 102.

⁴ Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Закон РСФСР от 29 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

процессуального закона, производил неотложные следственные действия по установлению и закреплению следов преступления: осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей (ч. 1 ст. 119 УПК РСФСР). В данном варианте дознание должно было заканчиваться не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 121 УПК РСФСР) с составлением постановления о направлении дела следователю (ч. 1 ст. 124 УПК РСФСР).

Органы дознания, оставаясь наиболее приближенными к факту совершившегося преступления, могли оперативно реагировать на него, что позволяло сохранить следы преступления, а также устанавливать лицо, совершившее преступление. Именно поэтому один из видов дознания носил подготовительный характер по отношению к полновесной форме расследования – предварительному следствию.

В данном варианте дознание предшествовало предварительному следствию и создавало условия для возможности его осуществления. Поэтому целью дознания по делам, по которым производство предварительного следствия было обязательным, являлось обеспечение производства предварительного следствия.

В том случае, когда производство предварительного следствия не было обязательным, орган дознания возбуждал уголовное дело и принимал все предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ч. 1 ст. 120 УПК РСФСР). Органы дознания проводили предварительное расследование в полном объеме и при этом руководствовались правилами, установленными для производства предварительного следствия, за некоторыми изъятиями, предусмотренными ч. 2 ст. 120 УПК РСФСР. Материалы, собранные в ходе дознания, являлись основанием для рассмотрения дела в суде (ч. 3 ст. 120 УПК РСФСР). Данный вид расследования должен был быть закончен не позднее одного месяца с момента возбуждения уголовного дела. Однако существовала и возможность продления срока (ст. 121 УПК РСФСР). Дознание заканчивалось составлением обвинительного заключения или постановления о прекращении дела.

Существенных отличий между дознанием по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, и предварительным следствием не имелось. Это обстоятельство позволяло ученым именовать данный вид дознания «дознанием в полном объеме» или «особой формой предварительного следствия»¹. Поэтому следует утверждать, что на такие виды уголовно-процессуальной деятельности, как дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, и предварительное следствие, возлагались идентичные задачи. В

¹ Рыжаков А.П. Предварительное расследование : учебное пособие. Тула, 1996. С. 24.

нашем исследовании понятие «задачи предварительного расследования» употребляется именно в таком контексте, т. е. это задачи для дознания и следствия как форм предварительного расследования.

Наиболее значительное развитие представлений о задачах предварительного расследования произошло в период действия Основ и УПК РСФСР. В первую очередь это объясняется наличием впервые установленных законом задач уголовного судопроизводства.

Так, ст. 2 Основ устанавливала, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе непреклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. В ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР определялось, что задачами уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Кроме того, в ч. 2 той же статьи отмечалось, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития.

Однако задачи предварительного расследования были обусловлены не только задачами уголовного судопроизводства, но и иными положениями УПК РСФСР. Так, ст. 3 «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступлений» предписывала возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. В то же время раскрытие преступлений должно было осуществляться всесторонне, полно и объективно. Требовалось выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, а также смягчающие и отягчающие его ответственность (ст. 20 УПК РСФСР). Подтверждением необходимости в быстром, всестороннем, полном и объективном раскрытии было множество иных норм УПК РСФСР (ч. 2 ст. 26, ст. 68, ч. 1 ст. 71, ст. 133, и др.)

Анализ процессуального законодательства позволяет прийти к выводу, что к следователю предъявлялись требования по изобличению лица, совершившего преступление, включающему в себя поиск (выявление) лица, доказывание его виновности, с последующим предъявлением ему обвинения. От органов юстиции требовалось принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3 УПК РСФСР).

В том случае, если в ходе следствия не представилось возможным установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, а также если обвиняемый скрылся от следствия или по иным причинам не было установлено его местопребывание, предварительное следствие приостанавливалось (пп. 1, 3 ч. 1 ст. 195 УПК РСФСР). Кроме того, ч. 5 указанной статьи закрепляла обязанность выполнить все следственные действия, производство которых было возможно в отсутствие обвиняемого, принять все меры к его обнаружению, а равно к установлению лица, совершившего преступление, до приостановления расследования. При неизвестности места нахождения обвиняемого следователь принимал необходимые меры к его розыску (ст. 196 УПК РСФСР). Более того, даже после приостановления предварительного следствия в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, следователь был обязан принимать как непосредственно, так и через органы дознания меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (ст. 197 УПК РСФСР).

В ходе деятельности по установлению виновного происходило соби- рание доказательств, при достаточном количестве которых возникало ос- нование для привлечения лица к уголовной ответственности. Целью дан- ного привлечения на досудебных стадиях являлась дальнейшая реализация обязанности лица отвечать за совершенное преступление¹. Основным его средством, используемым в ходе предварительного расследования, явля- лось привлечение лица в качестве обвиняемого.

Знание следователя об обстоятельствах, составляющих содержание обвинения, могло рассматриваться как вероятное. Хотя степень вероятно- сти должна быть высокой и приближаться к достоверности². Тем не менее в досудебных стадиях установление виновности лица носило предвари- тельный характер по отношению к судебному производству. Однако это не исключало важности привлечения лица в качестве обвиняемого как реше- ния, определяющего направление расследования.

Для предания виновного суду в ходе предварительного расследова- ния требовалось пресечь его возможное уклонение от разбирательства (следствия и суда). Основным способом реализации данной задачи было применение мер пресечения. При наличии достаточных оснований пола- гать, что обвиняемый скроется, воспрепятствует установлению истины по уголовному делу или будет заниматься преступной деятельностью, лицо, производящее дознание, следователь вправе были применить в отношении обвиняемого одну из мер пресечения (ч. 1 ст. 89 УПК РСФСР). Кроме того,

¹ Парадеев В.М. Формирование обвинения на предварительном следствии в со- ветском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1978. С. 3.

² Чувилев А.А., Добровольская Т.Н. Особенности преподавания курса уголовно- го процесса в вузах МВД СССР. М., 1986. С. 52.

средства реализации данной задачи можно обнаружить и в других статьях, например регламентирующих задержание (ст. 122, 122¹), применение мер пресечения (ст. 89-101).

Причиненный в результате преступления ущерб требует его возмещения, компенсации за понесенные потери. В перечне обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, предусматривалось установление характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР). Однако, помимо установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, для обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, в ходе предварительного расследования необходимо было предпринять комплекс специально предназначенных мер. Такие были законодательно закреплены в ряде статей. Например, ч. 1 ст. 30 УПК РСФСР устанавливала, что при наличии достаточных данных о причинении преступлением материального ущерба орган дознания, следователь обязаны принять меры обеспечения предъявленного или возможного в будущем гражданского иска.

В качестве уголовного наказания к лицам, совершившим преступления, могла быть применимой конфискация имущества, представляющая собой принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося личной собственностью осужденного (ч. 1 ст. 35 Уголовного кодекса РСФСР). Таким образом, право собственности виновного лица могло быть ограничено не только в результате действий по возмещению ущерба, причиненного преступлением, но также и в ходе конфискации имущества. Поэтому при производстве по уголовному делу о преступлении, за которое могло быть применено наказание в виде конфискации имущества, орган дознания, следователь обязаны были принять меры обеспечения против сокрытия имущества обвиняемого (ч. 2 ст. 30 УПК РСФСР). Средством реализации данного требования выступало наложение ареста на имущество (ст. 175 УПК РСФСР).

Среди задач предварительного расследования все более четкие очертания стало принимать обеспечение реализации прав участвующих в деле лиц. Достаточно подробное законодательное определение в УПК РСФСР получили правовые средства данной задачи.

Так, ст. 58 УПК РСФСР обязывала следователя и лицо, производящее дознание, разъяснить участвующим в деле лицам их права и обеспечить возможность осуществления этих прав. Общим указанием на необходимость разъяснения прав участникам уголовного судопроизводства законодатель не ограничивался. Существовали специальные нормы, предусматривающие обязанность разъяснения прав в зависимости от процессуального статуса участника (ч. 2 ст. 123, ст. 136, чч. 1, 3 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ст. 149 УПК РСФСР), в зависимости от процессуальных действий и особых прав участников при их проведении (ч. 1 ст. 152, ч. 3 ст. 184, ч. 1 ст. 200, ч. 1 ст. 201, ч. 1 ст. 424 УПК РСФСР), и др. Причем помимо про-

возглашения необходимости разъяснения прав данные нормы в ряде случаев обеспечивали возможность их осуществления. Среди таковых можно назвать: ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы (ч. 3 ст. 184 УПК РСФСР), ознакомление потерпевшего и его представителя, гражданского истца или его представителя, гражданского ответчика или его представителя с материалами дела (ч. 2 ст. 200 УПК РСФСР) и многие другие.

Существовали правовые нормы, не только указывающие на необходимость обеспечения возможности осуществления процессуальных прав участников в общем виде (ст. 17, 19, 58, 236 УПК РСФСР), но и устанавливающие специальные процессуальные средства для этого. К их числу относились: обеспечение подозреваемому и обвиняемому возможности защищаться установленными законом средствами и способами, охрану их личных и имущественных прав (ст. 47-51, 98 и др.); разрешение заявленных отводов (ст. 64, 66-67.1); своевременное рассмотрение заявленных ходатайств, удовлетворение имеющих значение для дела (ст. 131); занесение в протокол заявлений и замечаний (ч. 3 ст. 135, ч. 3 ст. 151 и др.); занесение в протокол устных ходатайств и приобщение к делу письменных (ст. 200, 204) и др.

Важность данной задачи как для предварительного расследования, так и в целом для уголовного процесса подтверждает мнение, согласно которому между охраной, обеспечением прав и успешной борьбой с преступностью имеется тесная взаимосвязь, взаимообуславливающая их эффективность¹. Для рассматриваемого периода еще не было характерным подлинное исполнение указанной задачи. Более того, в ряде случаев ненадлежащее выполнение задачи по обеспечению реализации и охраны прав участвующих в деле лиц было связано с приоритетом других задач. Со временем на страницах печати об этом явлении стали открыто говорить². Однако следует отметить общий позитивный настрой, связанный с осознанием необходимости реально обеспечивать реализацию и охрану прав участников уголовного судопроизводства.

Особую роль среди задач предварительного расследования занимало выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер по их устранению. Важность этой задачи объяснялась тем, что неустановление и неустранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, могло привести к совершению аналогичных преступлений в будущем. Указанное последствие было недопу-

¹ Строгович М.С. Правосудие и уголовное судопроизводство // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979. С. 114.

² Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 6-25; Шадрин В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе // Гос-во и право. 1994. № 4. С. 96; Савицкий В.М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Гос-во и право. 1994. № 6. С. 96.

стимо, ибо оно вступало в противоречие с марксистско-ленинским учением о возможности ликвидации преступности в социалистическом обществе.

Программное требование Коммунистической партии нашло отражение и в нормах УПК РСФСР, регламентирующих предварительное расследование. Так, ст. 21 устанавливала, что при производстве дознания, предварительного следствия орган дознания, следователь обязаны выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления.

Существовала и специальная статья (ст. 140) «Меры по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления», которая обязывала следователя при установлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, принимать меры, предусмотренные ст. 21.1 УПК РСФСР. В свою очередь, последняя статья определяла основной способ их устранения – представление.

Однако представление органа дознания, следователя не было единственной формой мер по устранению причин и условий. Статья 128 УПК РСФСР «Привлечение общественности к участию в раскрытии преступлений» предусматривала, что следователь, производя расследование, должен широко использовать помощь общественности для выявления и устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений. И если помощь общественности для выявления причин и условий облекалась в процессуальные рамки путем производства следственных и процессуальных действий, то для устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений, имелась возможность использовать меры и непроцессуального характера. К таковым относились выступления, доклады, лекции в коллективах, учебных заведениях, публикации статей, заметок в печати и другие меры¹.

Профилактическая деятельность предварительного расследования вносила свое посильное участие в способствовании укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития (ст. 2 УПК РСФСР). В то же время существовал самостоятельный аспект воспитательного воздействия уголовного процесса.

Единый процесс, в ходе которого осуществлялись «формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека»², получил отражение и в уголовно-процессуальной сфере. Ю.Д. Лившиц, указывая на это направление деятельности, отмечал, что «само суще-

¹ Звирбуль А.К., Макушненко Л.П., Петренко В.М. Указ. соч. С. 43-44; Зарипов З.С. Указ. соч. С. 6; Лопушанский Ф.А. Следственная профилактика преступлений: опыт, проблемы, решения. Киев, 1980. С. 198-202; Жуков А.М. Указ. соч. С. 51.

² Иванов Ю.А. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. М., 1967. С. 4.

ствование уголовно-процессуального права как социально-ценностной категории оказывает регулирующее и воспитательное воздействие»¹.

Однако не одним только существованием уголовного процесса определялось его участие в воспитательной деятельности. Законодательно установленная задача по воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития акцентировала внимание на особой важности воспитательного аспекта в ходе самого осуществления уголовного судопроизводства.

Предварительному расследованию как досудебной части судопроизводства также отводилась роль в воспитании граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития. Данная задача осуществлялась применительно к различным категориям лиц: привлекаемым к ответственности; вовлеченным в сферу уголовного судопроизводства; иным гражданам, которым становилось известно о ходе, результатах расследования.

Деятельность при осуществлении быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновного и привлечения его к уголовной ответственности, а также решения других задач предварительного расследования уже сама по себе осуществляла воспитательное воздействие. Однако воспитательная роль расследования не ограничивалась только этой формой. От досудебного производства также требовалось привитие «навыков и восстановления (по возможности) утраченных нормальных отношений между личностью и обществом, разрушение отрицательных и формирование положительных правовых, этических и других качеств личности»². Это предполагало осуществление специальной работы «по укреплению в широких массах трудящихся глубоконравственных убеждений, по повышению уровня правосознания народа, с одной стороны, и по исправлению обвиняемого – с другой»³.

Приведенные доводы подтверждают, что сведение роли следователя к одной лишь задаче раскрытия преступления обедняет его деятельность, лишает ее той разносторонности и живого содержания, которые были ему присущи⁴. Поэтому обоснованным было признание в качестве важной и самостоятельной задачи предварительного расследования воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения законов, уважения правил общежития.

¹ Лившиц Ю.Д. Психолого-педагогические проблемы следствия : учебное пособие. Караганда, 1981. С. 12.

² Лившиц Ю.Д. Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства (общетеоретические вопросы). Караганда, 1974. С. 45.

³ Иванов Ю.А. Указ. соч. С. 8.

⁴ Мариупольский Л.А., Гольст Г.Р. К вопросу о процессуальных функциях следователя // Сов. гос-во и право. 1963. № 6. С. 116.

Таким образом, ко второй половине XX в. сформировался круг задач предварительного расследования, включающий быстрое, полное и объективное раскрытие преступления; изобличение лица, совершившего преступление, привлечение его к уголовной ответственности в качестве обвиняемого; пресечение уклонения виновного от следствия и суда; обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением; обеспечение реализации прав участвующих в деле лиц; выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления и принятие мер по их устранению; воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения законов, уважения правил социалистического общежития.

Учитывая задачи уголовного судопроизводства, нормы уголовно-процессуального законодательства, прямо устанавливающие задачи расследования, а также определяющие средства их решения, большинство процессуалистов того времени выделяли в целом аналогичные задачи предварительного расследования¹.

В то же время отнесение тех или иных процессуальных положений к задачам предварительного расследования являлось результатом авторских позиций, поэтому в ряде случаев мнения ученых о системе задач предварительного расследования в период действия УПК РСФСР отличались.

Отдавая должное значимости результатов научных работ, отметим, что проблема определения задач предварительного расследования не нашла достаточно полного разрешения. Имеющиеся же варианты не были лишены недостатков. Например, отсутствовала надлежащая аргументация при отнесении уголовно-процессуальных положений к задачам предварительного расследования. В подтверждение состоятельности своей точки зрения ученые приводили нормативную основу задач предварительного расследования, черпаемую, как правило, из основополагающих установлений процессуального закона. Однако определение того или иного положения в качестве задачи предварительного расследования обусловлено не только нормами уголовно-процессуального законодательства, устанавливающими общие ориентиры уголовного судопроизводства. Одной из важнейших основ является методология категории «задачи предварительного расследования». Обилие позиций при рассмотрении системы задач под-

¹ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 38-47; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 39-40, 67; Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования. М., 1971. С. 6-7; Михайлов А.И. О понятии и критериях эффективности предварительного следствия // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. М., 1980. С. 7-8; Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя : учебное пособие. С. 4; Дубинский А.Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел : учебное пособие. Киев, 1987. С. 7-9; Дубринный В.П. Деятельность следователя по расследованию преступлений. Общая характеристика. Цели. Действия. М., 1987. С. 23-24; Ефимичев С.П. Указ. соч. С. 9.

тверждает разное понимание определяющих основ задач предварительного расследования. Еще одним доводом, свидетельствующим об отсутствии либо недостаточности рассуждений о методологии, является тот факт, что авторы не приводят определения задач предварительного расследования.

Более того, ненадлежащее использование методологических основ привело к ошибочности в конструировании системы задач предварительного расследования рядом исследователей. Не повторяя изложенные ранее методологические основы задач предварительного расследования, не ставя перед собой цели критического обзора всех авторских позиций, отметим их типичные недостатки, характерные для большинства.

Отождествление категорий «цель» и «задача». Некоторыми процессуалистами в систему задач предварительного расследования включались положения, которые следует рассматривать в качестве варианта цели предварительного расследования: создание необходимых предпосылок для правильного и всестороннего рассмотрения каждого уголовного дела в суде (А. И. Михайлов)¹; установление наличия преступления и выяснение всех обстоятельств, определяющих его юридическую квалификацию (И.Т. Шеховцов)²; подготовка материалов для суда (П.И. Тарасов-Родионов)³; закрепление и предварительная оценка доказательств до суда и главным образом для суда (П.С. Элькинд)⁴.

Постановка перед предварительным расследованием задач, выходящих за пределы непосредственного расследования уголовного дела, к которым относили: реабилитацию лиц, неосновательно привлеченных к уголовной ответственности и обеспечение возмещения им ущерба, причиненного неосновательным привлечением (С.П. Ефимичев)⁵; компенсацию обвиняемому ущерба, причиненного неправомерным уголовным преследованием⁶. Однако при таких задачах можно говорить лишь о способствовании их достижению предварительным расследованием. Это также подтверждает, что такие установления не являются задачами данной деятельности.

В качестве задачи предлагалась также правовая потребность. В авторских вариациях она звучит как ограждение невиновных людей от неосновательного обвинения (М.С. Строгович)⁷; ограждение граждан от не-

¹ Михайлов А.И. О понятии и критериях эффективности предварительного следствия. С. 8.

² Шеховцов И.Т. Задачи и место предварительного расследования в советском уголовном процессе // Ученые записки Харьковск. юрид. ин-та. 1960. Вып. 14. С. 200-201.

³ Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие : пособие для следователей. М., 1955. С. 3-4.

⁴ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 44.

⁵ Ефимичев С.П. Указ. соч. С. 9.

⁶ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 90-91.

⁷ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 40.

обоснованного обвинения в совершении преступлений (А.П. Гуляев)¹; ограждение невиновного от привлечения к уголовной ответственности (С.П. Ефимичев)². Достижение данных установлений возможно путем надлежащего осуществления задач предварительного расследования, в целом уголовного судопроизводства. Для процесса таковая потребность является основополагающим началом, ориентиром в выборе средств достижения цели, задач, а не одной из задач предварительного расследования.

В ходе дальнейшего действия УПК РСФСР уголовный процесс не претерпел кардинальных изменений, задачи предварительного расследования, представления о них в целом оставались прежними. В то же время была предпринята попытка комплексного анализа широкого спектра проблем уголовного судопроизводства с позиций радикальных изменений в сторону демократизации. Авторы Концепции судебной реформы Российской Федерации (далее – Концепция) высказали предложения по реформированию уголовного процесса, в том числе и досудебной его части. Задачи предварительного следствия³ были определены следующим образом: при получении сведений о совершенном или подготавливаемом преступлении или о покушении на преступление необходимо собрать доказательства, подтверждающие либо опровергающие эти сведения, пресечь или предотвратить совершение преступления, установить и изобличить преступника, не допустить привлечения к ответственности невиновного, обеспечить потерпевшему возмещение ущерба, причиненного преступником, а равно компенсацию обвиняемому ущерба, причиненного неправомерным уголовным преследованием⁴.

Конечно же, необходимо помнить, что данная система задач предлагалась авторами Концепции с учетом иных реформаторских положений. Среди них была предусмотрена возможность возбуждения уголовного дела по заявлениям и сообщениям без их предварительной проверки. Поэтому возложение такого установления: «При получении сведений о совершенном или подготавливаемом преступлении или о покушении на преступление собрать доказательства, подтверждающие либо опровергающие эти сведения» – в качестве задачи оправданно. Однако до настоящего времени предварительная проверка сообщений о преступлении сохранена. Поэтому в таком виде о задаче предварительного следствия применительно к действующей в то время правовой основе говорить некорректно. По той причине, что данное положение не ограничено рамками непосредственного расследования возбужденного уголовного дела, его целесообразнее счи-

¹ Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя: учебное пособие. С. 4.

² Ефимичев С.П. Указ. соч. С. 9.

³ Одно из реформаторских положений заключалось в упразднении дознания как формы предварительного расследования, поэтому терминологически задачи предварительного следствия, по сути, являлись аналогом задач предварительного расследования.

⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 90-91.

тать не задачей предварительного следствия, а задачей органов предварительного следствия. С аналогичной позиции следует рассматривать и «компенсацию обвиняемому ущерба, причиненного неправомерным уголовным преследованием».

Позднее в проекте закона «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Проект) были определены цель и задачи органов предварительного следствия: «Всестороннее, полное и объективное расследование преступлений на основе правильного применения закона с целью установления истины по каждому уголовному делу, его обоснованному и законному разрешению»¹.

Говоря об определенных в Проекте задачах, мы не можем не обратить внимания на то, что в нем не учтена многогранность предварительного следствия, ограничены стоящие перед ним задачи и важнейшие стороны деятельности. Всестороннее, полное и объективное расследование преступлений является важной задачей, но она далеко не единственная.

Примечательно, что в Проекте довольно точно подмечена цель деятельности: не только установление истины, но и обеспечение обоснованного и законного разрешения уголовного дела. Кроме того, отсутствие понятия «раскрытие преступления» среди задач досудебного производства в Проекте и в Концепции может быть расценено весьма символично.

Развитие взглядов процессуалистов о задачах предварительного расследования привело к образованию системы задач, адекватно отражавшей роль предварительного расследования в досудебном производстве, уголовном процессе в целом. В различные исторические этапы системы задач отличались друг от друга. Некоторые из них, ввиду влияния доминировавших в соответствующее время политических идей, получали преимущественное положение по сравнению с другими. Однако в целом обозначенная система задач положительно зарекомендовала себя. Главенствующее значение указанных исторически апробированных установлений заключается в том, что их следует учитывать при определении задач предварительного расследования в современных уголовно-процессуальных условиях.

С принятием УПК РФ связаны кардинальные перемены в уголовном судопроизводстве. Среди ученых-процессуалистов не прекращаются попытки прояснения современных задач предварительного расследования. В то же время следует констатировать, что предлагаемые варианты систем задач предварительного расследования обладают, как правило, теми же недостатками, что и предшествующие им.

Так, К.И. Мигушин, анализируя досудебное производство, указал, что специфической (непосредственной) задачей стадии досудебного производства является подготовка оснований, условий и доказательственного

¹ Сов. юстиция. 1993. № 11. С. 24.

материала для разрешения дела судом в стадии судебного производства¹. Не вникая в рассуждения автора о соотношении досудебного производства и предварительного расследования, отметим, что им не были учтены методологические основы категории «задача», а именно отсутствует учет важнейшего свойства – обусловленность целью. По этой причине К.И. Мигушин допускает подмену категорий «цель» и «задача».

При анализе задач предварительного расследования не в полной мере учитываются методологические основы и другими авторами. Так, Г.П. Химичева утверждает, что «задачи предварительного расследования заключаются в обеспечении законного и обоснованного разрешения судом уголовного дела, а также в самостоятельном его разрешении в случае принятия решения о прекращении уголовного дела. Следовательно, непосредственным назначением данной стадии служит установление обстоятельств совершения преступления, изблечение лица или лиц, виновных в его совершении»². Кроме того, ее в недостаточной мере учтена многогранность предварительного расследования, что ограничило стоящие перед ним задачи и лишило его тем самым важнейших сторон деятельности.

В отличие от указанных ученых О.Л. Васильев в ходе рассмотрения задач предварительного расследования затронул их методологические аспекты в бóльшей мере. Как позитивный момент особо следует отметить учет такого важного свойства задачи, как иерархичность. В то же время следует констатировать, что данный автор в ущерб другим важнейшим методологическим основам увлекся указанным свойством задачи, уделив ему чрезмерное внимание. Данное обстоятельство сыграло и негативную роль.

Так, О.Л. Васильев предложил классифицировать задачи предварительного расследования на основные (трех уровней), вспомогательные (факультативные и обязательные) и дополнительные. По его мнению, к основным задачам относятся прекращение уголовного дела (уголовного преследования) и установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, которые образуют первый уровень задач. Основные задачи второго уровня – сбор, проверка и оценка доказательств. Задача третьего уровня – соблюдение объективности. Вспомогательные задачи подразделяются на факультативные (задержание, применение мер пресечения, сохранение тайны, приостановление предварительного следствия и дознания, возобновление предварительного следствия и дознания) и обязательные (ознакомление некоторых участников с материалами уголовного дела, составление обвинительного заключения, акта). Дополнительные задачи: признание права на реабилитацию; принятие мер по передаче оставшихся без

¹ Мигушин К.И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: теоретические и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 19.

² Химичева Г.П. Указ. соч. С. 30.

присмотра и помощи несовершеннолетних детей, других иждивенцев, а также нуждающихся в постороннем уходе престарелых родителей подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу на попечение близких родственников, родственников или других лиц, либо помещению их в соответствующие детские или социальные учреждения; принятие мер по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу; уведомление кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии – других родственников подозреваемого, о его задержании; внесение следователем в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона¹.

О.Л. Васильев, выстраивая, по его мнению, слаженную систему задач предварительного расследования, в ряде случаев подменяет категории «задача» и «средство». Если руководствоваться предложенной автором логикой, то задачей расследования можно будет назвать и заверение процессуального документа подписью следователя. Конечно, здесь мы утрируем, однако этот пример наглядно демонстрирует, что поверхностное изучение основополагающих признаков категории «задача» или увлеченность некоторыми из них подчас приводят к ошибочным взглядам. Возвращаясь к ранее изложенному материалу, повторим, что задача представляет собой форму правового долженствования, выраженную в общей форме. Безусловно, она располагает свойственным ей решением и средствами для этого. Однако отождествление понятий «задача» и «средство» недопустимо.

Кроме того, не считаем возможным подразделять задачи предварительного расследования по значимости, существенности. Представляется, что все задачи предварительного расследования (если это действительно задачи) являются значимыми. Их не только невозможно, но и недопустимо классифицировать исходя из «искусственной важности» на основные, вспомогательные, дополнительные и т. д.

Так, П.С. Элькинд, рассматривая встречающиеся в литературе сопоставления элементов системы целеполагания по их значению, высказывала следующее мнение. «Никакими соображениями, например ... заботой об охране прав и интересов личности от неосновательного привлечения и осуждения, нельзя оправдать нераскрытое преступление, обнаружение виновного или его неосновательное оправдание, впрочем, как и соображениями относительно устранения нераскрываемости преступлений или не-

¹ Васильев О.Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм. С. 26-29.

установления виновных нельзя оправдать привлечение и осуждение невиновных»¹.

Выявленные недостатки в рассуждениях авторов о задачах предварительного расследования не позволяют нам быть приверженцами имеющихся точек зрения. При определении непосредственных видов задач предварительного расследования следует ориентироваться на их методологические основы, современные уголовно-процессуальные реалии. Последующий учет ранее указанных методологических положений, исторического опыта, а также анализ законодательства и мнений ученых позволит нам предложить свое представление системы задач.

¹ Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 43.

ГЛАВА II СИСТЕМА ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Выявленные теоретико-правовые предпосылки, исторический опыт, анализ законодательства, мнений ученых, а также современных уголовно-процессуальных реалий позволил предложить систему задач предварительного расследования как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных форм правового должествования, направленных на достижение цели предварительного расследования.

Основополагающие начала задач предварительного расследования в своей совокупности, выступая (используя философскую терминологию) в качестве «общего» по отношению к предварительному расследованию, в данном случае – «частному», детерминируют систему задач. Назначение уголовного судопроизводства, цель уголовного процесса и предварительного расследования требуют реализации путем решения соответствующего ряда задач.

Так, стремление к достижению цели предварительного расследования в виде предварительной правовой оценки деяния, обладающего признаками преступления, определяет ряд непосредственных задач, обеспечивающих такое стремление.

Осознавая важность установления обстоятельств произошедшего преступления, их правовой оценки, невозможно исключать иные важнейшие ценности. Не менее, чем установление действительных обстоятельств события, важна и охрана прав человека при расследовании преступлений и рассмотрении дела в суде¹.

Уголовный процесс вызван к жизни фактами преступных посягательств, нарушениями прав и свобод. Их расследование должно приводить не только к наказанию виновных, но и к восстановлению нарушенных прав пострадавших, возмещению причиненного вреда. Кроме того, при самом осуществлении уголовного судопроизводства требуется обеспечивать реализацию охраняемых интересов участников процесса, в связи с чем недопустимо неоправданное ограничение или нарушение их прав, свобод и законных интересов.

Создание правовых условий для реализации пострадавшими от совершения преступления своих прав и защиты законных интересов, а в необходимых случаях обеспечение защиты их прав и законных интересов требуют симметричных действий. Необходимо ограждение личности от незаконных и необоснованных деяний со стороны должностных лиц,

¹ Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 118.

уполномоченных государственных органов, правомочных применять принуждение и ограничивать права и свободы человека и гражданина¹.

Предварительное расследование как досудебная часть уголовного судопроизводства обязано принимать самое непосредственное участие в процессуальной защите фигурантов процесса, поэтому на него возлагаются ряд установлений, связанных с защитой прав и законных интересов участников уголовного процесса в ходе досудебного производства. Несмотря на некоторую опосредованность подобного круга задач с правовой оценкой, осуществляемой предварительным расследованием (не проявлением прямой связи с устанавливаемым событием прошлого), вместе с тем таковые задачи охватываются спецификой предварительного расследования, его многогранностью, определяют его целенаправленность. Предлагаемые в качестве задач предварительного расследования правозащитные и профилактические установления в конце концов способствуют осуществлению предварительной правовой оценки, обеспечивают принятие окончательного решения по итогам досудебного производства. Более того, предварительная правовая оценка, осуществляемая в части, например, защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, ограничивается рамками досудебного производства, перепроверяется на последующих этапах – в рамках судебного разбирательства.

Система задач предварительного расследования не является совокупностью положений различной значимости, расположенных в виде ниже-, вышестоящих ступеней, так как каждая из них выражает такую сторону существа предварительного расследования, без которой невозможно достижение цели уголовного процесса, назначения уголовного судопроизводства. Задачи предварительного расследования – это органически взаимосвязанные и одинаково важные положения, стоящие в одном ряду. Их совокупность представляет собой единую взаимосвязанную, взаимодействующую и взаимообусловленную систему.

Подчеркнем, система задач предварительного расследования не является жестко определенным перечнем установлений, который должен неукоснительно выполняться вне зависимости от обстоятельств уголовного дела. Установления, нашедшие отражение в задачах предварительного расследования, являясь ориентиром деятельности, следует адаптировать к конкретным условиям расследуемого события. Так, некоторые задачи могут усложняться, упрощаться или, ввиду отсутствия необходимости их выполнения, не быть возлагаемыми.

¹ Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. С. 19-20.

§ 1. Задачи предварительного расследования, непосредственно обеспечивающие предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления

Своевременное, всестороннее, полное и объективное исследование преступления.

Важнейшим признаком, характеризующим расследование преступлений, является его познавательная-поисковая направленность. Исследование обстоятельств произошедшего события осуществляется посредством обнаружения информации, от первичных сведений – к достаточным данным. Одним из понятий, используемых для обозначения этого процесса, является понятие «раскрытие преступлений».

В традиционном понимании «раскрытие преступлений» предполагает выяснение обстоятельств, подлежащих установлению по конкретному уголовному делу, возможность дальнейшего принятия судебного решения на их основе. Раскрытие преступлений служит правовым механизмом, обеспечивающим признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина государством в лице его специализированных органов¹.

Если УПК РСФСР задача раскрытия преступлений возлагалась не только на предварительное расследование, но и в целом на уголовное судопроизводство, то в УПК РФ такая установка отсутствует. В ст. 6 УПК РФ – регламентирующей назначение уголовного судопроизводства – как известно, не имеется непосредственного указания на необходимость исследования обстоятельств преступного события. Поэтому следует согласиться с мнением, что используемая «нормативная трактовка "назначения процесса" не передает специфики уголовного процесса (она слишком расплывчата), из нее напрочь исчезла познавательная нацеленность процесса»².

Однако исследовательская сущность предварительного расследования предполагает постановку для данной деятельности соответствующей (указанной или подобной ей) задачи. В.А. Азаров, говоря о значимости раскрытия преступлений, называет его «крупным фрагментом деятельности органов предварительного расследования по борьбе с преступно-

¹ Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9. С. 71-79; Еникеев З.Д. Унификация задач уголовного судопроизводства как одно из направлений совершенствования УПК стран СНГ // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2007. Ч. III. С. 174.

² Поляков М.П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 2. С. 192-193.

стью»¹. В.Ф. Статкус высказал предложение о необходимости подготовки инструкции с «изложением требований о том, что задачу раскрытия преступлений никто с правоохранительных органов не снимал»². Л.З. Дмитриева быстрое и полное раскрытие преступления называет первоочередной задачей³. Кроме того, нет абсолютного отказа от использования понятия «раскрытие преступления» в действующем законодательстве⁴.

Соглашаясь с необходимостью возложения на предварительное расследование установления познавательного направления, отметим неоднозначность ее определения посредством раскрытия преступления.

Многолетняя дискуссия по поводу понятия «раскрытие преступления» не привела к общепринятому мнению среди ученых. В литературе выделяются несколько различающихся подходов. Отличия между ними заключаются в разном объеме устанавливаемых сведений и, соответственно, наступлении момента, с которого преступление признается раскрытым. Один из них раскрытие преступления ограничивает установлением события преступного деяния и его совершения определенным лицом⁵. Последо-

¹ Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбург. ун-та. 2006. № 3(53). С. 5.

² Статкус В.Ф. О двух проблемах нового УПК РФ // Гос-во и право. 2002. № 9. С. 103.

³ Дмитриева Л.З. Международные акты в механизме защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // Ученые записки: сб. науч. тр. юрид. фак-та Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2006. Вып. 3. С. 355.

⁴ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февр.; О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759; Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349; Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177; О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534; О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Рос. газета. 2006. 25 янв.

⁵ Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969. С. 152; Михайлов А.И., Сергеев Л.А. Процессуальная сущность раскрытия преступления // Сов. гос-во и право. 1971. № 4. С. 112; Калинин Ю.В. О понятии раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 35-36; Алимджанов Б. Раскрытие преступлений – задача следственных органов. Ташкент, 1975. С. 10; Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. М., 1980. С. 17; Либо-

ватели другого подхода указывают, что раскрытие преступления заключается в установлении данных о преступлении и виновном в его совершении в объеме, позволяющем предъявить обвинение¹. Представители третьего направления под раскрытием преступления понимают установление всех обстоятельств по делу, подлежащих доказыванию, что является основанием для окончания предварительного расследования и составления обвинительного заключения². Идея общей нацеленности органов уголовной юстиции на единый момент раскрытия преступлений выразилась в подходе, в соответствии с которым преступление признается раскрытым лишь после вынесения судебного решения по уголовному делу и вступления его в законную силу³. Так, по мнению И.М. Гуткина, «раскрыть преступление – это значит обнаружить его, установить обстоятельства совершения, лиц, виновных в совершении преступления, и привлечь их к уголовной ответственности»⁴. С. Остроумов и С. Панченко раскрытие преступления определили как правомерную деятельность органов предварительного расследования в осуществлении первой основной задачи уголовного судопроизводства по обнаружению события преступления и лиц, его совершивших, завершающуюся направлением уголовного дела об этом преступлении в суд прокурором с утвержденным обвинительным заключением и последующим вынесением судом по этому делу обвинительного приговора (либо

заев Д.П. К вопросу о понятии раскрытия преступления // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 4. С. 63-64.

¹ Веселов Ю.И. Понятие полного раскрытия преступлений // Сборник статей адъюнктов и соискателей. М., 1971. Вып. 3. С. 30; Гаврилов А.К. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы). Волгоград, 1976. С. 25; Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 50; Лавдаренко Л.И. Раскрытие преступления как одна из задач органов предварительного расследования // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1 (60). С. 100.

² Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 38; Майоров Н. Учет раскрытия преступлений // Соц. законность. 1970. № 2. С. 44; Викторов Б.А. Общие условия предварительного расследования. М., 1971. С. 5-7; Волов В.Г. Об оценке эффективности деятельности по раскрытию преступлений // Вопросы раскрытия и расследования преступлений : сб. науч. тр. М., 1982. С. 28.

³ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 16; Розенцвайг В.Е. К вопросу о понятии раскрытого преступления // Сборник научных работ Казахского НИИСЭ. Алма-Ата, 1971. Вып. 2. С. 277; Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Госво и право. 2000. № 1. С. 108; Дяблова Ю.Л. Некоторые аспекты соотношения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского госуниверситета. 2009. № 1. С. 363; Чупилкин Ю.Б. Содержание категорий «раскрытие», «расследование» и «раскрываемость» преступлений в российском законодательстве // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 35.

⁴ Гуткин И.М. Взаимодействие милиции с общественностью при производстве дознания : пособие для практических работников. М, 1963. С. 7.

определения о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям) и вступлением его в законную силу¹.

Признавая, что окончательное решение по расследуемому преступлению может быть принято только и исключительно на основе приговора, некоторые процессуалисты тем не менее не разделяли последнюю позицию. Так, А. Герасун отмечал, что признание преступления раскрытым после вынесения приговора означало бы «возложение ответственности за полное раскрытие преступления на суд и снижение требований, предъявляемых к органам дознания и следствия»².

Отсутствие единого понятия «раскрытие преступлений» делает затруднительным его использование в уголовном процессе. С некоторых пор в науке все чаще стали возникать мнения о необходимости отказа от его употребления. Одной из причин было то, что у категории «раскрытие» отмечалось наличие определенного обвинительного уклона. Например, И.Ф. Герасимов указал, что «раскрытие как бы заранее предполагает наличие преступления, которое нужно раскрывать»³, вне зависимости от того, было оно на самом деле или нет.

В русле приводимых соображений ряд авторов негативно оценивают понятие «раскрытие преступлений». Например, Н. Подольный заявляет, что провозглашение раскрытия преступлений в качестве одной из задач означало бы принятие обвинительного уклона как стереотипа действий для следователей, что противоречит демократическим основам правосудия⁴. Е.В. Бережко, рассуждая о важности ценностей, утверждает, что «в настоящее время приоритетным является защита прав личности, а не быстрое и полное раскрытие уголовного дела»⁵.

Действительно, приоритетным направлением действующее уголовно-процессуальное законодательство провозгласило защиту прав личности (ст. 6 УПК РФ), а до изменений закона в июне 2009 г. в тексте УПК РФ законе не упоминалось «раскрытие преступлений». Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ УПК РФ дополнен главой 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения

¹ Остроумов С., Панченко С. Критерий оценки раскрытия преступлений // Соц. законность. 1976. № 9. С. 51.

² Герасун А. Раскрытие преступления // Соц. законность. 1972. № 8. С. 57.

³ Герасимов И. Ф. Указ. соч. С. 51.

⁴ Подольный Н. Фантомы уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2004 № 4. С. 49-50.

⁵ Бережко Е.В. К вопросу о нравственной цели доказывания в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы IX международного научно-практ. конф. Челябинск, 2007. Ч. III. С. 119.

о сотрудничестве»¹, в нормах которой законодатель вернулся к использованию указанного понятия.

Так, при определении порядка заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ) норма закона определяет, что подозреваемый или обвиняемый указывает в ходатайстве, какие действия он обязуется совершить *в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления*. Схожая формулировка используется и при регламентации процедуры рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, основаниях применения особого порядка и проведения судебного заседания (п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Однако отдельные авторы считают наличие указанных норм достаточным для утверждения об осуществлении органами следствия раскрытия преступлений, называя следователей субъектами раскрытия преступлений наравне с сотрудниками оперативных подразделений и иными должностными лицами органов дознания².

Позволим себе не согласиться с подобной точкой зрения. Помимо вышеуказанных положений эта позиция определяется следующим. Во-первых, подобное истолкование понятия «раскрытие преступления» отсутствует в УПК РФ. Во-вторых, словосочетание «содействие следствию в раскрытии ... преступления» подчеркивает, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела только в форме предварительного следствия. Кроме того, не исключается, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с данными им обязательствами сообщит не только детали преступления, по которому уже ведется предварительное следствие (будет содействовать расследованию преступления), но и по ранее неизвестному преступлению (будет содействовать раскрытию преступления), по которым, вероятнее всего, понадобится проведение оперативно-розыскных мероприятий, проверка сообщения о преступлении с последующим принятием решения в порядке ст. 144-145 УПК РФ. Наконец, действующий УПК РФ с точки зрения используемых понятий, технико-юридических конструкций (не согласующихся, а порой и противоречащих друг другу³), вносимых изменений (с последую-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 26. Ст. 3139.

² См., напр.: Токманцев Д.В. К вопросу о понятии раскрытия преступлений в уголовном праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 32.

³ Например, обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения (ст. 99 УПК РФ), обозначены основаниями для избрания мер пресечения – ст. 110 УПК РФ;

щей их точечной корректировкой¹) оставляет желать лучшего. Как констатирует В.В. Кальницкий: «Закон дополнялся много раз и единство законодательной техники утрачено»². Не исключено, что со временем вышеуказанные нормы гл. 40.1 УПК РФ будут скорректированы.

Более длительный период, в сравнении с УПК РФ, термин «раскрытие преступления» используется в нормах УК РФ, регламентирующих назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершенное преступление (ст. 64 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ), а также в ряде норм особенной части, специально предусматривающих случаи освобождения от уголовной ответственности (примечания к ст. 110, 210, 212, 228 УК РФ и др.).

По прошествии более чем двадцати лет существования УК РФ вопрос соотношения раскрытия и расследования преступлений в материальном праве не имеет однозначного ответа. Это определяется рядом обстоятельств.

Так, в отдельных нормах закона способствование раскрытию преступления фигурирует как самостоятельное условие для принятия решения (назначение более мягкого наказания – ст. 64 УК РФ, примечание к ст. 127.1 УК РФ – торговля людьми; примечание к ст. 322.3 УК РФ – фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации и др.).

В других случаях, ввиду использования в норме закона союза «и», помимо способствования раскрытию преступления для принятия соответствующего решения требуется наличие дополнительного условия в виде способствования расследованию преступлений (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием – ст. 75 УК РФ).

реализация, утилизация или уничтожение вещественных доказательств (ст. 82 УПК РФ) названы следственным действием – ст. 165 УПК РФ.

¹ Например, изменения УПК РФ в 2007 г. в связи с пересмотром полномочий прокурора и руководителя следственного органа, вносимые в рамках нескольких Федеральных законов (О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2833; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 214-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 31. Ст. 4008) и др.

² Кальницкий, В.В. Непосредственность судебного разбирательства и доказательственная деятельность органов расследования. С. 43.

В третьей группе при использовании составного союза «и (или)» способствование раскрытию преступления может быть самостоятельным условием или одним из условий для принятия решения (примечания к ст. 291 УК РФ – дача взятки, ст. 291.2 УК РФ – мелкое взяточничество).

Исходя из имеющейся регламентации лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления (ст. 322.2 УК РФ). Буквально, если лицо способствовало только расследованию совершенного преступления, оно не должно быть освобождено от уголовной ответственности по примечанию к указанной статье.

Довольно часто суды по-разному трактуют понятия «раскрытие» и «расследование». Так, приговором мирового судьи судебного участка № 55 в Кировском районе г. Красноярск от 13 сентября 2016 г. О.Ф.К. осуждена по ч. 3 ст. 322 УК РФ. Из приговора следует, что в соответствии со ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, учтено активное способствование расследованию преступлений в виде «поведения подсудимой после совершения преступлений, связанное с дачей последовательных, правдивых признательных показаний». Президиум Красноярского краевого суда, отменяя приговор, отметил, что «содержание правовых понятий "раскрытие преступления", указанное в примечании 2 к ст. 322.3 УК РФ, и "расследование преступления", которое установил суд по указанному делу, является идентичным и не препятствовало освобождению О.Ф.К. от уголовной ответственности на основании примечания 2 к ст. 322.3 УК РФ»¹.

Отсутствие толкования понятия «раскрытие» в материальном праве, разноаспектность его использования в отдельных нормах УК РФ, отличающаяся судебная практика также не позволяют однозначно разграничивать понятия «раскрытие» и «расследование» преступления в УК РФ.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что понятие «раскрытие» является не вполне удачным для определения ориентиров деятельности органов предварительного расследования. Даже в русском языке «раскрыть» трактуется как «обнаружить, сделать известным, объяснить»², в то время как «расследовать» – «подвергать всестороннему рассмотрению, изучению»³. Само понятие «раскрытие» носит более вероятный и менее достоверный характер, нежели «расследование».

Учитывая изложенное, считаем, что понятие «раскрытие» не следует использовать при определении задач предварительного расследования.

¹ Постановление Президиума Красноярского краевого суда от 6 июня 2017 г. № 44у-118/2017 // Обобщение судебной практики Президиума Красноярского краевого суда за 2017 год / Красноярский краевой суд. URL: http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=211.

² Ожегов С.И. Указ. соч. С. 659.

³ Там же. С. 663.

В большей мере «раскрытие» отражает специфику оперативно-розыскной деятельности, а также мероприятий, характерных для проверки сообщения о преступлении. У органа дознания, сочетающего в своем «арсенале средств» производство оперативно-розыскных и процессуальных действий, значительно больше возможностей, чем у следователя¹. Содержание данного понятия целесообразно истолковывать следующим образом: «деятельность уполномоченных на то законом субъектов, направленная на получение данных, позволяющих выдвинуть обоснованную версию о совершении конкретного преступления (признаки преступления, место, время, способ и другие важнейшие обстоятельства его совершения) определенным лицом».

Безусловно, об исключении понятия «раскрытие преступления» из сферы уголовной юстиции речь не идет. Подчеркивается, что оно не совсем удачно отражает специфику деятельности, осуществляемой в рамках предварительного расследования.

Среди других достоинств разграничения понятий «раскрытие» и «расследование» преступлений можно усмотреть и предпосылку для разграничения специфических видов деятельности и перспектив дальнейшего совершенствования досудебного производства, в том числе с позиций определения судьбы первой стадии уголовного процесса. Например, задачу раскрытия преступления было бы уместным возложить на производство неотложных процессуальных действий – преобразованный этап первоначальной стадии процесса, предлагаемый К.В. Муравьевым². Принимая во внимание, что в настоящий момент указанный аспект не охватывается предметом исследования, он может быть детально проработан в дальнейшем.

Принципиальным выходом из создавшейся ситуации было бы использование понятия «исследование» как наиболее подходящего для предварительного расследования и определения его задач.

Понятие «исследование» лишено ряда недостатков, присущих понятию «раскрытие». Среди таковых следует особенно отметить отсутствие вкладываемого в его смысл обвинительного уклона. «Исследование» указывает на механизм познания произошедшего события и нацеливает на его осуществление. «Исследуя преступление», мы тем самым подчеркиваем необходимость всестороннего, полного и объективного производства, что не только соответствует современной концепции защиты личности в уголовном процессе, но и закрепляет стремление установить действительно имевший в прошлом круг фактов. «Исследование обстоятельств дела –

¹ Махов В.Н. Почему не проводятся неотложные следственные действия // Следователь. 2011. № 7. С. 19.

² Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография. М., 2019. С. 180-183.

единая по своей направленности деятельность, не поддающаяся заранее делению на обвинительную или защитительную»¹. Окончательное исследование преступления может иметь место только после вынесения судебного решения по уголовному делу и вступления его в законную силу. Общий подход, когда все органы уголовной юстиции «будут ориентированы на конечные результаты, позволит значительно повысить эффективность взаимодействия между ними»². Безусловно, каждому из них отводится своя роль, но основное предназначение следователя состоит в том, что он – «объективный исследователь обстоятельств уголовного дела»³. Как абсолютно точно подмечено Л.В. Головки, при предварительном расследовании следователь не «сторона обвинения», а нейтральное лицо, юридически обязанное действовать всесторонне, полно и объективно, расследуя дело, как говорят французы, «в сторону обвинения и в сторону защиты»⁴. И в полной мере подтвердить этот тезис можно будет, анализируя характер проводимого в ходе предварительного расследования «исследования преступления».

Так, при отсутствии сведений о лице, совершившем преступление, следователь, производя расследование, не только никого не обвиняет, но в ряде случаев и не подозревает. Он проводит исследование, в ходе которого принимаются меры для установления обстоятельств преступления и виновного. Тем самым осуществляется расследование по уголовному делу, и оно не связано с уголовным преследованием конкретного лица. Только объективная деятельность следователя, направленная на установление всех обстоятельств, позволяет принять правильное и справедливое решение в ходе предварительного расследования и в дальнейшем⁵.

Кроме того, даже после установления лица, виновного в совершении преступления, и наличия достаточных доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого, следователь продолжает собирать не только обвинительных, но и оправдательных доказательств. Так, ст. 73 УПК РФ устанавливает, что при производстве по уголовному делу подлежат дока-

¹ Гуляев А.П. Указ. соч. С. 12.

² Скоромников К.С. Указ. соч. С. 108.

³ Ревенко Н.И. Реализация следователем функции расследования преступлений в условиях состязательного предварительного производства // Уголовное досудебное производство: проблемы теории и практики : материалы межвуз. научно-практ. конф. Омск, 2004. С. 162.

⁴ Головки Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность : сборник статей по материалам Международной научно-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.С. Алексеева (г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 г.) / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 62.

⁵ Татьянина Л.Г. Предварительное расследование в системе функций уголовного процесса // Ученые записки: сб. науч. тр. юрид. фак-та Оренбург. гос. ун-та. Оренбург, 2006. Вып. 3. С. 51-52.

зыванию обстоятельства, исключают преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, а также обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

В ряде случаев весьма затруднительно, а порой и невозможно разграничить деятельность следователя на обвинительную или оправдательную. О той или иной можно было бы судить с большей или меньшей определенностью, если бы она выполнялась в различных формах или в разные периоды. Однако факты, изобличающие обвиняемого, оправдывающие или смягчающие вину обстоятельства могут выясняться в ходе расследования одновременно. Кроме того, в процессе проведения следственных действий первоначально значение устанавливаемого факта может быть неизвестно. Поэтому особенности предварительного расследования наиболее точно учитывает требование о всестороннем, полном и объективном исследовании преступления.

В ходе предварительного расследования требуется тщательно проверить все возможные версии по делу, показания участников, получить и проверить в полном объеме необходимые доказательства, выявить обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, смягчающие и отягчающие наказание (всесторонность); установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, проверить данные о совершении обвиняемым или иными лицами других преступлений и принять по этим фактам соответствующие законные и обоснованные решения, констатировать отсутствие события или состава преступления либо недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления (полнота); проводить беспристрастное, непредвзятое, адекватное исследование обстоятельств дела (объективность)¹.

Ранее мы указывали ряд статей УПК РФ, из содержания которых следует вывод о необходимости всестороннего, полного и объективного расследования преступлений (ст. 7, 24, 27, 73, 152, 154). Положительное установление какого-либо факта невозможно без исключения иных вариантов события прошлого, в связи с чем «...обязанность доказывания виновности обвиняемого включает в себя и обязанность органа расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвинения»², т.е. действовать всесторонне, полно и объективно.

От заинтересованного в исходе уголовного дела лица нельзя ждать всестороннего, полного и объективного исследования. В связи с этим положения главы 9 «Обстоятельства, исключают участие в уголовном су-

¹ Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 159-160; Бахта А.С. Полнота предварительного и судебного следствия : учебное пособие. Омск, 1997. С. 11.

² Михайловская И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Рос. юстиция. 2002. № 7. С. 4.

допроизводстве» призваны гарантировать беспристрастность (объективность) следователя при производстве предварительного расследования.

В соответствии со ст. 159 УПК РФ «Обязательность рассмотрения ходатайства» следователь не вправе отказать участникам процесса в производстве следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для дела. Из перечисленных и других статей кодекса следует, что предварительное расследование не должно ограничиваться собиранием лишь доказательств обвинения, необходимо всестороннее, полное и объективное исследование преступления.

Отсутствие непосредственного правового закрепления необходимости всестороннего, полного и объективного расследования приносит негативные последствия. Следователи, даже усмотрев признаки сопутствующих преступлений, дополнительных эпизодов преступной деятельности, скрывающихся от следствия соучастников, не ориентируясь на выполнение данного требования, формально могут не исследовать важнейшие для дела обстоятельства и не давать им надлежащей правовой оценки. И положения ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, обязывающие следователя в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению его события, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении, не будут при этом служить препятствием. Наличие обстоятельств, указывающих на признаки преступления, или наличие самих признаков может замалчиваться, укрываться, ибо всегда проще заниматься расследованием единичных преступлений, наиболее простых в доказывании и квалификации, нежели сложных уголовных дел, с огромным объемом работы, большим количеством следственных и процессуальных мероприятий, активным противодействием со стороны заинтересованных лиц.

Укрывание преступлений, соучастников ведет к тому, что лица, заслуживающие наказания, не караются за содеянное ими. В результате они приобретают криминальный опыт, готовы совершать более тяжкие, изощренные и дерзкие преступления, причиняя еще больший ущерб обществу и государству. Поэтому требование о всесторонности, полноте и объективности исследования преступления должно найти отражение в соответствующей задаче предварительного расследования.

В то же время в ходе практической деятельности не следует гипертрофировать указанное требование, неоправданно расширяя пределы доказывания. В связи с этим следует привести мнение В.Т. Томина о том, что чрезмерность, избыточность познания по уголовному делу увеличивает объем уголовно-процессуальной деятельности¹. Данное положение становится особо актуальным при расследовании многоэпизодных, групповых уголовных дел. Так, сложные уголовные дела о мошенничествах могут

¹ Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 46.

насчитывать от нескольких десятков до сотен тысяч потерпевших¹, а свидетелей может быть на порядок больше. Однако это не означает, что в ходе расследования необходимо получение незначительного или избыточного доказательственного материала. Требования процессуальной экономии, как и «законы здравого смысла», никто не отменял. При расследовании требуется ориентироваться не только на одно требование (полнота), но и на другие требования задач.

В связи с этим мы склонны полагать, что о полноте предварительного расследования следует говорить, ограничиваясь рамками конкретного уголовного дела. Так, если в ходе расследования одного факта преступной деятельности становится известно о другом преступлении или даже отдельных его признаках, то таковые, безусловно, должны быть надлежащим образом проверены и оценены. При отсутствии же таких сведений нет необходимости в инициировании их установления в ходе предварительного расследования, ибо это может привести к гипертрофированности требования полноты исследования преступления, что негативным образом скажется на иных требованиях задач предварительного расследования, например на своевременности расследования, речь о котором пойдет далее.

Исследование должно быть не только всесторонним, полным, объективным, но и максимально скорым, поскольку на процесс расследования существенным образом влияют произошедшие изменения в обстановке и окружающих предметах. При этом они могут быть совершены как умышленно (например, заинтересованное лицо укрывает следы преступления), так и без какого-либо умысла (например, утеря следов преступления в результате влияния атмосферных осадков). Утрата касается как материальных (следы пальцев рук на полотне двери, следы торможения автомобиля на проезжей части и др.), так и идеальных (воспоминания, сведения о приметах преступника, обстановке при совершении преступления и др.) следов. При промедлении важнейшие сведения могут безвозвратно исчезнуть или настолько измениться, что не будут иметь доказательственного значения, поэтому временной промежуток между совершением преступления и началом разбирательства по нему должен быть минимальным. Чем он короче, тем больше шансов, что требуемая информация поступит в распоряжение органов уголовной юстиции, и, как следствие, тем выше вероятность установления, изобличения преступника, что обеспечит защиту прав, свобод, законных интересов граждан.

Еще в 1766 г. Ч. Беккариа отметил, что «чем скорее следует наказание за преступлением, чем ближе к нему, тем оно справедливее, тем оно

¹ В качестве примера можно назвать уголовное дело, возбужденное по финансовым махинациям АО «МММ». Потерпевшими признаны 10454 человека, по неофициальным данным, жертвами финансовой пирамиды стали 10 млн вкладчиков (см., напр.: Шаров А. Прощенный долг // Рос. газета. 2004. 28 янв.).

полезнее»¹. Поэтому от компетентных органов государства требуется оперативная и решительная реакция на данные о совершенном или готовящемся преступлении путем возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел².

Отдельные авторы понятие «быстрота» называют «коренным» условием построения и проведения всей процессуальной деятельности по уголовным делам³. Данное условие является особенно важным для предварительного расследования в связи с тем, что досудебное производство наиболее приближено по времени к моменту совершения преступления. От предварительного расследования требуется обеспечить максимальную подвижность и оперативность в собирании доказательств, необходимых для правильного разрешения дела судом⁴. В свою очередь, несвоевременность затрудняет расследование, подрывает авторитет, формирует мнение о профессиональной некомпетентности правоохранительных органов, порождает к ним недоверие, а в конечном итоге приводит к нарушению прав граждан. Поэтому целесообразность скорейшего реагирования на факт преступного деяния неоспорима.

С отмеченным аспектом оперативности расследования тесно связан и другой, в соответствии с которым соблюдение требования быстроты оказывается решающим фактором в исследовании преступления с позиции соблюдения прав и свобод человека и гражданина, участников уголовного судопроизводства. Неоправданные задержки не соответствуют интересам как правосудия в целом, так и отдельных субъектов уголовного процесса: потерпевшего, гражданского истца, подозреваемого, обвиняемого и др. Создавая препятствия для дальнейшего движения дела, они приводят к возникновению опасности неоправданного и незаконного промедления в принятии окончательного решения по делу, охране законных интересов, обеспечении реализации прав, обязанностей участвующих лиц. Предварительное расследование должно осуществляться без неоправданных задержек, в сроки, позволяющие оптимально обеспечить право граждан на судебную защиту.

Важность данного положения особо подчеркивается в международном законодательстве. В Рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. установлено, что «задержка в раскрытии преступлений ведет к дискредитации уголовного права и сказывается на

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 340-341.

² Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С. 21.

³ Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. М., 1966. С. 45; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 63-64; Гуляев А.П. Быстрота уголовного судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1973. Вып. 18. С. 66-83.

⁴ Стрёмовский В.А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. М., 1958. С. 3.

надлежащем отправлении правосудия»¹. У лица, обвиняемого в уголовном преступлении, имеется право «быть судимым без неоправданной задержки» (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах)². Статья 6 (§ 1) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что разбирательство дела должно происходить «в разумный срок»³.

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно затрагивал вопрос быстроты реагирования. В силу основополагающего положения о правах и свободах человека и гражданина как высшей ценности и обязанности государства по их признанию, соблюдению и защите органы государственной власти должны осуществлять свою деятельность, соблюдая права и свободы, а в случае их нарушения обеспечивать максимально быстрое и полное их восстановление. Неприятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности⁴.

Со временем накопленные теоретические положения трансформировались в норму права. Так, Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ⁵ глава 2 УПК РФ дополнена ст. 6.1, посвященной новому принципу уголовного процесса – разумному сроку уголовного судопроизводства, вобравшему в себя логику вышеуказанных установлений.

Аспект быстроты предварительного расследования бесспорен. При всей важности оперативности ее тем не менее нельзя абсолютизировать. Односторонность уголовного судопроизводства с этой позиции в отечественном историческом опыте, особенно ярко проявившейся в первой половине XX в., является наглядным тому подтверждением. Своевременность исследования должна возлагаться на предварительное расследование только в совокупности со всесторонностью, полнотой и объективностью. Существовая в единстве, указанные элементы задачи уравнивают друг друга, не давая тем самым одному из них быть преобладающим.

¹ Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 117.

² Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998. С. 58.

³ Права человека и судопроизводство : собрание междунар. документов. Варшава, 1996. С. 237.

⁴ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 г. № 20-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 28. Ст. 3393.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Российская газета. 2010. 4 мая.

В практической деятельности продление процессуальных сроков, расследование свыше двух месяцев изначально рассматривается с негативной стороны. Традиционное использование формулировки, обозначающей продление сроков расследования – «нарушение процессуальных сроков» – подтверждает желание избегать продления. Данная установка фигурирует и во множестве аналитических обзоров¹.

Соблюдая требования по направлению как можно большего количества уголовных дел в суд в ущерб всесторонности, полноте, объективности исследования, выполняя уголовно-процессуальные требования лишь формально, при производстве по некоторым уголовным делам удается существенно сократить процессуальные сроки. Например, 24 июня 2007 г. в СУ при УВД по Свердловскому району г. Красноярска в отношении Р. было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Уже 26 июня 2007 г. Р. был привлечен в качестве обвиняемого по п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 159 УК РФ. Еще через два дня, т.е. 28 июня 2007 г. указанное уголовное дело было направлено прокурору Свердловского района г. Красноярска для утверждения обвинительного заключения и дальнейшего направления уголовного дела в суд. Закономерным итогом столь поспешного расследования стало то, что 3 июля 2007 г. данное уголовное дело было возвращено прокурором Свердловского района для производства дополнительного следствия.

Безусловно, ряд преступлений могут быть расследованы в упрощенном порядке и с ускоренной процедурой. Например, очевидные преступления небольшой и средней тяжести, наказание по которым не превышает 5 лет лишения свободы, целесообразно расследовать дознанием в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ). Подобная потребность определяется распространенностью подобных преступлений, упрощенной процедурой фиксации фактических данных, отсутствием необходимости в усложненных по своей процедуре процессуальных действиях и пр. Однако даже процедура ускоренного досудебного производства не может проводиться в ущерб важнейшим ценностям. Так, невозможно допустить, чтобы лицо несло наказание за преступление, которое оно не совершало, или виновный получил более суровое наказание, чем заслуживает, и т.д. Тем более полноценное расследование не предполагает и не должно осуществляться в

¹ См., напр.: Тезисы выступления Е.А. Тимлева на оперативном совещании Следственного комитета при МВД России по итогам работы за 2006 г. // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2007. № 2(132). С. 7; О результатах работы органов предварительного следствия в системе МВД России в 2007 году : докладная записка // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2008. № 2(136). С. 7; О результатах работы органов предварительного следствия органов внутренних дел в 2018 г. М., 2019; Подведены итоги деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России за 2018 год. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Departamenti/Sledstvennij_departament/NovostiSD/item/15755216.

спешном порядке. От негативной традиции поспешного расследования следует отказаться.

Смысловой оттенок поспешности, суетливости, поверхностности присущ понятию «быстрота», ибо оно изначально трактуется как процесс, «происходящий в короткий промежуток времени»¹. В уголовном судопроизводстве это понятие приобретает характер термина, означающего требование по осуществлению процессуальных действий в более короткие процессуальные сроки.

В связи с этим наиболее приемлемым требованием к предварительному расследованию является своевременность исследования. Она подчеркивает необходимость и скорейшего разбирательства, и всесторонности, полноты, объективности расследования. «Своевременность» следует трактовать не как момент деятельности, «начатой в нужное время», «начатой вовремя», а шире – «осуществляемой в свое время, в нужный момент, к стати»². Подразумевается, что своевременность – это не только начатый вовремя момент деятельности, но и в целом деятельность, производимая в требуемый момент, в установленные сроки и без спешки.

Указанные соображения привели к определению задачи предварительного расследования в следующем виде – своевременное, всестороннее, полное и объективное исследование преступления³.

Изобличение лиц, совершивших преступление, формулирование и выдвижение обоснованного обвинения.

Неотъемлемым элементом преступления является субъект, его совершивший. Поэтому одним из закономерных итогов деятельности по исследованию преступного деяния должно быть его установление. Однако для ответственности виновного в содеянном одного лишь его выявления недостаточно. Виновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления должна быть доказана, что осуществляется путем сбора доказательств, его уличающих. Последующая констатация вывода о совершении преступления конкретным лицом обличается в ряде процессуальных решений.

Деятельность по изобличению виновных традиционно возлагается на предварительное расследование в качестве соответствующей задачи⁴. Од-

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 65.

² Там же. С. 704.

³ Следует оговориться, что используемый термин «преступление» необходимо трактовать расширительно, включая в него как само преступление (оконченное преступление, приготовление, покушение), так и запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, совершенное в состоянии невменяемости, а также событие, обладающее лишь некоторыми признаками состава преступления.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 39-40; Викторов Б.А. Указ. соч. С. 6-7; Якубович Н.А. Указ. соч. С.21; Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Задачи предварительного расследования // Журнал российского права. 2006. № 9. С.4.

нако некоторые авторы не разделяют данную точку зрения. По мнению А.М. Донцова, изобличение виновных не является задачей стадии предварительного расследования, так как «на предварительном следствии еще нет лиц, виновных в совершении преступления... лицо становится в положение виновного лишь тогда, когда в отношении него имеется вошедший в законную силу приговор»¹.

Общеизвестно, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ч. 1 ст. 14 УПК РФ). Если буквально трактовать данное положение, мы приходим к выводу, что виновных на предварительном расследовании нет. Задержание, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, утверждение прокурором обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд осуществляются в отношении невиновного. Более того, после окончания судебного разбирательства, вынесения обвинительного приговора осужденный не считается виновным, пока приговор не вступит в законную силу. Формально так. Однако это не означает, что изобличаемое в ходе досудебной деятельности лицо на самом деле не является фактически причастным к преступлению, расследование которого ведется. Оно лишь признается, считается невиновным, пока не будет доказано обратное. Уголовное судопроизводство построено по данному принципу, досудебная деятельность в том числе. В ходе предварительного расследования происходит собирание доказательств, по его результатам изобличается виновный, который впоследствии может быть привлечен в качестве обвиняемого. Конечно, это «еще не предрешает виновности этого лица, и в силу закона это лицо продолжает считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана с полной несомненностью и достоверностью в том порядке, который установлен законом»², так как указанный порядок предопределяет признавать лицо виновным только по судебному решению.

Поэтому, говоря об изобличении лица на досудебных стадиях, следует учитывать, что, несмотря на высокую степень уверенности субъекта расследования в виновности привлекаемого, данная деятельность носит предварительный характер. Исходя из этого, включение термина «виновный» для обозначения изобличаемого лица в соответствующей задаче предварительного расследования носит условный характер.

В УПК РФ имеется указание на необходимость изобличения. Так, п. 55 ст. 5 устанавливает, что уголовное преследование – это процессуаль-

¹ Донцов А.М. О задачах предварительного следствия в советском уголовном процессе // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. Экономика, философия, право. 1969. № 17. Вып. 3. С. 101.

² Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 184.

ная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Буквальная трактовка данного законодательного установления может привести к выводу, что изобличение осуществляется только в отношении подозреваемого или обвиняемого и до наделения данного лица соответствующим статусом его изобличение в совершении преступления не осуществляется. Однако, принимая во внимание, что расследование представляет собой постепенное и целеустремленное установление обстоятельств преступления, необходимо признать, что изобличение является его неотъемлемой чертой уже с самого первого момента, с первого следственного действия. Органы предварительного расследования, собирая доказательства, в то же время преследуют, изобличают субъекта преступления, поскольку следы расследуемого преступного деяния – его следы¹.

Правильно, по нашему мнению, утверждает И.С. Дикарев, что «преследование ведется в отношении конкретного лица, нарушившего закон, но оно осуществляется даже тогда, когда в уголовном деле еще нет ни подозреваемого, ни обвиняемого, когда следователю еще только предстоит установить личность этого лица»². Данное мнение обусловлено тем фактом, что уголовно-процессуальная деятельность далеко не всегда ведется в отношении конкретного человека. Преступления, совершенные в условиях неочевидности, также должны исследоваться, а проводимая доказательственная деятельность служит способом поиска виновных, их изобличения.

В связи с этим более верной, по нашему мнению, является формулировка, используемая в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, где устанавливается, что в каждом случае обнаружения признаков преступления следователь принимает меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. В указанной норме изобличение не связывается с процессуальным статусом лиц, совершивших преступление. Подчеркивается исследовательская сущность расследования, в ходе осуществления которого требуется добиться изобличения.

Логично, что в ходе изобличения наступает момент, когда можно прийти к выводу (пусть пока и предварительному), что преступление, по которому идет разбирательство, совершил определенный субъект. После сбора достаточных доказательств, подтверждающих предположение о совершении расследуемого преступления конкретным лицом, ему предъявляются соответствующие уголовно-правовые претензии. Учитывая, что уголовное судопроизводство является единой и целостной деятельностью, подразделяющейся на этапы (стадии), его итоговое (судебное) решение

¹ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 58-59.

² Дикарев И.С. Объективность уголовного преследования как условие реализации назначения уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2006. № 3. С. 29.

«подготавливает» досудебная часть. Поэтому в ходе предварительного расследования происходит первичное установление уголовной ответственности. Указанное направление деятельности определяет важнейшую задачу предварительного расследования, обладающую своими процессуальными средствами, которые следует рассмотреть подробнее.

В ходе предварительного расследования вывод о совершении преступления воплощается в обвинении – утверждении о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутом в порядке, установленном законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Фактическая сторона преступных действий и уголовно-правовая квалификация содеянного при предварительном следствии находят непосредственное отражение в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, а впоследствии и в обвинительном заключении. Аналогичное утверждение о совершении определенным лицом преступления осуществляется и в ходе дознания. По общему правилу, оно формулируется в обвинительном акте. Между тем дознаватель при определенных условиях обязан вынести и постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

Вынося постановление и предъявляя указанные процессуальные документы соответствующему лицу, следователь тем самым уведомляет преследуемого субъекта, что в отношении него осуществляется обвинительная деятельность. Первоочередная важность такого «уведомления» заключается в том, что «обвиняемый получает возможность знать, в чем он обвиняется, и целенаправленно защищаться от уголовного преследования»¹.

Данный механизм реализует международно-правовые принципы, провозглашенные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: каждый обвиняемый в совершении преступления имеет право быть незамедлительно и подробно уведомленным о характере и основании предъявленного обвинения, иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты (пп. «а», «b» ч. 3 ст. 6)². Путем предъявления обвинения на предварительном расследовании обвиняемому предоставляется достаточное время для подготовки своей позиции по вмененному обвинению, для сбора доказательств и выполнения других мер, направленных на свою защиту.

Привлечение к уголовной ответственности в качестве обвиняемого способствует как обеспечению интересов доказывания, досудебной оценке преступления, так и защите прав преследуемого. Этим еще раз подтверждается условность деления задач предварительного расследования на группы.

¹ Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск, 2007. С. 12.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

Кроме того, значение института обвинения на предварительном расследовании детерминируется изменением роли и процессуальной компетенции суда. Реализованная в ходе судебной реформы отстраненность суда от уголовного преследования дала возможность установить пределы судебного разбирательства. Таковые пределы определены обвинением, предъявленным в ходе предварительного расследования: только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). Поэтому от того, что и каким образом следователь опишет в указанных процессуальных документах, во многом зависят судебная оценка, а также дальнейшее производство и решение по делу. И в связи с этим обвинение следует расценивать как процессуальную составляющую установления уголовной (материальной) ответственности виновного лица¹. Только после этого уголовная ответственность реализуется в материальном праве, разбирательство завершается вынесением приговора суда и вступлением его в законную силу.

Однако не все процессуалисты разделяют мнение о необходимости осуществления в ходе предварительного расследования обвинительной деятельности. По мнению некоторых из них, следователя нецелесообразно наделять обвинительными полномочиями. Подразумевается, что если следователь формулирует обвинительный тезис, то его деятельность носит односторонний обвинительный характер и он не может быть объективным. Предполагается, что если обвинительную функцию будет выполнять кто-то иной (например, прокурор, представитель органа дознания, государственный обвинитель), то следователь сможет выполнять полный и объективный сбор, исследование доказательств без проявления обвинительного или оправдательного уклона².

Нельзя согласиться с некоторыми позициями приведенных точек зрения. По нашему мнению, в процессе исследования преступления не отстаивается заранее сформулированный тезис, а идет поиск данных, позволяющих прийти к тому или иному выводу. Какими же свойствами он будет обладать (оправдательными или обвинительными), зависит только от исследованных доказательств, совокупность которых позволяет принять

¹ Лукашевич В.З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959. С. 23; Алексеев Н.С., Лукашевич В.З. Ленинские идеи в советском уголовном процессе. Л., 1970. С. 70; Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., 1971. С. 16; Ковалев В.М. Привлечение в качестве обвиняемого и его соотношение с привлечением к уголовной ответственности // Проблемы уголовной ответственности и наказания в свете решений XXVII съезда КПСС : сб. науч. тр. Рязань, 1987. С. 67.

² Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие (к 100-летию М.С. Строговича) // Гос-во и право. 1994. № 10. С. 133; Лавдаренко Л.И. К вопросу о функции обвинения на предварительном расследовании // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Красноярск, 2004. С. 137; Мельников В.Ю. Указ. соч. С. 40.

обоснованное решение по делу. Поэтому необходимость предъявления обвинения не связывает следователя определенной позицией, не превращает его в обвинителя. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении выражена точка зрения следователя, который сформировал ее на основе непосредственного исследования большей части доказательств¹.

Вся деятельность следователя так или иначе пронизана обвинительной направленностью, ибо расследование преступления предполагает выяснение произошедших событий, а также и то, что виновный должен быть изобличен и наказан. Сам факт обвинительной деятельности может подтверждаться не только обвинительным заключением, постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, но и актом о возбуждении в отношении конкретного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.), иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него². К последним же можно отнести практически весь комплекс уголовно-процессуальных мероприятий.

Реформирование досудебного производства, в том числе института привлечения к уголовной ответственности, возможно, полезно и необходимо. Однако оно не может заключаться лишь в одном устранении у следователя полномочий по выполнению изобличительных, обвинительных мер. В противном случае закономерно встанет вопрос о необходимости самого существования процессуальной фигуры следователя. Поэтому в настоящее время, а также в обозримом будущем предложения по лишению следователя обвинительных полномочий как не учитывающие особенностей отечественного уголовного судопроизводства не могут быть применимы. В связи с этим они рассматриваются нами как реформаторские идеи, носящие ярко выраженный искусственный характер.

Предложения другого плана высказываются теми процессуалистами, которые говорят о реформировании института привлечения лица в качестве обвиняемого. Указанное традиционное средство досудебного производства, используемое для привлечения к уголовной ответственности, предлагается существенно видоизменить. Б.Я. Гаврилов высказывает мнение о необходимости замены института предъявления обвинения на процессуальные нормы о привлечении лица в качестве подозреваемого, анало-

¹ Барабаш А.С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Судебная власть в России: закон, теория и практика : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 477.

² По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

гичные процессуальным нормам, регулирующим предъявление обвинения в досудебном производстве¹. С.И. Пономаренко считает, что момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого необходимо связывать с решением об окончании предварительного следствия, а роль основного участника отводить подозреваемому².

Однако приведенные и аналогичные им предложения не вносят существенных изменений в суть обвинительной деятельности следователя. От того, какое именно средство будет для этого использоваться (институт подозрения или обвинения), не изменяется в корне содержание задачи по изобличению лиц, совершивших преступление, с формулированием и выдвиганием обоснованного обвинения.

Важность указанных положений обуславливает необходимость включения рассмотренного направления деятельности в систему задач предварительного расследования в следующем виде: изобличение лиц, совершивших преступление, с формулированием и выдвиганием обоснованного обвинения.

Создание предпосылок для участия обвиняемого (подозреваемого) в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу.

Важнейшим условием осуществления нормального хода расследования является личное участие лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. При этом необходимость непосредственного присутствия основного фигуранта в ходе разбирательства диктуется интересами сторон как обвинения, так и защиты. Для первых это облегчает, например, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Для привлекаемых к ответственности субъектов – защиту их прав и интересов, в частности, реализуется право участвовать в расследовании, рассмотрении уголовного дела, излагать свою позицию и предоставлять в ее подтверждение необходимые доказательства.

Однако далеко не все лица, совершившие преступление и вовлеченные в сферу уголовного судопроизводства по этому поводу, изменяют свое поведение на надлежащее. Многие уклоняются от расследования, противодействуют ему или продолжают заниматься преступной деятельностью. Э.Ф. Побегайло, анализируя российскую уголовную политику, обращает внимание на рост рецидивной преступности лиц, находящихся под следствием и судом³.

¹ Гаврилов Б.Я. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 20.

² Пономаренко С.И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 17.

³ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 47-48.

Указанные обстоятельства негативным образом сказываются в целом на отправлении правосудия. На предварительное расследование возлагается необходимость создания предпосылок для участия подозреваемого (обвиняемого) в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу. Этим предусматривается исключение возможности уклониться от расследования, противодействовать ему, продолжить преступную деятельность, а также осуществление розыска, если виновный скрылся.

Причем данную деятельность следует осуществлять не по факту ненадлежащего поведения или совершения действий, направленных на избежание ответственности, в большей мере она направлена на их предупреждение со стороны привлекаемых к ответственности лиц. Предотвращение уклонения подозреваемых и обвиняемых в ходе предварительного расследования «способствует успешному осуществлению задач уголовного судопроизводства, обеспечивает более качественное расследование преступлений, а также исключает необходимость последующего осуществления сложных и трудоемких розыскных действий и мер»¹.

В качестве примера ненадлежащего исполнения данного направления деятельности можем привести случай, имевший место при расследовании уголовного дела, возбужденного по факту причинения гражданину Б. тяжкого вреда здоровью. В ходе отработки лиц, причастных к совершению данного преступления, была установлена гражданка В. Она не предъявила документов, удостоверяющих личность, не имела постоянного места жительства, и, хотя была заподозрена в совершении тяжкого преступления, от нее было получено лишь объяснение. Дактилоскопирования, фотографирования, описания по правилам словесного портрета гражданки В., а также иных мероприятий, направленных на предупреждение уклонения, обеспечение участия и надлежащего поведения заподозренного лица не проводилось. Закономерным итогом указанных упущений в следственной работе стало то, что гражданка В. скрылась от следствия, производство по уголовному делу было приостановлено по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Средством реализации рассматриваемого направления деятельности является применение государственного принуждения. Учитывая, что у лиц, совершивших преступления, постпреступное поведение различается, действенность мер принудительного характера также может быть различной. Так, одному лицу достаточно первого уведомления о вызове в правоохранительные органы, для другого требуется принудительное воздействие, ибо по-иному его участие обеспечить не удастся. Обеспечение эффективности расследования обуславливает необходимость применения мер уголовно-процессуального принуждения к участникам, не желающим

¹ Гончар В.В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.

добровольно выполнять процессуальные обязанности¹. Особое место среди таковых занимают меры пресечения.

Вопрос о необходимости применения меры пресечения решается следователем в каждом отдельном случае. Закон не предписывает обязательного применения мер пресечения к каждому обвиняемому: следователь может не применить меру пресечения, а ограничиться взятием у него обязательства о явке. Если обязательство о явке может оказаться недостаточным, тогда к указанному лицу применяется мера пресечения².

Приведенное мнение М.С. Строговича актуально и поныне. Однако в действительности события разворачиваются не всегда так, как ожидается. Анализ практической деятельности показывает, что число лиц, скрывающихся от следствия, стабильно высокое. Основной причиной этому является неэффективная деятельность следователя по предупреждению уклонения обвиняемых (подозреваемых) от расследования.

Зачастую принятие процессуального решения об избрании меры пресечения происходит в условиях отсутствия необходимой дополнительной информации о личности обвиняемого и дефицита времени. В результате избирается та мера пресечения, которая фактически не лишает обвиняемого свободы действий, в том числе и по изменению места нахождения.

Поэтому от лица, производящего расследование, требуется установить ряд обстоятельств, на основании которых можно будет прийти к выводу о вероятном поведении обвиняемого (подозреваемого) в будущем, и при необходимости избрать соответствующую меру пресечения³. Например, о высокой степени вероятности скрыться от следствия и суда свидетельствует совершение неоднократно судимым лицом преступления в одном городе при постоянном его проживании в другом. Традиционно признак наличия «достаточных оснований полагать» порождается совокупностью нескольких обстоятельств, установленных по уголовному делу⁴.

Так, в период досудебного производства по уголовному делу обвиняемому П. (прежде судимый «преступный авторитет») ранее избранная мера пресечения в виде заключения под стражу была заменена на залог. После освобождения из-под стражи обвиняемый нарушил условия избранной меры пресечения, скрылся и в составе организованной преступной группы совершил ряд других преступлений⁵.

¹ Булатов Б.Б. Эффективность мер пресечения, не связанных с содержанием под стражей: учебное пособие. Омск, 1984. С. 9.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1956. Т. 1. С. 274.

³ Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982. С. 8.

⁴ Чувилев А.А. Заключение под стражу в качестве меры пресечения : лекция. М., 1989. С. 21.

⁵ Судейский корпус становится чище // Рос. юстиция. 2000. № 7. С. 55-56.

Другой пример: А. Черепанов – бывший главврач магнитогорской городской больницы, депутат городского собрания, обвиняемый в совершении коррупционных преступлений с многомиллионным ущербом, задержанный в октябре 2017 г., содержащийся под стражей около года, после изменения меры пресечения на подписку о невыезде скрылся от следствия и суда, по последним сведениям, находится на территории США¹.

Меры пресечения носят обеспечительный, превентивный характер, направлены на создание условий для эффективной уголовно-процессуальной деятельности, препятствуют совершению обвиняемым и подозреваемым незаконных действий по противодействию предварительному расследованию и рассмотрению дела в суде². Поэтому следователям требуется своевременно и эффективно использовать имеющийся в их распоряжении потенциал государственного принуждения. Оставление на свободе опасного преступника может способствовать уклонению обвиняемого (подозреваемого) от следствия, облегчить ему противодействие расследованию, привести к совершению других преступлений³.

Однако мнение о широком использовании мер принудительного характера разделялось не всеми. Еще в советский период имелись сторонники реформирования уголовного судопроизводства, исходившие из необходимости смягчения карательного потенциала уголовного процесса, существенного ограничения случаев применения принудительных мер, общей гуманизации уголовной политики. Наиболее отчетливо этот тезис фигурирует в работах И.Л. Петрухина, сделавшего вывод о том, что сокращение сферы применения процессуального принуждения должно стать одной из основных тенденций развития уголовного судопроизводства⁴.

Безусловно, ценность такого блага, как неприкосновенность личности, несомненна, причем не только в уголовном судопроизводстве. Однако индивидуальная свобода не может быть абсолютизирована, она должна подчиняться интересам общества и государства. «Гражданское общество предполагает подчинение свободы личности и ее индивидуальности нормам права»⁵.

¹ Челябинский депутат сбежал от Следственного комитета в США (16 мая 2019 г.). URL: <https://news.rambler.ru/other/42187096-chelyabinskiy-deputat-sbezhal-ot-sledstvennogo-komiteta-v-ssha/?updated>.

² Попов А.М., Громов А.Н., Черкасов А.Д. Совершенствование и правовая природа ареста как меры уголовно-процессуального пресечения // Рос. следователь. 2001. № 5. С. 13-16.

³ Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. Омск, 2003. С. 4.

⁴ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 47; Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 6.

⁵ Орлова О.В. Правовая свобода личности в гражданском обществе // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 76.

Забываясь о правах и свободах лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, не следует забывать о правах, свободах и интересах пострадавших от преступления. Неверное направление гуманизма в уголовном судопроизводстве чревато его неэффективностью. В рамках рассматриваемого вопроса это также может повлечь уклонение виновного от расследования, противодействие ему, продолжение преступной деятельности. О действенной защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в указанных случаях мы не можем говорить.

Право на свободу и личную неприкосновенность гарантируется Конституцией Российской Федерации и может быть ограничено лишь в конституционно значимых целях. «Меры пресечения соответствуют этим целям, если они направлены на воспрепятствование обвиняемым или подозреваемым в том, чтобы они могли скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины по уголовному делу или продолжать преступную деятельность»¹.

Важность и сложность задач, стоящих перед органами предварительного расследования, прокурором и судом, требуют предоставления этим органам таких средств, использование которых позволило бы им не только преодолеть реальные, уже возникшие, но и пресечь, предотвратить возможные препятствия в ходе расследования и разрешения уголовных дел². В то же время отсутствие средств пресечения создавало бы условия для преступника беспрепятственно уклоняться от уголовной ответственности или исполнения приговора, серьезно мешать процессу доказывания и установлению истины по делу и тем самым затруднить или вообще лишить возможности осуществления правосудия над ним³.

Приведенные доводы также демонстрируют и обосновывают необходимость преодоления новой криминальной деятельности в ходе проводимого разбирательства: противодействие подозреваемыми (обвиняемыми) расследованию, продолжение преступной деятельности. Например, при получении сведений о намерении или факте совершения нового преступления в период расследования, оказании воздействия на свидетелей, потерпевших следователю требуется отреагировать на них, в том числе применив меры процессуального принуждения, устраняющие возможность ненадлежащего поведения.

Касательно содержательной стороны деятельности следователя отметим, что в большинстве своем участие лица, подозреваемого (обвиняе-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.А. Нестеренко на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 89 и ч. 2 ст. 96 УПК РСФСР : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2001 г. № 148-О.

² Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 19.

³ Еникеев З.Д. Социальная ценность и эффективность мер уголовно-процессуального пресечения : учебное пособие. Уфа, 1979. С. 26.

мого) в совершении преступления обеспечивается процессуальным путем, о чем неоднократно упоминалось ранее. В случае если уголовно преследуемый отсутствует по месту жительства, не является по вызовам, скрылся от следствия, обвиняемый (подозреваемый) объявляется в розыск в ходе предварительного следствия либо одновременно с приостановлением производства по делу (ч. 2 ст. 210 УПК РФ). Помимо процессуальных мер, согласно п. 38 ст. 5, ч. 1 ст. 152, ч. 5 ст. 208 УПК РФ, в арсенале средств следователя имеются и розыскные действия (меры). Анализ сложившейся правоприменительной деятельности позволяет относить к таковым следующие: рассылка следователем запросов с требованием предоставления информации, истребование дактилоскопической карты с места отбывания наказания, фотографий и характеризующего материала, копии формы № 1, приобщение справки о судимости, выставление «сторожевых» листков, проверка лечебных учреждений, моргов, мест содержания под стражей и другие. При этом следует отметить, что следователь может принимать розыскные меры как лично, так и через органы дознания. Специфика указанных действий позволяет называть их самостоятельными мерами, не относящимися к процессуальным. Тот факт, что розыскные действия, розыскные меры предусмотрены УПК РФ, сам по себе не свидетельствует об этом. В тексте закона упоминаются или подразумеваются разнообразные меры, далеко не все из них являются процессуальными (ревизии, оперативно-розыскные мероприятия, составление описи и т.д.).

Розыскные действия следователя являются содержательным элементом деятельности, направленной на обеспечение участия лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, в ходе производства расследования.

Указанные соображения подтверждают необходимость возложения на предварительное расследование задачи по созданию предпосылок для участия обвиняемого (подозреваемого) в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу.

Подытоживая изложенное, можно сделать следующие выводы.

Группу задач, непосредственно обеспечивающих предварительную правовую оценку деяния, образуют: 1) своевременное, всестороннее, полное и объективное исследование преступления; 2) изобличение лиц, совершивших преступление, с формулированием и выдвижением обоснованного обвинения; 3) создание предпосылок для участия обвиняемого (подозреваемого) в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу.

Задача своевременного, всестороннего, полного и объективного исследования преступления представляет собой тщательную проверку всех возможных версий по делу, показаний участников, получение и проверку в полном объеме необходимых доказательств, выявление обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, смягчающих и отягчаю-

щих наказание; установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; проверку данных о совершении обвиняемым или иными лицами других преступлений и принятие по этим фактам соответствующих законных и обоснованных решений; проведение беспристрастного, непредвзятого исследования обстоятельств дела при отсутствии неоправданных задержек расследования, в сроки, позволяющие оптимально обеспечить право граждан на судебную защиту.

Задача по изобличению лиц, совершивших преступление, с формулированием и выдвижением обоснованного обвинения заключается в подготовке, процессуальном обосновании и доведении до сведения материально-правовых притязаний органов расследования к лицу, предположительно совершившему преступление.

В задачу создания предпосылок для участия и надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) при производстве по уголовному делу входит исключение у подозреваемого (обвиняемого) возможности уклониться от расследования, противодействовать ему, продолжать преступную деятельность, а также осуществление розыскных действий в том случае, если он скрылся.

Детерминированность предварительного расследования его задачами задает законодателю содержательные ориентиры для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего досудебное производство, и практики его применения.

§ 2. Задачи предварительного расследования, опосредованно обеспечивающие предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления

Принятие мер по обеспечению защиты, реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства, а также исполнения ими обязанностей.

Как досудебной части уголовного процесса предварительному расследованию требуется принимать непосредственное участие в процессуальной защите фигурантов процесса. Поэтому в системе его задач выделяется соответствующая группа задач, направленных в большей мере на обеспечение защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Предваряя дальнейшее изложение материала, следует уточнить, что нами вкладывается в понятие защиты. Анализ существующих точек зрения¹ позволил нам придерживаться позиции, в соответствии с которой охрана является элементом защиты. Так, З.В. Макарова отмечает: «Охранять права – значит не допускать их нарушения, а защищать – не только не допустить нарушения прав, но и оградить от посягательств на эти права... следовательно, понятие защиты шире понятия охраны прав»². Подтверждение этого мы обнаруживаем, обратившись к Толковому словарю русского языка, согласно которому «охранять» означает оберегать, относиться бережно, стеречь, сторожить, караулить, в то время как «защищать» – охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности, предохранить, обезопасить от чего-нибудь, оборонять, заступаться³.

Конституция Российской Федерации провозгласила высшей ценностью человека его права и свободы (ст. 2). Тем самым она возложила на государство, государственные органы и должностных лиц обязанность всемерно защищать и тем самым гарантировать охрану и реализацию прав личности⁴. Однако справедливо замечено, что «конституционное закрепление прав и свобод человека не означает их автоматического осуществления»⁵. Для их реализации в уголовном судопроизводстве требуется разработанный механизм. Безусловно, таковой в УПК РФ имеется⁶. В то же время некоторые положения действующего уголовно-процессуального законодательства в ряде случаев не позволяют с уверенностью утверждать, что в них содержится указание о возложении на предварительное расследование обозначенной задачи.

¹ Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 18-19; Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 130-131; Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. Волгоград, 1997. С. 78,83; Бутылин В.Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 83; Гуськова А.П. К вопросу о понятиях «охрана», «защита», используемых в российском уголовном судопроизводстве // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в действии : сб. науч. ст. Оренбург, 2003. С. 6; Нозиров Н.А. Охрана прав и свобод человека и гражданина в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14.

² Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Известия вузов. «Правоведение». 2000. № 3. С. 128-129.

³ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 228, 484.

⁴ Громов Н.А., Курушин С.А. Гарантии права на защиту обвиняемого в досудебных стадиях по УПК РФ : учебно-практическое пособие. М., 2005. С. 12.

⁵ Щербич Л.А. Охрана прав человека и гражданина, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвуз. научно-практ. конф. Омск, 2006. С. 115.

⁶ Следует отметить, что нами не оценивается его эффективность, оговаривается лишь его существование.

Среди таковых в первую очередь необходимо указать широко известные решения законодателя об однозначном отнесении следователя к стороне обвинения (п. 47 ст. 5, глава 6 УПК РФ), а также об отделении функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела и невозможности их возложения на один и тот же орган или должностное лицо (ч. 2 ст. 15 УПК РФ). Эти и другие новеллы привлекли повышенное внимание ученых-процессуалистов.

Так, Л.В. Головкин акцентировал внимание на том, что следователю «запретили» защищать лицо от необоснованного уголовного преследования, так как функция защиты генетически несовместима, по мнению российского законодателя, с функциями обвинения и разрешения уголовного дела¹. В.А. Азаров подметил: «Исходя из систематического толкования статей 15, 21 УПК РФ, следователь не вправе собирать, исследовать и оценивать доказательства, оправдывающие (смягчающие ответственность) обвиняемого»². Л.М. Володина подчеркнула, что «резко осуждаемый в прошлом стиль работы органов расследования, именуемый обвинительным уклоном, ныне прямо закреплен законом. Ныне он не слуга истине, он обвинитель»³. И высказываний подобного рода в процессуальной литературе множество.

В то же время в УПК РФ есть нормы, идущие вразрез с указанными положениями, например, уже упоминаемая нами ст. 73 УПК РФ. Кроме того, в уголовном судопроизводстве имеются требования уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ), неприкосновенности жилища (ст. 12 УПК РФ), соблюдения тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ), презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Эти и многие другие положения закона имеют непосредственные средства обеспечения защиты процессуальных прав и законных интересов личности в ходе предварительного расследования.

Фиксация в законе прав участников процесса, необходимости их охраны определяет границу должного поведения, возможных действий органов государства при выполнении уголовно-процессуальной деятельности. Тем самым обеспечивается ограждение населения от ненадлежащего

¹ Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Гос-во и право. 2002. № 5. С. 54.

² Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: оценка концептуальных основ // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : сб. науч. тр. Красноярск, 2003. Вып. 6. С. 84.

³ Володина Л.М. О статусе следователя и функциях уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 153.

осуществления ими своих обязанностей, в том числе злоупотреблений. Реализацию указанных прав гарантирует именно деятельность органов по расследованию уголовных дел, производящаяся при строгом соблюдении прав участников. Указанные соображения подтверждают факт того, что в ходе предварительного расследования следует осуществлять не только обвинительную деятельность.

Правильность указанной позиции подтверждается и выводами Конституционного Суда Российской Федерации. В соответствии с постановлением от 29 июня 2004 г. № 13-П положения ч. 2 ст. 15 УПК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не освобождают должностных лиц государственных органов – участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения от выполнения при расследовании преступлений конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения прав и свобод¹.

Помимо указанной конституционной обязанности в ходе предварительного расследования требуется осуществить обоснование выдвинутого обвинительного тезиса. Поскольку положительное установление какого-либо факта невозможно без исключения любых иных вариантов события прошлого, доказывание виновности обвиняемого включает в себя и обязанность органа расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвинения². Иное совершенно справедливо позволяет усомниться в возможности всестороннего, полного, объективного расследования³.

Обратившись к уголовно-процессуальному законодательству, мы сможем увидеть, что в наибольшей степени соответствующими процессуальными гарантиями обеспечены права и законные интересы лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Это мнение подтверждают и результаты проведенного анкетирования. Так, на вопрос: «Обеспечивает ли УПК РФ охрану прав и законных интересов лица, подвергающегося уголовному преследованию?» – 60% респондентов ответили, что обеспечивает в полной мере; 35% – в большей части обеспечивает; 5% указали: нет, практически не обеспечивает.

Отчасти эта ситуация представляется оправданной, ибо «нарушение прав обвиняемого, подозреваемого создает угрозу привлечения к уголов-

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

² Михайловская И. Указ. соч. С. 4.

³ Головки Л.В. Указ. соч. С. 52.

ной ответственности и осуждение невиновного»¹. В то же время участник с «противоположной» стороны – потерпевший – не наделен соответствующим объемом гарантий. «Уголовная политика России во многом вытеснила из сферы своих практических забот и интересов жертву преступления, сконцентрировав свои усилия и устремления на правонарушителе»². Права потерпевших представлены в УПК РФ в меньшей мере, чем права подозреваемых и обвиняемых³.

Аналогичная точка зрения, как показало исследование, существует и у практических работников. На вопрос: «Обеспечивает ли УПК РФ охрану прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений?» – были получены следующие варианты ответов: нет, не обеспечивает в большей части – 25%; в большей части обеспечивает – 35%; обеспечивает в полном объеме – 30%; не обеспечивает – 10%. Следует отметить, что анкетирование имело место после принятия Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ⁴, значительно улучшившего правовое обеспечение положения потерпевшего.

Сложившееся положение подлежит изменению. Недопустимо упускать из виду необходимость охраны прав лиц, пострадавших от преступления, а также лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве. В противном случае налицо неисполнение основополагающего правового принципа – равенства всех граждан перед законом и судом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Только при разумном балансе и надлежащем соблюдении процессуальных прав всех участников возможно достижение назначения уголовного процесса.

Безусловно, меры по совершенствованию нормативно-правовой основы, обеспечивающей охрану и реализацию прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц, предпринимаются.

Так, серьезной вехой в этом направлении являются изменения, внесенные в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом № 432-ФЗ. В результате реализующий рассматриваемую задачу инструментарий пополнился дополнительными мерами, способствующими охране прав потерпевших. Среди них: незамедлительность

¹ Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 16.

² Бабаев М.М., Рахманова Е.Н. Права человека и криминологическая безопасность. М., 2003. С. 41.

³ Парфенова М.В., Конах Е.И. Процессуальные права потерпевшего и их реализация в досудебных стадиях уголовного судопроизводства : научно-методическое пособие. М., 2006. С. 5.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве : Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6997.

признания потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела, равные с подозреваемым, обвиняемым права при назначении и производстве судебной экспертизы, право на ознакомление с материалами уголовного дела в случае его прекращения, право получения копии постановления об отказе в избрании в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу и др.

Более того, анализ внесенных изменений позволяет говорить о новых содержательных аспектах рассматриваемой задачи, в том числе применительно к отдельным категориям участников уголовного судопроизводства – несовершеннолетним.

Особое место несовершеннолетних среди участников уголовного процесса предопределяется тем, что дети имеют право на особую заботу и помощь, в том числе ввиду их физической и умственной незрелости, потребности в специальной защите, включая надлежащую правовую защиту (Преамбула Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.)¹. В частности, предписывается, чтобы психологическая травма, нанесенная ребенку преступлением, не была усугублена в ходе расследования и уголовного разбирательства (ч. 2 ст. 30 Конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений)².

Следует отметить, что международно-правовые акты определяют не только принципиальные положения, детерминирующие охранительный подход к несовершеннолетним жертвам преступлений, но и ряд конкретных правовых установлений. Так, среди требований, обеспечивающих необходимую помощь детям: минимизация контакта несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с обвиняемыми; возможность дачи показаний и представления доказательств не только напрямую, но и через посредника; замена непосредственного участия несовершеннолетнего демонстрацией видеозаписи его показаний и другие³.

Развитием указанных положений на национальном уровне стало внесение изменений в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, уточнивших особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, а также оглашения их показаний, данных в досудебном производстве⁴. Так, были введены правила обязательности видеозаписи в ходе допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ч. 5 ст. 191 УПК РФ), а также предусмотрено исключение из общих правил непосредственности и устности судебного разбирательства для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, показания которых стало возможно огла-

¹ Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Там же.

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ.

шать без допроса в ходе судебного заседания, просматривать видеозапись допроса, проведенного в ходе предварительного расследования (ч.ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ).

Анализируя указанные положения в их нормативном единстве, профессор В.В. Николюк пришел к выводу, что перед следователем фактически поставлена задача охраны психического здоровья несовершеннолетнего потерпевшего путем сведения к минимуму в период расследования насильственных преступлений сексуального характера контактов несовершеннолетнего с официальными должностными лицами и обвиняемым¹. Развивая обозначенную позицию, позволим себе расширить состав участников, а также виды преступлений.

Безусловно, согласимся, преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних и направленные на нарушение их половой неприкосновенности, обладают большим психотравмирующим воздействием. Однако негативному воздействию преступного деяния подвержены как несовершеннолетние, ставшие жертвами преступлений, так и очевидцы (свидетели) преступного события².

Анализ норм международных актов, а также ч. 5 ст. 191, ч.ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ дает возможность утверждать, что законодательно созданы условия для обеспечения минимального участия несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) при производстве по уголовным делам о любых преступлениях. Минимизация участия несовершеннолетних обеспечивает уменьшение негативных последствий преступления, их обережение от душевных и нравственных страданий, вызванных преступным деянием, а также восстановление физического и психического здоровья детей при производстве по уголовному делу.

¹ Николюк В.В., Ломакина А.А. Видеозапись допроса несовершеннолетнего потерпевшего и ее использование при расследовании уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник материалов межд. научно-практ. конф. / отв. ред.: Н.С. Диденко. Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2019. С. 157-165.

² Так, в бытность следователем у автора в производстве находилось уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, по факту наезда водителем мотоцикла П. на пешехода – малолетнего ребенка Р., в результате которого последний скончался. Очевидцем события стал друг Р. – малолетний И., непосредственно наблюдавший наезд мотоцикла на Р. и наступившие последствия, глубокого переживавшего увиденное. С учетом обстоятельств дела в целях охраны психического здоровья несовершеннолетнего свидетеля – малолетнего И. – единственный допрос в ходе предварительного расследования был осуществлен в психологически комфортных для допрашиваемого лица условиях, с максимальной минимизацией негативных последствий от произошедшего факта, в том числе путем обеспечения участия в следственном действии детского психолога, исключения встреч с иными участниками уголовного судопроизводства и т.п.

Инструментарием обеспечения минимизации участия несовершеннолетнего являются: использование видеозаписи на допросе несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), последующее оглашение в суде показаний в его отсутствие, а также демонстрация видеозаписи, сделанной в ходе допроса (ч. 5 ст. 191, ч.ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ).

Подобные меры в некоторой части вступают в противоречие с непосредственностью судебного разбирательства, но, как абсолютно правильно подчеркнул профессор В.В. Кальницкий, соответствуют российской ментальности, отечественному пониманию справедливости судебного разбирательства, в основе которого нравственное, а не формально-юридическое начало¹.

Забываясь об интересах несовершеннолетнего, важно обеспечить реализацию законных интересов иных участников. Обвиняемому предоставляется право допрашивать показывающих против него свидетелей или потерпевших, задать вопросы изобличающих его лицам, что гарантируется международными нормами², национальным законодательством (ч.ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ), подтверждается судебной практикой³.

Проблему реализации вышеуказанных противоположных интересов, если потерпевший (свидетель) является несовершеннолетним, а обвиняемый достиг возраста совершеннолетия, предлагается преодолевать с позиции приоритета интересов ребенка, не исключая при этом возможности реализовать право на защиту взрослого.

В рассматриваемом случае проведение очной ставки в классическом ее представлении неприемлемо. Во-первых, подобное оспаривание показаний и разрешение противоречий не соответствует направленности предварительного расследования на охрану психического здоровья несовершеннолетних потерпевших (свидетелей), а также повлечет за собой целый комплекс негативных последствий как для психики несовершеннолетнего, так и для производства по делу в целом.

Во-вторых, фактическим основанием проведения очной ставки (ст. 192 УПК РФ) является наличие существенных противоречий в показа-

¹ Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Дополнительное регулирование участия потерпевшего и свидетеля в производстве следственных и судебных действий // Российский следователь. 2015. № 3. С. 19.

² Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Так, оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля допускается при условии, что обвиняемому (подсудимому) в досудебных стадиях производства по делу была предоставлена возможность оспорить показания свидетельствующего против него лица предусмотренными законом способами. См.: О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 // СПС КонсультантПлюс.

ниях ранее допрошенных лиц. Далеко не во всех случаях между показаниями несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) и обвиняемого будут усматриваться противоречия. Действующая же норма не предусматривает иных оснований для очной ставки, в том числе направленных на реализацию права обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него. Таким образом, с точки зрения буквальной трактовки закона проведение очной ставки в подобном случае недопустимо.

Учеными-процессуалистами предлагается использовать «альтернативную» очную ставку, представляющую собой аналог традиционной очной ставки, проводимой опосредованно, путем постановки вопросов допрашиваемыми через следователя, без их личной встречи друг с другом¹.

Принимая во внимание ранее указанные доводы, обобщив предложения ученых-процессуалистов, складывающуюся следственно-судебной практику, собственные соображения предложим следующую последовательность действий правоприменителей:

1) разъяснение несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю), законному представителю положительных для них последствий допроса с видеозаписью;

2) допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) с применением видеозаписи;

3) допрос обвиняемого с разъяснением ему права задать вопросы свидетельствующему против него лицу, отраженные в протоколе допроса;

4) в случае заявления обвиняемым указанного ходатайства – предъявление (оглашение) протокола допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), воспроизведение видеозаписи его допроса;

5) формулирование обвиняемым вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю), фиксация вопросов в протоколе допроса обвиняемого;

6) рассмотрение возможности отвода вопросов, адресованных несовершеннолетнему потерпевшему (свидетелю);

7) дополнительный допрос несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) по неотведенным следователем вопросам обвиняемого с применением видеозаписи;

8) ознакомление обвиняемого с показаниями несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), содержащими ответы на вопросы, сформулированные обвиняемым, воспроизведение видеозаписи допроса.

Предложенный алгоритм действий следователя является общим, может быть уточнен применительно к конкретным обстоятельствам, склады-

¹ Брусницын Л.В. Новые правила допросов несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии и в суде // Уголовное право. 2015. № 3. С. 92; Кальницкий В.В. Органы расследования обязаны обеспечивать право обвиняемого допрашивать лиц, свидетельствующих против него // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 7; Николук В.В. Указ. соч. С. 161.

вающимся при производстве по уголовному делу. Например, не исключено, что после ознакомления обвиняемого с ответами несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) на его вопросы, обвиняемый заявит ходатайство о дополнительном допросе несовершеннолетнего, сформулировав перед ним новые вопросы. Указанное ходатайство подлежат рассмотрению в установленном порядке.

Вышеуказанные предложения, позволяющие минимизировать участие несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) путем использования видеозаписи его допроса, с последующим оглашением в суде показаний в его отсутствие, а также демонстрацией видеозаписи, сделанной в ходе допроса, а обвиняемому задать вопросы, свидетельствующему против него несовершеннолетнему лицу, без их личной встречи будут способствовать обеспечению охраны психического здоровья несовершеннолетних потерпевших (свидетелей) и в тоже время позволит обвиняемому реализовать свое право на оспаривание показаний свидетельствующего против него лица.

Приведенные соображения свидетельствуют о целесообразности закрепления данного установления в качестве содержательной части соответствующей задачи предварительного расследования. Об остальных составляющих рассматриваемой задачи речь пойдет далее.

В уголовном судопроизводстве присутствует первичность общедозволительного порядка в отношении отстаивания прав и свобод личности. В то же время она сочетается с организацией поведения участвующих лиц путем введения запретов, ограничений и установления контроля, определения круга обязанностей и ответственности за их неисполнение¹. Вследствие этого помимо охраны законных интересов и обеспечения реализации прав участников уголовного процесса в ходе предварительного расследования требуется способствовать выполнению ими своих обязанностей. В случае же нарушения или несоблюдения с их стороны уголовно-процессуальных норм необходимо реализовывать и уголовно-процессуальную ответственность.

Существование уголовно-процессуальной ответственности обусловлено тем, что ни одна отрасль права не может нормально функционировать без наличия собственного института юридической ответственности, собственных средств обеспечения правовых требований и дозволений. Это в равной мере относится и к материальным, и к процессуальным отраслям². Институт ответственности обязателен в механизме юридического регулирования правосудия. Любая обязанность только тогда становится мерой должного поведения, когда ей корреспондирует ответственность³.

¹ Андреева О.И. Указ. соч. С. 10.

² Чечина Н.А., Элькин П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Сов. гос-во и право. 1973. № 9. С. 34.

³ Зайцев И.М. Гражданская процессуальная ответственность // Гос-во и право. 1999. № 7. С. 93.

Уголовно-процессуальная ответственность, являясь одним из компонентов сложной системы правового регулирования уголовно-процессуальных отношений¹, предусматривает и выступает в виде лишения определенных прав участников процесса и иных лиц, наложения денежного взыскания, обращения залога в доход государства и других мер.

Так, ст. 117 УПК РФ устанавливает возможность наложения денежного взыскания за неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей. В случае если иное лицо, не являющееся участником уголовного процесса, умышленно не выполняет законные требования следователя, оно может быть привлечено к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Указанная процедура переводит процессуальные отношения между следователем и иными лицами в разряд административно-правовых, где дополнительные административные средства выступают гарантией от возможных нарушений требований уголовно-процессуального законодательства². Указанной идее и общей тенденции соответствует и новая редакция ст. 308 УК РФ, измененная Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, предусматривающая ответственность потерпевшего за уклонение от прохождения освидетельствования, производства судебной экспертизы, предоставления образцов для сравнительного исследования.

Расширенный состав фигурантов, в отношении которых могут быть реализованы меры ответственности, подтверждает мнение, что к кругу участников следует относить всех лиц, принимающих участие в ходе производства расследования: пострадавших от преступления, подвергаемых преследованию, обвинению, участвующих в уголовном судопроизводстве.

В связи с этим принятие мер по обеспечению реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства, а также исполнению ими обязанностей следует относить к указанной группе задач предварительного расследования.

Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, других имущественных взысканий, конфискации имущества.

Обозначенное установление, осуществляемое в ходе предварительного расследования, довольно широко по своему содержанию. Практически любые формы работы, связанные с обеспечением реализации прав участников уголовного процесса, осуществляемые при досудебном производстве, могут быть включены в задачу обеспечения возмещения вреда в качестве составной части. Однако в силу особой важности некоторых

¹ Корнуков В.М. Указ. соч. С. 10.

² Камынин И. Ответственность за нарушения в сфере уголовного процесса // Законность 2006. № 1. С. 10; Гафизов М.Х. Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14-18.

охраняемых положений, а также необходимости в активной составляющей – защите прав и законных интересов – ряд установлений приобретают статус самостоятельных задач предварительного расследования. О таковых речь пойдет далее.

Согласно ст. 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Указанное конституционное положение нашло более детальную регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, ч. 3 ст. 42 УПК РФ устанавливает, что потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда; п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ устанавливает необходимость доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением; ст. 115 УПК РФ регламентирует производство наложения ареста на имущество, как средства обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, и др.

Объектом посягательства в большинстве преступлений выступают общественные отношения собственности. Лицо, посягнувшее на чужое имущество, нарушает данные отношения, лишая собственника прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Имущественные интересы проявляют себя наиболее остро¹. Поэтому пострадавшие, обращаясь в правоохранительные органы, заинтересованы прежде всего в возврате похищенного или возмещении его стоимости. Они редко преследуют цель сурового наказания преступника, скорее – его неотвратимости, обеспечивающей удовлетворение их материальных интересов.

В связи с этим представляется правильным, что «обеспечение имущественных интересов пострадавших от преступлений физических и юридических лиц является одной из задач уголовного судопроизводства»². Однако деятельность по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, рядом процессуалистов рассматривается как побочная, дополнительная³. Высказывания подобного рода принижают роль и значение охраны имущественных прав. «Считается, что наказание преступников – дело государственное, а возмещение ущерба – частное? Уважение к собственности, охрана прав собственника должны составлять одну из самых

¹ Азаров В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск, 1995. С. 8.

² Ефимичев П.С. Новый УПК России и защита интересов личности и государства // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 31.

³ Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 59-66; Уголовный процесс / под ред. Н.С. Алексеева, В.З. Лукашевич, П.С. Элькин. М., 1972. С. 12-15; Шпилев В.Н. Содержание и форма уголовного судопроизводства. Минск, 1973. С. 64; Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия : учебное пособие. М., 1971. С. 57, 59.

важных задач государства. Это путь к цивилизованным отношениям в гражданском обществе»¹.

В составах преступлений, где наряду с общественными отношениями собственности объектом преступных деяний выступают жизнь и здоровье человека, в ряде случаев невозможно полностью возместить причиненный ущерб. Однако и в таких случаях компенсация вреда в денежном эквиваленте не только возможна, но и необходима. В качестве примера можно привести такие варианты, как возмещение ущерба в случае потери кормильца, оплата услуг медицинского характера, покрытие расходов на приобретение лекарственных средств и др. Как показывает практика, компенсация материального вреда во многом определяет позицию не только потерпевшего, но и суда по отношению к факту преступления и лицу, его совершившему, что также подтверждает значимость, важность возмещения вреда, причиненного преступлением: «И с позиции частного лица, и с позиции публичности важно, чтобы человек был полностью удовлетворен охраной своих прав и интересов со стороны государственных органов»².

Роль предварительного расследования в осуществлении указанной деятельности не может недооцениваться. Практика свидетельствует, что наиболее эффективными в плане достижения положительных результатов и, соответственно, более полного обеспечения возмещения вреда потерпевшему являются меры, предпринятые в самом начале расследования³. Досудебное производство, будучи наиболее приближенным по времени к факту совершения преступления, способно оперативно отреагировать на него. Учитывая, что причиненный пострадавшим вред требуется возместить, уже с самого начала разбирательства необходимо осуществлять деятельность по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, с целью восстановления нарушенных отношений. Указанное направление деятельности включает в себя: установление факта причинения вреда, характера и размера вреда; способствование добровольному возмещению вреда; розыск похищенного имущества и возвращение его владельцу; установление возможных источников возмещения вреда; принятие и рассмотрение гражданского иска, признание лица гражданским истцом; привлечение лица в качестве гражданского ответчика; наложение ареста на имущество, ценные бумаги.

Осуществление указанных мероприятий в ряде случаев весьма проблематично. Лица, совершившие преступления, как правило, не только не стремятся возместить причиненный ущерб, но и различными способами стараются избежать возможности возмещения вреда. Так, «традиционным»

¹ Халиков А. Возмещение ущерба потерпевшим // Законность. 2000. № 9. С. 34.

² Там же. С. 33.

³ Багаутдинов Ф.Н. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги по УПК РФ // Рос. следователь. 2002. № 10. С. 2.

способом ухода от принудительного изъятия имущества в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, является сокрытие, отчуждение собственности владельцем. В связи с этим в ходе предварительного расследования требуется принимать действенные меры, направленные против попыток избежать материальной ответственности лицом, совершившим преступление.

Мероприятия, направленные на предупреждение сокрытия, отчуждения имущества могут быть самыми разнообразными. В ряде случаев определяющую роль играет временной фактор. Поэтому даже незначительное промедление иногда сводит к нулю все последующие меры.

Примером оперативного реагирования может служить случай, имевший место в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту дорожно-транспортного происшествия, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью пешехода. От сотрудников уголовного розыска стало известно, что привлекаемый к ответственности водитель У. намеревается продать принадлежащий ему автомобиль с целью воспрепятствования наложению ареста на него и последующего изъятия. Первоначально следователем на имя начальника ОГИБДД было направлено требование о запрете снятия с регистрационного учета автомобиля, принадлежащего водителю У., без уведомления следователя. Впоследствии перед судом было возбуждено ходатайство о наложении ареста на автомобиль, получено судебное разрешение, автомобиль изъят.

Приведенные соображения демонстрируют обоснованность включения мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, в соответствующую задачу предварительного расследования. В идеале итогом осуществления этой деятельности должно быть «восстановление того объема материальных благ, которым до преступления располагал потерпевший»¹.

Интересы потерпевшего не исчерпываются возмещением вреда, причиненного в результате совершения преступления. В связи с участием в расследовании им могут быть понесены разнообразные расходы, в том числе на представителя. Таковые требуется также возместить (ч. 3 ст. 42 УПК РФ).

Уделяя внимание пострадавшему от преступления, необходимо помнить, что «любой субъект, независимо от его процессуального положения, должен иметь право на охрану своих законных имущественных интересов»². В связи с вовлечением в уголовный процесс и иные субъекты могут понести материальные расходы. Так, принимая участие в расследовании,

¹ Зинатуллин З.З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань, 1974. С. 10.

² Азаров В.А. Деятельность органа дознания, предварительного следствия и суда по охране имущественных интересов граждан. Омск, 1990. С. 47.

свидетель, его законный представитель, эксперт, специалист, переводчик, понятой несут затраты, связанные с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием; возмещением недополученной заработной платы за время, затраченное в связи с вызовом в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд, а также другие расходы (ст. 131 УПК РФ).

В случае если указанные расходы будут возмещаться по результатам судебного разбирательства, уже в ходе предварительного расследования следует создать для этого соответствующие условия. Если же их возмещение состоится в рамках предварительного расследования, то данная деятельность будет являться составной частью иной задачи – охраны законных интересов участников уголовного судопроизводства, обеспечения реализации их прав, исполнения ими обязанностей.

Процессуальные издержки являются составной частью имущественных взысканий, которые могут быть налагаемы на виновное в совершении преступления лицо. Но в отличие от возмещения ущерба, издержки вызваны затратами, связанными с расследованием, а не самим фактом преступления.

Близкой по правовой природе к имущественным взысканиям является конфискация имущества, обладающая в то же время спецификой. По этой причине конфискацию требуется рассмотреть подробнее.

До принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹ конфискация являлась видом дополнительного наказания за совершенное преступление. После изменений в УК РФ и УПК РФ² конфискация имущества представляет собой иную меру уголовно-правового характера. Основным признаком, отличающим конфискацию как наказание от конфискации в качестве меры уголовно-правового характера, выступает характер изымаемого имущества. При наказании изымалось имущество, законно нажитое осужденным и не употребляемое для совершения преступления, в то время как при применении иной меры уголовно-правового характера изымается имущество, полученное в результате совершения преступлений или используемое для их совершения.

Согласно действующему законодательству конфискация имущества обусловлена не фактом совершения виновным преступления, а тем, что эти деньги, ценности и иное имущество получены в результате совершения соответствующего преступления (п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ), либо доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преоб-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3452.

разованы (п. «б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ), либо использованы или предназначены для финансирования терроризма, других преступлений (п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ), либо применялись в качестве средств совершения преступления (п. «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ). Фактически конфискация представляет собой не дополнительное обременение для лица, совершившего преступление, а способ восстановления нарушенных прав. Это мнение подтверждается и установленным приоритетом в первоочередности возмещения ущерба, причиненного законному владельцу, при решении вопроса о конфискации имущества (ст. 104³ УК РФ).

Учитывая важность в современной жизни материальной составляющей, не следует упускать из виду предупредительный потенциал конфискации имущества, в целом имущественных взысканий. Нам представляется абсолютно обоснованным проведение такой уголовной политики, которая формировала бы у преступников, маргинальных элементов, остальных членов общества убеждение о «невыгодности» криминальной деятельности. «Риск совершения преступления должен превышать возможную выгоду»¹.

Жизнеспособность предложенной логики рассуждений подтверждается и изменениями уголовно-процессуального законодательства, внесенными Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ², расширившими содержательную часть, инструментарий рассматриваемой задачи мерами по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий.

В связи с этим в ходе предварительного расследования необходимо выполнить комплекс мероприятий, обеспечивающих возмещение вреда, причиненного преступлением, других имущественных взысканий. Объединение указанных элементов в одну группу обуславливается их общими свойствами. Меры, обеспечивающие возмещение ущерба, другие имущественные взыскания, конфискацию имущества, представляют собой некоторую форму ответственности за совершенное преступление. Их общим предметом являются имущество, деньги, ценные бумаги. Средства, с помощью которых реализуются возмещение ущерба, имущественное взыскание и конфискация имущества, являются идентичными. Именно поэтому осуществление указанных мероприятий представляет собой единую по содержанию деятельность, восстанавливающую нарушенные отношения.

Основываясь на приведенных соображениях, выделим такую задачу предварительного расследования, как обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, штрафа, конфискации имущества, других имущественных взысканий.

¹ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 35.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8456.

Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких.

Выделение следующей задачи предварительного расследования в качестве самостоятельной связано с необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Состояние современной преступности характеризуется не только количественными показателями, но и повышением уровня ее качественной составляющей. Одним из элементов здесь является оказание интенсивного постпреступного противодействия. Анализ мнений следователей дает представление о масштабах явления. Утверждается, что при расследовании уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям угрожают примерно каждому пятому свидетелю¹. По данным В.В. Вандышева, противоправное воздействие осуществлялось в отношении 30% жертв преступлений². С учетом же того, что противоправное воздействие на участников процесса и их близких оказывается с каждым днем все интенсивнее и изощреннее, вплоть до физического устранения с привлечением наемных убийц³, в действительности этот процент может быть значительно выше. Мы вынуждены соглашаться с мнением, что «защита и обеспечение безопасности участников процесса превратились в глобальную проблему современности»⁴.

Обращаясь к положениям Конституции Российской Федерации, мы отмечаем, что человек является высшей ценностью; признание, соблюдение и защита его прав и свобод – обязанность государства; права и свободы человека и гражданина гарантируются и обеспечиваются государством, определяют смысл, содержание и применение законов, а также деятельность законодательной и исполнительной власти.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство впервые закрепило на национальном уровне обеспечение безопасности участников процесса и их близких в связи с производством по уголовному делу как одно из важных средств достижения назначения процессуальной деятельности по уголовным делам, как эффективное средство противодействия преступности и получения доказательственной информации о событии

¹ Куликов В., Минабутдинов С. Свидетели примеряют маски // Рос. газета. 2006. 20 января.

² Вандышев В.В. Воздействие на жертву преступления как средство побуждения ее к участию в противодействии расследованию // Человек против человека. СПб., 1994. С. 156.

³ Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 14.

⁴ Замылин Е.И. О пробелах УПК России в части обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвуз. научно-практ. конф. Омск, 2006. С. 208.

преступления. Безопасность участников уголовного процесса расценивается законодателем в качестве одной из составляющих охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве¹.

Без участия потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, способствующих расследованию, производство этого расследования затрудняется или вообще становится невозможным, поэтому уголовное судопроизводство заинтересовано в том, чтобы указанные лица добросовестно исполняли свой гражданский долг. Однако «нередко подозреваемые и обвиняемые, а также потерпевшие и свидетели под воздействием угроз или подкупа, физического насилия или под влиянием образного восприятия преступности как реальной угрозы для себя и своих близких уже на стадии предварительного расследования изменяют свои первоначальные показания»². Поэтому при вовлечении граждан в процесс содействия правосудию необходимо обеспечить отсутствие посягательств на них или их близких со стороны заинтересованных лиц. «Участие индивидуума ... в уголовном судопроизводстве не должно влечь снижение его безопасности»³.

Изложенное выше позволяет указать на существование конституционно-правовой и объективной предпосылок обеспечения безопасности участников уголовного процесса. В ходе предварительного расследования это установление имеет особое значение, предопределяющее постановку соответствующей задачи.

Безусловно, государственная защита участников уголовного процесса является по своему содержанию комплексной деятельностью, включающей в себя разнообразные средства и методы государственной защиты лиц, вовлеченных в сферу правосудия, тесно связанной с различными отраслями правоохранительной деятельности. Однако это не исключает, а, наоборот, предполагает главенствующую роль предварительного расследования в этом процессе.

В ходе досудебного производства происходит сбор основного объема доказательств. Изначально их формирование осуществляется в условиях дефицита доказательственной информации. Поэтому содействие граждан, располагающих требуемыми сведениями, особенно важно. Противостоящим фактором этому является воздействие на участников уголовного судопроизводства и их близких в целях заставить отказаться от намерения

¹ Епихин А.Ю. Указ. соч. С. 61.

² Зникин В. Проблемы объективизации и безопасности в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2005. № 3. С. 80.

³ Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001. С. 77.

содействовать правосудию, прекратить это содействие, а равно из мести за оказанное содействие¹.

Противоправное давление на участников процесса не только посягает на интересы правосудия по уголовным делам, но и причиняет существенный вред правам и законным интересам отдельных граждан. Как правило, результатом такого противодействия уголовному судопроизводству становится освобождение от уголовной ответственности и наказания виновного лица (лиц), гибель свидетелей, очевидцев совершенного преступления, причинение вреда жизни, здоровью, имущественного урона им и их близким².

В ходе предварительного расследования требуется обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства, выражающуюся в комплексе условий, обеспечивающих возможность реализации процессуальных прав и обязанностей свободно от противоправного или иного воздействия, оказываемого в целях воспрепятствования производства по уголовному делу³.

В установлении по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и их близких демонстрируется двуединая природа данной деятельности. Ее надлежащее осуществление способствует обеспечению и интересов доказывания, и защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства⁴. Несмотря на это, мы считаем, что обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких относится прежде всего к задачам предварительного расследования, обеспечивающим защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Данное отнесение обуславливается и конституционной установкой, и уголовно-процессуальными принципами. Нужно всегда помнить, что «свидетели, потерпевшие и другие участники уголовного процесса – это не только источник получения информации о событии преступления и личности обвиняемого, но и живые люди»⁵. Поэтому эта деятельность служит защите их прав и законных интересов.

¹ Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). С. 3.

² Епихин А.Ю. Указ. соч. С. 14.

³ Воронов Д.А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 8.

⁴ Этим подтверждается условность классификации задач предварительного расследования.

⁵ Юнусов А.А. Обережение участников уголовного процесса и их близких : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 17.

Необходимость применения мер безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников, близких лиц (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) имеет в процессуальном законе реализующие ее средства. Среди них: подписка о неразглашении данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161 УПК РФ); допрос потерпевшего и свидетеля под псевдонимом (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); неразглашение выявленных в ходе обыска обстоятельств частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личной и семейной тайны, а также обстоятельств частной жизни других лиц (ч. 7 ст. 182 УПК РФ); контроль и запись телефонных и иных переговоров потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц по их письменному заявлению или на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ); опознание в условиях, исключая визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193) УПК РФ, и др.

Приведенные в процессуальном законе Российской Федерации меры безопасности являются серьезным шагом в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. В то же время они не могут считаться исчерпывающими. Для обеспечения государственной защиты участников уголовного процесса правоохранительные органы должны использовать все уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, организационные и другие меры¹.

Так, в ходе расследования уголовного дела по обвинению группы лиц, входящих в преступную организацию, совершившую значительное количество тяжких и особо тяжких преступлений, возникла необходимость допроса ряда свидетелей. Однако последние, опасаясь за свою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье близких, отказывались давать показания, хотя обладали требуемой для следствия информацией. Типичного для подобных случаев способа обеспечения безопасности – допроса под псевдонимом, могло быть недостаточно. Поэтому использовался тактический прием двойного допроса. С целью обеспечения безопасности свидетелей и одновременной дезориентации обвиняемых по делу и их предста-

¹ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ; Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 630 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 45. Ст. 4708; Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 11. Ст. 1325; Об организации государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 20 марта 2008 г. № 256 // СПС КонсультантПлюс.

вителей в ходе предварительного следствия основные свидетели допрашивались дважды. Сначала под своими настоящими именами, где сообщили ничего не значащую для дела информацию, а затем под скрытыми данными, где дали интересующие следствие показания. Благодаря сочетанию процессуальных, организационных и других мер, принятых в ходе расследования, удалось обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства и их близких.

Надлежащее выполнение данной задачи позволит повысить эффективность участия граждан в расследовании преступлений, эффективность самого предварительного расследования, а в перспективе – действенной защиты прав и законных интересов человека и гражданина в Российской Федерации.

Обозначенные доводы подтверждают, что в ходе предварительного расследования следует выполнять задачу по обеспечению безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких.

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с правом внесения представления для их устранения.

Предварительное расследование, как мы упоминали ранее, не ограничивается установлениями, обеспечивающими предварительную правовую оценку деяния; защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Учитывая историческую обусловленность, сущность и значение института предварительного расследования, следует выделять профилактическую задачу досудебного производства.

Традиционно на предварительное расследование возлагается подобная задача (ее формулировка различается, однако идеи, положенные в основу выделения данной задачи как самостоятельной, схожи)¹. Вместе с тем неко-

¹ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. С. 38-48; Стрёмовский В.А. Сущность и участники предварительного следствия в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1967. С. 10-11; Перлов И.Д. Сущность, задачи и значение предварительного расследования // Советский уголовный процесс. Возбуждение и предварительное расследование. М., 1968. С. 23; Донцов А.М. Указ. соч. С. 96-100; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 67; Звирбуль А.К., Макушненко Л.П., Петренко В.М. Работа следователя МВД по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений. М., 1972. С. 3-4; Березин М.Н., Кулагин Н.И., Макушненко Л.П. Профилактическая работа следователя органов внутренних дел: учебное пособие. Волгоград, 1975. С. 3-4; Зарипов З.С. Профилактическая функция следственных подразделений органов внутренних дел. Ташкент, 1980. С. 4; Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. С. 3; Жуков А.М. Предупредительная деятельность следователя по уголовному делу. Саратов, 1990. С. 3; Власова Н.А., Данилова С.И. Установление и устранение причин и условий, способствовавших совершению преступления, в стадии предварительного расследования: методические рекомендации. М., 2002. С. 5; Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. М., 2004.

торые исследователи вообще не упоминают об обязанностях следователя по установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятию мер по их устранению, вопреки ч. 2 ст. 158 УПК РФ¹.

До принятия УПК РФ необходимость осуществления профилактической деятельности, прежде всего, связывалась с требованиями ст. 2 УПК РСФСР, где среди задач уголовного судопроизводства имелось указание на необходимость предупреждения и искоренения преступлений. В настоящее же время законодатель отказался от установления задач уголовного судопроизводства, в том числе и профилактической. «Создатели УПК РФ, – как отмечает И.И. Иванов, – существенным образом снизили предупредительный потенциал уголовно-процессуального законодательства ... и сознательно отказали большей части общества в создании действенного механизма профилактики преступлений уголовно-процессуальными средствами»². Тем не менее и современные ученые придерживаются мнения, что предупреждение остается объективно обусловленной потребностью общества и государства³.

Провозглашение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ), обязывает осуществлять соответствующую деятельность. Однако она не может заключаться только в ситуационном реагировании на факты уже состоявшихся преступлений. Логично, что важнейшей составной частью уголовно-процессуальной деятельности должно являться предотвращение совершения преступлений, посягающих на права, свободы и законные интересы лиц, организаций, общества и государства. Воздействие на обстоятельства, способствующие совершению преступлений, ликвидирует возможность их совершения в будущем.

Приведенные соображения позволяют говорить о том, что в «комплекс государственно-правовых мер, направленных на удержание граждан

С. 211; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2005. С. 372.

¹ Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России : монография. М., 2014.

² Иванов И.И. Оптимизация профилактической функции уголовного судопроизводства // Правосудие. 2001. № 6. С. 70.

³ Данилова С.И. Профилактическая деятельность следователя и дознавателя: монография. М., 2003. С. 21; Коваленко Л.В. К вопросу о понятии и значении воспитательно-профилактической деятельности следователя // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск, 2004. Вып. 11. С. 147; Самсонова О.А. Превенция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: пути совершенствования законодательства // Вестник Оренбург. ун-та. 2006. № 3(53). С. 154; Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 30.

от совершения преступлений»¹, в качестве составной части включается и профилактика, осуществляемая в ходе досудебного производства. Но предварительное расследование обладает особенностями, суть которых заключается в том, что данная деятельность связана с непосредственным исследованием преступлений. Разное понимание указанного свойства приводит к отличающимся мнениям в вопросе наличия и содержания предупредительной работы следователя.

Традиционная точка зрения предполагает включение в профилактику, осуществляемую в ходе предварительного расследования, общепревентивной и специально-профилактической деятельности². Последняя нашла законодательное закрепление в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, где определено, что обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, подлежат выявлению. В случае их установления в ходе досудебного производства следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Законодательная регламентация профилактического аспекта предварительного расследования исчерпывается указанными нормами. Таким образом, специально-профилактическая деятельность связывается законодателем только с выявлением обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятием мер по их устранению путем внесения представления.

Установление причин и условий преступления является процессуальным требованием, предъявляемым к предварительному расследованию. Однако следует помнить, что это требование выполняется путем осуществления деятельности, отличной по природе от иных видов деятельности досудебного производства.

Среди обстоятельств, подлежащих доказыванию, в отдельную группу выделены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, которые подлежат выявлению. Такое разграничение, по нашему мнению, абсолютно обоснованно.

В доказывании и выявлении имеются различия: доказать означает подтвердить какое-либо положение фактами или доводами; выявить – сделать явным, обнаружить, вскрыть³. В теории сложилось точка зрения, что доказывание заключается в сборе, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Указанное мнение законодательно закреплено в ст. 85 УПК РФ. Доказывание

¹ Марцев А.И. Общее предупреждение насильственных преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Красноярск, 2003. Ч. 1. С. 22.

² Березин М.Н., Кулагин Н.И., Макушненко Л.П. Указ. соч. С. 33; Зарипов З.С. Указ. соч. С. 7; Жуков А.М. Указ. соч. С. 13.

³ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 120, 166.

детально регламентировано уголовно-процессуальным законодательством, происходит в строгом соответствии с использованием указанных в законе средств, которые должны отвечать установленным требованиям. Анализ законодательства позволяет прийти к мнению, что к выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, не предъявляются требования, аналогичные предъявляемым к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. Это подтверждается фактом использования термина «выявление» и закреплением необходимости выявлять причины и условия в отдельной части статьи закона (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Указанное позволяет утверждать, что установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, возможно и непроцессуальным путем.

Аналогичное мнение высказывалось и ранее. Например, В.Г. Танасевич говорил, что некоторые обстоятельства, входящие в предмет доказывания, могут быть выявлены не путем доказывания в процессуальном смысле, а исходя из общеизвестности и очевидности, а также акта, имеющего преюдициальное значение. Это, по его мнению, относилось и к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления¹.

Очевидно, что выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, тесно связано с установлением обстоятельств, относящихся к составу преступления, входящих в предмет доказывания². Установление причин и условий, способствовавших совершению преступления, происходит, как правило, одновременно с доказыванием обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Например, при исследовании места совершения преступления могут быть выявлены обстоятельства, способствовавшие его совершению, например отсутствие уличного освещения, охранных устройств, ограждений и др. Собираение информации об этих обстоятельствах осуществляется путем производства следственных и процессуальных действий: осмотра места происшествия; допроса свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых; обыска; выемки; изучения справок, характеристик и др. Использование «готовых» выводов допускается в относительно небольших пределах и лишь постольку, поскольку эти выводы не противоречат доказательствам, собранным по делу³.

Итак, деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, отлична от иных видов следственной деятельности. Их различия заключаются в неодинаковом объеме, соотношении познавательной и удостоверительной деятельности, законодательной регламентации процедуры осуществления.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 147-148.

² Зуйков Г.Г. Выявление в процессе расследования причин и условий, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению. М., 1964. С. 11.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 153.

Этой же логикой, по нашему мнению, можно объяснить позицию, согласно которой выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, является обязанностью, а внесение представления – правом следователя (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Выявление причин и условий преступления в ходе расследования должно происходить в обязательном порядке, однако внесение акта реагирования (представления) зависит от конкретной ситуации по делу.

По сложившейся практике, от следователей требуется внесение представлений по всем уголовным делам, оконченным расследованием. Органы предварительного следствия, имеющие низкие показатели в профилактической сфере, отмечаются с негативной стороны¹. На территории Российской Федерации в 2017 г. доля представлений в числе оконченных уголовных дел составила 98,9%². Однако это вызывает сомнение в том, что в действительности по всем уголовным делам могут быть внесены представления. Даже лицам, не имеющим практического опыта в области уголовного судопроизводства, не затруднит представить себе преступление, в ходе расследования которого невозможно будет внести представление о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Анализ более 5000 представлений, вынесенных в течение 2006-2017 гг. следователями ГУ МВД России по Красноярскому краю, УМВД по Омской области, показал, что около 80% из них были адресованы различного рода руководству ОВД (чаще всего находящегося в том же административно-территориальном субъекте, где и органы предварительного следствия). Причем значительное число представлений выносились в тех случаях, когда, по указаниям респондентов, «нечего выявлять и указывать в представлении», «вносились, лишь бы внести», «для галочки».

Считаем недопустимым, когда отсутствует реальный анализ обстоятельств преступления, предложения по устранению причин и условий не носят целенаправленного характера, а в представлении используются общие фразы, лишённые конкретного содержания, например: «отсутствие должного учета», «ненадлежащее исполнение обязанностей», «ненадлежащий контроль за исполнением обязанностей подчиненными сотрудниками» и т. д. В связи с этим следует согласиться с мнением Ю.А. Иванова относительно того, что «постановка вопроса об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, в общей, неконкретной

¹ Напр.: О результатах работы органов предварительного следствия в 2004 году : аналитическая справка от 28 февраля 2005 г. № 17/1-2202. С. 12.

² О результатах работы органов предварительного следствия в системе МВД России в 2017 году : докладная записка. С. 9.

форме вряд ли приносит ощутимую пользу делу предупреждения преступлений»¹.

Выходом из указанной ситуации представляется ориентация на объективный подход, когда обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, действительно установлены и от следователя в безусловном порядке требуется принятие мер по их устранению путем внесения представления. Это будет способствовать устранению укоренившегося формализма при осуществлении профилактических задач, разрешаемых в ходе предварительного расследования.

Теоретики в области уголовного процесса ведут научный спор об уместности представления как документа, в котором перечислены обстоятельства преступления, причины и условия, способствовавшие его совершению. Например, Б.Т. Безлепкин утверждает, что «констатация органом расследования еще до судебного разбирательства обстоятельств самого преступления и обстоятельств, способствующих его совершению, особенно если эта констатация связана с выводом о виновности определенного лица, представляется преждевременной и не может порождать каких-то правоотношений с обязанностью организации или должностного лица прежде, чем факты удостоверены вступившим в законную силу судебным приговором»².

На наш взгляд, выводы органов предварительного расследования – это «предварительное мнение» об обстоятельствах совершения преступления, виновности лица, других данных, окончательное решение по которому, безусловно, принимает суд. Однако это не означает, что организации или должностные лица могут не выполнять обязательные для исполнения предписания органов расследования, пока приговор не вступит в законную силу. Иначе указанные органы не способны будут осуществлять возложенные на них задачи.

Иногда складываются условия, способствующие совершению преступления, достоверно установленные на первоначальном этапе расследования и не требующие длительного изучения. Например, слабая укрепленность, ненадлежащая охрана объекта, отсутствие заграждений, недостаточная освещенность улицы в ночное время и др. В таких случаях затягивание момента внесения представления, на наш взгляд, отрицательно влияет на результаты предупредительной деятельности, так как может способствовать совершению аналогичных преступлений.

С другой стороны, можно ли вообще требовать устранения способствовавших совершению преступления обстоятельств, выявленных в ходе

¹ Иванов Ю.А. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. М., 1967. С. 72.

² Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. С. 203.

досудебного производства? Причины и условия противоправного деяния во многих случаях совпадают с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания. Последние же будут достоверно установлены только после вынесения приговора. По нашему мнению, не является каким-либо нарушением указание обозначенных обстоятельств в представлении, в связи с тем, что требования к доказыванию и выявлению различны, деятельность органов расследования носит предварительный характер, при этом не исключается возможность обжалования представления. Аналогичные доводы можно использовать и при приведении контраргументов позиции, согласно которой представление ставит под сомнение надлежащее соблюдение принципа презумпции невиновности, что проявляется в указании на виновность конкретного лица в совершении преступления¹.

Выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, несомненно, достаточно сложная деятельность, расширяющая обязанности следователя при производстве предварительного следствия². Однако сложность выполнения не служит основанием для освобождения от нее. Важнейшей причиной, по которой именно следователь наделяется полномочиями по реагированию на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, является то, что он как руководитель расследования аккумулирует все собираемые сведения по делу, лучше всех владеет следственной ситуацией.

Не следует абсолютизировать профилактические меры, осуществляемые в ходе предварительного расследования. Недопустимо возлагать на этот вид специфической деятельности (коим является предварительное расследование) задачи, выходящие за рамки ее возможностей.

Как указывалось ранее, осуществляется и общепрофилактическая деятельность. Несмотря на то, что она не получила уголовно-процессуальной регламентации, выполнение мероприятий, ее составляющих, предписывается различными теоретическими и ведомственными рекомендациями³. Наиболее распространенными средствами ее реализации являются выступления, доклады, лекции в коллективах, учебных заведениях, публикации научных статей и в средствах массовой информации (СМИ). Несомненно, средства общей профилактики обладают рядом достоинств.

¹ Мативенко А.Е., Якубович И.М. Презумпция невиновности и представление следователя // Демократизм предварительного расследования : сб. науч. тр. Минск, 1990. С. 122-124; Марфицин П.Г. Общие условия производства предварительного расследования : учебно-практическое пособие. Омск, 1996. С. 50.

² Рохлин В. Следователь: положение и полномочия // Законность. 2005. № 10. С. 21.

³ Об опыте организации работы по взаимодействию со средствами массовой информации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2008. № 2(132). С. 26-31.

Прямой контакт с аудиторией несет в себе информационный, воспитательный, коммуникативный потенциал. Выступления, доклады, лекции в коллективах, учебных заведениях могут содействовать привлечению граждан к сообщению дополнительной информации о преступлении, иных фактах, необходимых для правоохранительных органов. Реализация профилактической деятельности через СМИ охватывает широкий круг аудитории. Это позволяет в короткие сроки осуществлять профилактическое воздействие на руководителей, должностных лиц, граждан.

Однако следователи, как правило, не обладают знаниями и навыками, позволяющими грамотно подготовить материалы для СМИ¹. Указанная проблема касается также иных публикаций и выступлений. Не каждый практический работник, по нашему мнению, способен преподнести факты для аудитории в той форме, которая привлечет внимание, заинтересует, окажет требуемое воздействие. Представляется обоснованным задействовать специалиста, например с филологическим, журналистским образованием, для написания публикаций, выступлений в СМИ. Безусловно, при этом должны быть соблюдены тайна предварительного расследования, отсутствие выводов о виновности или невиновности лиц в совершении преступления, разглашения методов и способов деятельности сотрудников правоохранительных органов и другие условия.

Необходимо помнить, что само расследование уголовных дел значительно отличается от познания криминогенных факторов, последнее входит в компетенцию криминологов. Так, В.Т. Томин считал, что следственная работа по характеру мышления отлична от познания криминогенных факторов, которое требует значительного абстрагирования². Поэтому обобщение следственной практики по результатам предварительного расследования, по нашему мнению, не следует возлагать на следователей. Этим специфическим видом деятельности должны заниматься специализированные подразделения.

Очередным доводом против возложения на следователей обязанности по проведению общепревентивной профилактики выступает временной фактор. Следует учитывать, что в современных условиях следователи работают при постоянно повышенной загруженности³. Подготовка, проведение выступлений, публикаций тратит их время, которое необходимо посвящать расследованию уголовных дел. Аналогичных суждений придерживаются и практические работники. В ходе интервьюирования более 75% следователей выразили мнение о нецелесообразности непосредственного взаимодействия со СМИ, подготовки публикаций, проведения выступле-

¹ Власова Н.А., Данилова С.И. Указ. соч. С. 11.

² Томин В.Т. Указ. соч. С. 51.

³ Цоколова О.И., Нагаев Е.А. О нагрузке на следователя // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. М., 2003. С. 19-22.

ний. Объясняется это острым дефицитом времени. Ими же было высказано предложение о возможности выполнения данного вида деятельности специально предназначенным сотрудником, например инспектором штаба ОВД по связям с общественностью, СМИ или инспектором аналитического отдела ОВД.

Необходимость экономии временных затрат в ходе расследования прослеживается и в ведомственных нормативно-правовых актах. Так, в п. 4.4 приказа МВД России от 9 января 2018 г. № 1 содержится требование рационально использовать служебное время следователей, исключив их привлечение к проверкам несения службы нарядами патрульно-постовой службы и соблюдения паспортного режима, патрулированию, рейдам, охране общественного порядка при проведении массовых (культурных, спортивных) мероприятий и выполнению других несвойственных функций, не связанных с исполнением уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, сосредоточив все силы и средства органов предварительного следствия на расследовании преступлений¹.

Вместе с тем если обозначенное положение приказа рассмотреть несколько под иным углом, то обнаружится и более весомая причина, по которой элементы общей профилактики не следует включать в задачу предварительного расследования. Речь идет о том, что данные мероприятия несвойственны непосредственному расследованию уголовного дела.

Говоря о предварительном расследовании, мы понимаем под ним уголовно-процессуальную деятельность, ограниченную рамками уголовного дела. Осуществление общепрофилактических мер искусственно расширяет сферу его активности, выходящую за пределы непосредственного расследования уголовного дела.

Приведенные соображения позволяют утверждать, что выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с правом внесения представления для их устранения следует возлагать на предварительное расследование в качестве задачи.

Завершая изложение, приведем результаты анкетирования практических сотрудников. Анализ анкет показал общую солидарность правоприменителей с обозначенными нами задачами предварительного расследования. Тем не менее несколько вариантов были предложены ими в качестве задач предварительного расследования самостоятельно. Например, за установление истины по уголовному делу высказались 15% из них; ограждение невиновного от привлечения к уголовной ответственности – 4%; реабилитацию лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, и обеспечение возмещения причиненного им ущерба – 2%; обеспечение исполнения приговора – 1%. Большая часть из них уже анализирова-

¹ Об органах предварительного следствия в системе МВД России : приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

лись нами на предмет возможного отнесения к задачам предварительного расследования. Мы не усмотрели в этих вариантах признаков таковых. Однако «обеспечения исполнения приговора» еще не касались.

С одной стороны, логично, что на досудебный этап возлагаются требования по обеспечению мероприятий последующего судебного производства. В то же время следует оговориться, что им надлежит быть достаточно определенными, а не представлять неконкретную форму.

Так, не вполне ясно, о какой сфере исполнения приговора идет речь: о возмещении вреда, причиненного преступлением; о воспрепятствовании возможности обвиняемого скрыться; о способствовании принятию справедливого судебного решения и др. Возникает вопрос и о том, какие именно меры требуется принять для того, чтобы достигнуть осуществления данного установления. В таковой формулировке не прослеживаются указанные признаки.

Напротив, в предложенных нами задачах предварительного расследования таковые элементы присутствуют. А надлежащее их выполнение закономерно приведет к обеспечению исполнения приговора во всех сферах. В связи с этим установление «обеспечение исполнения приговора» не рассматривается нами как задача предварительного расследования.

Рассмотренная группа задач, опосредованно обеспечивающих предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления, демонстрирует, что предварительное расследование преследует не только достижение интересов доказывания. Значительная доля усилий в ходе предварительного расследования расходуется на, казалось бы, противоестественную ему деятельность по защите, например, обвиняемых. Однако, как было продемонстрировано ранее, это не так. В связи с этим здесь уместно коснуться чрезмерно широкой трактовки принципа состязательности в отечественном уголовном судопроизводстве.

В настоящее время законодательно закреплено разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела; установлена равноправность перед судом сторон обвинения и защиты; суд выступает независимым органом, создающим необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ). Если бы приведенные положения относились лишь к судебному производству, нареканий и критики в адрес законодателя было бы значительно меньше. Однако, по мнению разработчиков закона, уголовное судопроизводство целиком осуществляется на основе состязательности (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 1 ст. 15, п. 56 ст. 5 УПК РФ).

Строгое следование идее состязательности дает основания предположить, что в ходе предварительного расследования следователь, являясь представителем стороны обвинения, собирает лишь доказательства, подтверждающие событие преступления, виновность лица в его совершении, характер и размер вреда, причиненного преступлением, отягчающие нака-

зание, осуществляя тем самым обвинительную деятельность. Ему противостоит сторона защиты в лице подозреваемого (обвиняемого), защитника, законного представителя и др., которые ведут свое «параллельное» расследование, собирая доказательства, подтверждающие невиновность в совершении преступления, исключают преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания, и др. Однако если вспомнить реальные задачи предварительного расследования, то мы приходим к выводу об отличии действительности от обозначенной теоретической модели.

Даже «если процесс объявлен состязательным, однако всей совокупности правил, присущей этой форме производства, нет, то такое положение дел есть не что иное, как декларация, фикция, обман»¹. Поэтому следует говорить о том, что наличие некоторых элементов состязательности не изменяет в целом сущность предварительного расследования. Это приводит и к выводу об искусственности данного принципа, равно как и к тому, что существовавший до УПК РФ тип уголовного процесса – смешанный – сохраняется и поныне.

Опасность насаждаемых в досудебное производство элементов состязательности таится в том, что они могут дезориентировать правоприменителей. «Обвинение никогда не может быть многосторонним, на то оно и обвинение, т. е. деятельность, направленная на доказывание вины подсудимого и необходимости его наказания»².

На практике некоторые участники процесса – и следователи, и прокуроры, – буквально толкуя положения состязательности, освобождают себя от объективного исследования обстоятельств дела³, полагая при этом, что они не должны, не имеют права собирать доказательства, оправдывающие обвиняемых, смягчающие их вину. Это глубочайшее заблуждение наносит непоправимый вред обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства⁴. Задачи предварительного расследования значительно шире, а обвинение лица в совершении преступления является лишь составной частью расследования преступлений. Процедура собирания доказательств по уголовному делу требует незаинтересованности, беспристрастности субъекта, который этим занимается, так как

¹ Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Рос. юстиция. 2003. № 8. С. 17.

² Савицкий В.М. Указ. соч. С. 294.

³ По данным НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ, при изучении дел со следственными ошибками в 82,4% случаев была установлена неполнота, односторонность и необъективность расследования (см.: Асанов В.Н., Асанов В.В. Решение прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением: лекция. М., 2002. С. 10).

⁴ Ефимичев П.С., Ефимичев С.П. Принцип состязательности и его реализация в уголовном судопроизводстве // Рос. следователь. 2005. № 1. С. 8.

уголовно-процессуальная деятельность должна быть направлена на исследование всех обстоятельств уголовного дела и поэтому не может быть ни обвинительной, ни оправдательной¹.

Разрешение указанной проблемы нам видится в ориентации следователей при осуществлении своей деятельности на задачи предварительного расследования. Это позволит им не только определять свою истинную роль в уголовном судопроизводстве, но и оказывать надлежащее содействие защите прав, свобод и интересов граждан путем расследования преступлений. В связи с этим целесообразно закрепить статью, определяющую задачи предварительного расследования, в главе 21 УПК РФ, озаглавив ее «Задачи и общие условия предварительного расследования».

Предложения, ранее высказывающиеся некоторыми процессуалистами относительно выделения следователя из главы «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения»², также могут привести большую ясность в определении роли должностных лиц органов предварительного расследования.

В заключение параграфа следует подвести итоги. В группу задач предварительного расследования, опосредованно обеспечивающих предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления, входят: принятие мер по обеспечению реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства, а также по исполнению ими обязанностей; обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, других имущественных взысканий, конфискации имущества; обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких; выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с правом внесения представления для их устранения; содействие привитию уважительного отношения к законам и неуклонного их исполнения гражданами.

Задача по принятию мер, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства, а также исполнение ими обязанностей, предполагает: разъяснение прав, порядка производства следственного, процессуального действия; предоставление возможности воспользоваться правом; непосредственную орга-

¹ Лившиц Ю.Д., Даровских С.М. Вопросы принципа состязательности в стадии предварительного расследования // Следователь. 2002. № 8. С. 14-15.

² Ревенко Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 8; Антонова Е.Е. Функциональная характеристика досудебного производства в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 97.

низацию реализации прав; защиту нарушенного права; содействие выполнению участниками своих обязанностей.

Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, штрафа, конфискации имущества, других имущественных взысканий заключается: в принятии мер по возмещению причиненного имущественного вреда; при невозможности восстановления того объема материальных благ, которым располагал потерпевший до преступления, – установление подлежащего конфискации имущества, наложение ареста на имущество; при установлении возможности применения мер по конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ либо возможности наказания в виде штрафа или других имущественных взысканий за совершенное преступление – установление подлежащего конфискации имущества, наложение ареста на имущество; обеспечение возмещения участникам уголовного судопроизводства затрат, связанных с производством расследования.

Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких подразумевает принятие мер по возможной реализации их процессуальных прав и обязанностей свободно от противоправного или иного воздействия, оказываемого в целях воспрепятствования по уголовному делу.

Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с правом внесения представления для их устранения предполагает: обязательность процесса установления причин и условий преступления в ходе расследования; реагирование посредством внесения представления в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела. Общепрофилактическая деятельность, обобщение следственной практики по результатам расследования преступления для доведения до сведения населения не должны включаться в данную задачу.

ГЛАВА III

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Исходя из общетеоретических основ уголовно-процессуальной деятельности, рассмотренных нами в первом параграфе первой главы и получивших подтверждение в последующих частях работы, напомним, что одним из основополагающих свойств категории «задача» является наличие условий ее возникновения и осуществления. Предшествующий материал исследования в основном был посвящен условиям возникновения, постановки, определения задач предварительного расследования. Однако возможность достижения задач предварительного расследования обуславливается не только ими. Большое значение имеют условия, при которых задачи приходится осуществлять, от них зависят не только эффективность реализации, но и сама ее возможность¹. В связи с этим для нашего исследования представляют интерес те условия уголовно-процессуальной деятельности, которые затрудняют процесс реализации задач предварительного расследования². Последующие параграфы посвящены проблемам реализации отдельных задач предварительного расследования, а также возможным путям преодоления ряда выявленных и препятствующих реализации задач условий. Предлагаемые варианты усовершенствования могут способствовать рационализации предварительного расследования и уголовного судопроизводства в целом.

§ 1. Обеспечение своевременного, всестороннего, полного и объективного исследования преступления путем принудительного получения биологических образцов для сравнительного исследования

Рассматривая задачу своевременного, всестороннего, полного и объективного исследования преступления, мы отмечали существование множества факторов, влияющих на ее осуществление, среди которых особое место занимают проблемы производства следственных действий. Обратим внимание на некоторые проблемные аспекты действующего закона и складывающейся правоприменительной практики, сказывающиеся негативным образом на реализации вышеуказанной задачи, на примере принудительно-

¹ Бахта А.С. Указ. соч. С. 13.

² Учитывая, что полновесное исследование факторов, оказывающих негативное влияние на потенциал задач предварительного расследования, в рамках этой работы сделать не представляется возможным, будут кратко рассмотрены только некоторые из них.

го получения образцов для сравнительного исследования, предложим пути совершенствования.

В ходе предварительного расследования нередко возникает потребность в получении образцов для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также у иных физических лиц в тех случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах (ч. 1 ст. 202 УПК РФ).

Для достижения указанной в ч. 1 ст. 202 УПК РФ цели определенная часть объектов могут быть получены путем производства обысков, выемок, осмотров, иных следственных и процессуальных действий. Для примера: при осмотре обнаружены предметы, представляющие собой большую партию товаров, хранение которых при уголовном деле затруднено; в ходе обыска обнаружена особо крупная партия наркотических средств. В приведенных случаях УПК РФ позволяет отобрать из большой партии объектов (предметов, средств, веществ, растений) штучный пример вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования, и приобщить его к материалам уголовного дела (пп. А п. 1 ч. 2 ст. 81, п. 3 ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Однако подобные объекты не являются образцами в смысле, придаваемом им ст. 202 УПК РФ, «т.к. не связаны с жизнедеятельностью человека и их получение не требует ограничения его личной неприкосновенности»¹.

Производство следственного действия, предусмотренного ст. 202 УПК РФ, предполагает получение образцов только у физических лиц: подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, иных физических лиц, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Представитель юридического лица также является физическим лицом, которое, как и вышеуказанные участники, может оставить следы в определенном месте или на вещественных доказательствах².

Приведенная логика рассуждения позволяет уточнить рассматриваемое понятие с процессуальной точки зрения. Образцы для сравнительного исследования, получаемые в порядке ст. 202 УПК РФ, – это объекты, отображающие свойства или особенности физического лица, необходимые эксперту для проведения сравнительного исследования, позволяющего проверить, оставлены ли следы в определенном месте или на вещественных доказательствах этим лицом.

В качестве объектов для сравнительного исследования в порядке ст. 202 УПК РФ могут быть получены образцы почерка, голоса, крови, во-

¹ Кальницкий В.В. Следственные действия по УПК РФ : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2003. С. 61.

² Участие этого лица будет подразумеваться в случаях, когда речь будет идти о физических лицах, если иное не будет оговорено особо.

лос, слюны, потожировых следов рук и другие. В рамках параграфа мы акцентируем внимание на образцах, получаемых от физических лиц в виде биологических объектов, поэтому последующее повествование будет вестись в этом контексте.

Удостоверившись в наличии фактического основания для проведения указанного следственного действия – наличие достаточных фактических данных, указывающих, что получение от физического лица образцов и последующее их сравнение путем экспертного исследования с имеющимися в деле объектами позволит проверить, оставлены ли следы в определенном месте или на вещественных доказательствах этим лицом – следователь выносит постановление о его производстве. Постановление объявляется лицу, у которого будут отбираться образцы, что оно удостоверяет своей подписью.

Обязанность предоставить образцы для сравнительного исследования прямо закреплена в УПК РФ у потерпевшего. Указанный участник не вправе уклоняться от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ). Более того, предусмотрена уголовная ответственность потерпевшего за уклонение от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (ст. 308 УК РФ). Однако это не значит, что другие участники освобождены от подобной обязанности.

Утверждение об обязанности предоставления образцов подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, иными физическими лицами основывается на конституционно значимых целях, закрепленных ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, общих положениях уголовно-процессуального закона (п. 1 ч. 1 ст. 6, ч. 4 ст. 21, п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), складывающейся следственно-судебной практике.

Так, Конституция РФ предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в конституционно значимых целях: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

УПК РФ, детализируя основной закон государства, определяет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, первоочередным пунктом назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), обязывает следователя осуществлять уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ), устанавливает обязательность исполнения их требований, поручений, запросов всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), уполномочивает самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных действий (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), в том числе о получении образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ).

Определение в законе лишь одного участника, обязанного предоставить образцы для сравнительного исследования, – потерпевшего следует рассматривать как недостаток законодательной регламентации, что не должно ставить остальных лиц в привилегированное положение и не может абсолютизировать их свободу в части предоставления образцов.

Обширный круг прав участников уголовного судопроизводства и не соотносящийся с ним круг обязанностей приводят отдельных из участников (чаще всего подозреваемых, обвиняемых, их защитников) к чрезмерно широкой и выгодной им трактовке отдельных прав, а порой и к различного рода злоупотреблениям с их стороны. Так, предпринимаются попытки истолкования права лица не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, закрепленного ст. 51 Конституции РФ, как не позволяющего получать образцы¹. Однако решение лица не свидетельствовать против себя самого не препятствует получению от него образцов для сравнительного исследования. Производство следственного действия, предусмотренного ст. 202 УПК РФ, с целью получения биологических образцов не может быть расценено как недопустимое ограничение гарантированного ст. 51 Конституции РФ права, поскольку их получение предполагает достижение конституционно значимых целей, закрепленных в Конституции РФ (ст. 55)².

Исходя из приведенных положений заключим следующее. Следовательно, приняв к своему производству уголовное дело (осуществляя проверку сообщения о преступлении), в соответствии с предоставленными ст. 21, 38, 202 УПК РФ полномочиями на основании вынесенного постановления и в рамках проводимого следственного действия наделяется законным правом требовать от подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, иных физических лиц предоставления образцов для сравнительного исследования. Соответственно, постановление следователя о проведении следственного действия в виде получения образцов для сравнительного исследования является обязательным для лица, у которого будут отбираться биологические образцы.

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 47 судебного района города Кургана Курганской области от 7 мая 2014 г. по делу № 5-426/2014. URL: <http://www.gcourts.ru/case/21969198>.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколова В.И. на нарушение его конституционных прав ст. 202 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1298-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой В.Б. на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 21, ст. 86, 87 и 89 УПК РФ, ст. 2, 6 и 12 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О; Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности п. 2 ч. 4 ст. 46 и п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2004 г. № 448-О // СПС КонсультантПлюс.

В связи с этим было бы вполне уместным внести изменения в ч. 3 ст. 202 УПК РФ, дополнив первое предложение указанной нормы словами «обязательное для лица, у которого должны быть получены образцы для сравнительного исследования».

Умышленное невыполнение законного требования следователя о предоставлении образцов сравнительного исследования, предъявленного в рамках реализации его процессуальных полномочий при производстве по уголовному делу (проверке сообщения о преступлении), образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ. Однако привлечение к административной ответственности за указанное деяние не является целью при расследовании преступлений, более важным является фактическое получение образцов для сравнительного исследования. Поэтому в случае отказа от добровольного предоставления образцов сначала необходимо рассмотреть возможность их принудительного получения, в том числе с использованием физического (силового) принуждения, а уже после – рассмотреть вопрос привлечения к административной ответственности за административное правонарушение, предусмотренное ст. 17.7 КоАП РФ.

В целом указанная точка зрения разделяется многими учеными-процессуалистами и исходит из характеризующих следственные действия признаков: возможность ограничения прав граждан для достижения конституционно значимых целей, а также допустимость применения принуждения при производстве следственных действий¹.

Принудительное получение образцов разрешается не только в теории, но и вытекает из отдельных положений закона, допускающих ограничение прав граждан на личную неприкосновенность в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (подвергнуты анализу ранее по тексту).

Кроме того, позиция, позволяющая получение образцов с применением мер принуждения, разделяется Европейским судом по правам человека, Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации, системой судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Европейский суд в своих решениях неоднократно указывал на то, что биологические материалы у обвиняемого могут быть получены принуди-

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара, 2004. С. 28; Быков В.М., Ткачева Н.В. Принуждение при производстве следственных действий // Право и политика. 2005. № 5. С. 137; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред.: В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 138; Кальницкий В.В., Ларин Е.Г. Следственные действия. С. 114.

тельным путем¹. Свой вывод суд логично и справедливо обосновывает временным фактором, влияющим на хрупкие и непрочные по своей природе биологические следы, которые могут быть утеряны при несвоевременном исследовании, что влечет необходимость срочного и результативного сбора биологических образцов, не ставящегося в зависимость от воли подозреваемого.

Более того, Европейский суд, анализируя соответствие действий правоохранительных органов Конвенции о защите прав человека и основных свобод², подчеркивал: «Конвенция в принципе не запрещает использования принудительного медицинского вмешательства, которое способствует расследованию правонарушения»³, «Статьи 3 и 8 Конвенции не запрещают использование медицинской процедуры против воли подозреваемого для получения от него данных о причастности к преступлению»⁴.

Суды Российской Федерации в своих решениях придерживаются указанной европейской практики. Так, возможность получения образцов для сравнительного исследования с применением мер принуждения, связанных с ограничением права граждан на личную неприкосновенность, подчеркивает Конституционный суд, допускается при обеспечении обоснованности и соразмерности ограничений указанного права⁵. Разделяя данный вывод, Верховный Суд РФ определил, что ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей⁶.

Вместе с тем определенную сложность представляет разграничение допустимого и недопустимого принуждения при получении образцов для

¹ Дело «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства» (жалоба № 19187/91 : постановление Европейского суда по правам человека от 17 декабря 1996 г.; Дело «Салихов (Salikhov) против Российской Федерации» (жалоба № 23880/05) : постановление Европейского суда по правам человека от 3 мая 2012 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) // СПС КонсультантПлюс.

³ Дело «Яллох (Jalloh) против Германии» (жалоба № 54810/00) : постановление Европейского суда по правам человека от 11 июля 2006 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Дело «Салихов (Salikhov) против Российской Федерации» (жалоба № 23880/05).

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соколюка В.И. на нарушение его конституционных прав ст. 202 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1298-О.

⁶ Верховный Суд РФ сформулировал свою позицию относительно мер пресечения, применимую в то же время в рассматриваемом нами аспекте. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС КонсультантПлюс.

сравнительного исследования. Например, не исключена ситуация, когда предпринятые стороной обвинения меры могут быть расценены стороной защиты как унижающие честь и достоинство подозреваемого.

Бесспорно, при получении образцов недопустимо применение методов, унижающих честь и достоинство человека, опасных для его здоровья и жизни, угроз, насилия, жестокого обращения, пыток (ч. 2 ст. 9, ч. 4 ст. 164, ч. 2 ст. 202 УПК РФ). Однако четко установленных критериев допустимости принуждения в законе не имеется. Обобщение предыдущих доводов и дополнительный анализ следственно-судебной практики позволяют вычленить ряд важнейших положений, которые могут выступить правовыми предпосылками определения критериев допустимости принудительного получения образцов для сравнительного исследования.

Приведем перечень выявленных положений с краткими пояснениями по отдельным из них, выделив две группы требований: общие и специальные требования для принудительного получения биологических объектов от физических лиц в качестве образцов для сравнительного исследования.

Общие требования для принудительного получения биологических объектов от физических лиц в качестве образцов для сравнительного исследования представляют собой адаптированные под получение образцов для сравнительного исследования условия, общие правила производства следственных действий. Эти общие требования, в свою очередь, целесообразно подразделять на две подгруппы: до непосредственного получения образцов и после непосредственного получения образцов.

Общие требования при принудительном получении биологических объектов от физических лиц в качестве образцов для сравнительного исследования (до непосредственного получения образцов):

- наличие фактического основания для проведения следственного действия;
- порядок принятия решения о получении образцов для сравнительного исследования: вынесение законного, обоснованного, мотивированного постановления лицом, принявшим уголовное дело к своему производству (производящим проверку сообщения о преступлении);
- подготовительные мероприятия к проведению следственного действия: определение даты, времени и места производства, оповещение участников и создание условий для их явки (лицо, у которого необходимо получить образцы, защитник (адвокат), специалист (врач), сотрудники органа дознания для оказания содействия при производстве следственного действия);
- порядок производства следственного действия: удостоверение в личности прибывших, ознакомление участвующих лиц с постановлением о получении образцов для сравнительного исследования, разъяснение им прав, обязанностей, ответственности, а также порядка производства следственного действия, предупреждение о применении технических средств,

Специальные требования при принудительном получении биологических объектов от физических лиц в качестве образцов для сравнительного исследования:

- предложение лицу, у которого необходимо получить образцы для сравнительного исследования, добровольно их представить. Разъяснение, что невыполнение предъявленных требований образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ, в случае отказа от дачи образцов добровольно они будут получены принудительным путем с использованием безопасных методов;

- при отказе лица от добровольного предоставления образцов фиксация данного отказа в протоколе следственного действия;

- отсутствие альтернативных методов получения образцов, т.е. исчерпаны иные (не связанные с принуждением) возможности получения образцов в рамках данного следственного действия;

- принудительное получение образцов не преследует цель унижения человека, умаления его воли, не пытается тем самым его подчинить;

- применение принудительного вмешательства для получения образцов основано на фактах конкретного дела, в том числе свидетельствующих о необходимости безотлагательного получения образцов. Требуется удостовериться, что только своевременное принудительное получение от физического лица образцов позволит в последующем осуществить их сравнение путем экспертного исследования с имеющимися в деле объектами и проверить, оставлены ли следы в определенном месте или на вещественных доказательствах этим лицом;

- отсутствие угрозы длительного вреда здоровью (последствий для здоровья) в результате принудительного получения образцов;

- минимальный уровень суровости. При получении образцов лицо, у которого они отбираются, не должно испытывать сильную физическую боль или страдание. Применяемое принуждение, сопряженное с использованием физического (силового) воздействия, должно учитывать специфику получения требуемого биологического объекта, а также быть пропорциональным и соразмерным оказываемому противодействию, в том числе физическому сопротивлению лица, и вместе с тем – стремиться к минимизации ущерба для лица, у которого получают биологические объекты;

- производство принудительного получения образцов, связанного с ограничением права на неприкосновенность личности (с применением медицинского вмешательства), с участием специалиста в соответствующей области (например, эксперт-криминалист, имеющий допуск к производству биологических экспертиз) или врача; непосредственное изъятие – силами указанных лиц с обеспечением постоянного наблюдения специалиста (медицинского работника);

– отражение в протоколе всех предпринятых мер, в том числе принудительного характера, в той последовательности, в которой они осуществлялись, с достаточным уровнем детализации описания принятых мер;

Общие требования при принудительном получении биологических объектов от физических лиц в качестве образцов для сравнительного исследования (после непосредственного получения образцов):

– упаковка полученных объектов в соответствии с предъявляемыми требованиями;

– разъяснение права участников, законные интересы которых были ограничены принудительным получением образцов для сравнительного исследования, на обжалование и проверку действий следователя, в том числе в судебном порядке;

– фиксация в протоколе заявлений, поступивших от участвующих лиц перед, в ходе либо по окончании следственного действия, предоставление возможности участникам следственного действия ознакомиться с протоколом лично (прочитать им протокол вслух), высказать замечания о его дополнении, уточнения, при их наличии – внести в протокол, удостоверить протокол путем его подписания (удостоверить факт отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия).

Судебный контроль за производством данного следственного действия чаще всего инициируется подозреваемым, его защитником, но право на судебную защиту предоставляется и заинтересованным лицам, ставящим под сомнение законность, обоснованность решения и соблюдения порядка производства принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Однако судебное обжалование не влечет «автоматического» признания принудительного получения образцов незаконным. Существует достаточное количество примеров, когда жалоба оставляется без удовлетворения, а действия по принудительному получению биологических образцов признаются законными, обоснованными и соразмерными. Приведем несколько примеров.

При осмотре места происшествия по факту разбойного нападения были обнаружены и изъяты следы крови, предположительно оставленные подозреваемым П. Последний от добровольной дачи образцов для сравнительного исследования отказался. Проведено принудительное изъятие образцов слюны. В дальнейшем назначена судебная биологическая экспертиза, в результате проведения которой подтверждено происхождение крови, обнаруженной на месте происшествия, от подозреваемого П. Полученные доказательства положены в основу обвинения. Обвиняемым П. подана жалоба о незаконности принудительного получения биологических образцов, недопустимости доказательств. Октябрьский районный суд г. Белгорода, как и согласившаяся с ним Судебная коллегия по уголовным делам Белго-

родского областного суда, подчеркнули правомерность принудительного получения биологических образцов у подозреваемого при его отказе делать это добровольно. Кроме того, Судебная коллегия отметила, что целью следственного действия был сбор биологических образцов, которые впоследствии были проверены на совпадение ДНК со следами крови, изъятыми с места происшествия. Обратила внимание, что подобные следы по своей природе хрупкие и непрочные, поэтому существенным являлся фактор времени, необходимо было срочно получить образцы. Указала, что УПК РФ не ставит сбор биологических образцов в зависимость от воли подозреваемого и не запрещает следственным органам применение принудительных мер в случае отказа подозреваемого от сотрудничества. Вследствие этого был сделан вывод, что принудительное вмешательство не было неправомерным и применение физической силы являлось необходимым для получения доказательств. При таких обстоятельствах проведенное следственное действие, сопряженное с принудительным изъятием, без угрозы ущерба здоровью и действий, исключающих его унижение и умаляющих его честь и достоинство, суд признал законным¹.

Другой пример, наглядно подчеркивающий важность соблюдения процессуального порядка получения образцов, в том числе связанного с применением принуждения. При производстве по уголовному делу по факту покушения на тайное хищение имущества следователем было вынесено постановление о получении у обвиняемого Ш. образцов крови. От добровольного предоставления образцов он отказался, образцы крови были получены принудительно. Обвиняемый Ш. обратился с жалобой на действия следователя в Лысьвенский городской суд Пермского края, а после отказа в удовлетворении жалобы – с кассационной жалобой на постановление Лысьвенского городского суда в Пермский краевой суд. Судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда при рассмотрении жалобы определила следующее. Исходя из представленных материалов постановление о получении образцов крови у обвиняемого Ш. было принято в рамках возбужденного уголовного дела правомочным на то должностным лицом. Для производства указанного следственного действия имелось фактическое основание (среди прочих сведений, имели место данные, подтверждающие обнаружение на месте совершения преступления фонарика, не принадлежащего потерпевшим). О получении образцов для сравнительного исследования следователем было вынесено соответствующее постановление, отказ обвиняемого от подписания которого был надлежащим образом зафиксирован. Следователь не препятствовал защитнику в участии в следственном действии, известил его, однако адвокат сам

¹Апелляционное определение Белгородского областного суда от 22 октября 2014 г. по делу № 22-1812/2014. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/68683985/80046667>.

отказался в нем участвовать по причине отказа обвиняемого от добровольного предоставления образцов крови. По результатам производства отбора специалистом образцов крови у обвиняемого в присутствии понятых был составлен соответствующий протокол, каких-либо замечаний от участников при проведении следственного действия, в том числе в части причинения к обвиняемому телесных повреждений, не поступило. Применения при изъятии образцов для сравнительного исследования методов, опасных для жизни и здоровья или унижающих честь и достоинство обвиняемого Ш., не установлено. В связи с активным сопротивлением обвиняемого к нему было применено адекватное физическое воздействие, необходимое для получения образцов крови. С учетом указанных обстоятельств суд пришел к обоснованному выводу о том, что действия следователя соответствовали требованиям уголовно-процессуального закона¹.

Таким образом, возможность принудительного получения биологических образцов для сравнительного исследования подтверждается как теоретическими положениями, отдельными нормами законов и их системным толкованием, так и складывающейся следственной и судебной практикой. Соблюдение вычлененных требований при принудительном получении образцов для сравнительного исследования позволит получить их законными, обоснованными, пропорциональными и соразмерными мерами, исключая унижение чести и достоинства лица, без угрозы ущерба их жизни и здоровью.

Несмотря на имеющуюся возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования, следователи при отказе лица от их добровольного предоставления в редких случаях прибегают к использованию принуждения. Применяются, как правило, иные способы получения биологических объектов, позволяющие в дальнейшем провести сравнительное исследование. Так, определенная часть объектов (свободные и условно-свободные биологические объекты – производные от физических лиц) могут быть получены обыском, выемкой, иными следственными и процессуальными действиями. Например, при прогнозируемом отказе от добровольного предоставления участником следственного действия образцов для сравнительного исследования и при наличии сведений о сдаче этим лицом крови на анализ не исключено получение данного объекта выемкой из медицинского учреждения. Однако подобный вариант усложняется как временным фактором, влияющим на физическую сохранность объекта и возможность его получения, так и редкостью подобных ситуаций.

Другим распространенным способом получения от физических лиц биологических объектов при отказе (в том числе прогнозируемом) последних от добровольного их предоставления является их получение посред-

¹ Кассационное определение Пермского краевого суда от 7 июля 2011 г. по делу № 22-4856 // СПС КонсультантПлюс.

ством оперативно-розыскной деятельности. Следовательно, руководствуясь п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, поручает органу дознания проведение оперативно-розыскных мероприятий для получения биологических объектов с целью дальнейшего сравнительного исследования.

До 2008 г. вышеуказанный вариант получения биологических объектов был довольно распространенным. Однако после того как был сформулирован тезис о невозможности подмены процессуального действия оперативно-розыскным мероприятием, распространенность случаев получения объектов биологического происхождения от физических лиц посредством оперативно-розыскной деятельности в правоприменительной практике стала уменьшаться.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 УПК РФ, установлена специальная процедура¹.

Такая специальная процедура, регламентированная УПК РФ, предусматривает производство следственного действия с учетом особенностей правового положения обвиняемого, устанавливающего дополнительные гарантии защиты его прав и законных интересов, в то время как осуществление оперативно-розыскного мероприятия взамен следственного действия предполагает, что образцы голоса получают скрытно от обвиняемого, без разъяснения процессуальных прав, в отсутствие его защитника и т.д. Подобная замена была расценена как нарушение прав и умаление достоинства личности. Последствия для правоприменительной деятельности выразились в том, что образцы, полученные подобным образом, а также производные от них протоколы следственных действий и другие доказательства стали признаваться полученными с нарушением закона, не имеющими юридической силы и недопустимыми для использования в доказывании.

Так, Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики за 2009 г. привел пример обоснованного исключения судом из числа доказательств нескольких заключений фоноскопических экспертиз. Суд расценил как не выполненные надлежащим образом органами предварительного следствия требования ст. 202 УПК РФ в части получения образцов голосов обвиняемых для проведения сравнительного исследования. В частности, образцы голосов обвиняемых были получены скрытно от них, в отсутствие их защитников, без разъяснения им процессуальных прав, результаты прове-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Д.Ю. на нарушение его конституционных прав ч. 4 ст. 21, ст. 84, 86 и 89 УПК РФ и ст. 2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О // СПС КонсультантПлюс.

денных записей бесед с обвиняемыми были сразу же переданы для производства фоноскопических экспертиз, что противоречило положениям ст. 47, 166 УПК РФ¹.

Несмотря на то, что приведенные положения касались лишь образцов голоса, часть практических сотрудников, «перестраховавшись», отошли от практики получения биологических образцов посредством оперативно-розыскной деятельности, часть – видоизменили ее следующим образом. Получив отказ подозреваемого от добровольного предоставления образцов для сравнительного исследования, следователь отбирает у него заявление, в котором фиксирует факт отказа. После этого направляет органу дознания поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий, по результату проведения которых просит предоставить биологические образцы подозреваемого для последующего назначения и проведения экспертизы.

Подобный алгоритм действий не противоречит вышеуказанным позициям Конституционного и Верховного судов РФ, с точки зрения правоприменителей². Логика рассуждений последних заключается в следующем: следователь не смог провести следственное действие ввиду отказа подозреваемого от добровольного предоставления образцов, а это исключило их получение в рамках специальной процедуры, предусмотренной ст. 202 УПК РФ. Обозначенный алгоритм, по мнению интервьюированных следователей, обеспечивает отсутствие подмены следственного действия негласным оперативно-розыскным мероприятием.

Позиция Конституционного Суда РФ о применении возможностей оперативно-розыскной деятельности при получении образцов для сравнительного исследования, скорректированная им в определении от 28 сентября 2017 г. № 2211-О, может отчасти подтверждать правильность вышеприведенной логики правоприменителей. Так, Конституционный Суд РФ отметил возможность использования иных (не уголовно-процессуальных) процедур, предусмотренных действующим законодательством и не противоречащих требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, при получении образцов для сравнительного исследования. При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что проведение оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя не противопоставляется следственным и процессуальным действиям, а согласуется с ними; отвечает как назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), так и достиже-

¹ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2009 г. : утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10 марта 2010 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Результаты интервьюирования более 100 следователей и руководителей следственных органов разных уровней МВД России по Красноярскому, Приморскому краям, Омской, Томской областям, республикам Тыва и Хакасия.

нию целей, в которых осуществляется оперативно-розыскная деятельность (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»)¹.

Вместе с тем вышеприведенный алгоритм, позволяющий, по мнению правоприменителей, широко распространить практику замены следственного действия в целях получения биологических объектов проведением оперативно-розыскного мероприятия, вызывает нарекания по отдельным аспектам.

Во-первых, подобное негласное получение образцов для сравнительного исследования исключает присутствие защитника, разъяснение подозреваемому его прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ и т.д. Наличие заявления подозреваемого об отказе добровольного предоставления образцов ситуацию в обозначенном аспекте принципиально не меняет.

Во-вторых, подобный вариант действий исключает возможную уголовно-процессуальную альтернативу при отказе от добровольного предоставления образцов – их принудительное получение. При принудительном получении, в отличие от негласного получения, действия следователя, несмотря на ограничение права на неприкосновенность личности, имеют существенное достоинство – открытый характер по отношению к подозреваемому, предоставляя последнему дополнительные гарантии и возможность реализации его права на защиту.

В-третьих, Конституционный Суд РФ скорректировал свою позицию исключительно к такому объекту, как образцы голоса, которые в силу их специфичности не могут быть получены принудительным путем (в отличие от биологических объектов, получаемых от человека). Эта особенность была особо подчеркнута Конституционным Судом РФ в определении от 28 сентября 2017 г. № 2211-О. Таким образом, распространять данное исключение на получение биологических объектов недопустимо.

Поэтому следует заключить, что в каждом случае отказа подозреваемого от добровольного предоставления им биологических образцов для сравнительного исследования следователю необходимо в первую очередь рассмотреть возможность принудительного их получения в порядке ст. 202 УПК РФ, ориентируясь при этом на обоснованность и соразмерность ограничения конституционных прав личности. В случае невозможности принудительного получения объектов (например, при вероятности причинения вреда здоровью лицу при отбирании у него биологических образцов) необходимо отказаться от производства следственного действия в пользу оперативно-розыскного мероприятия. При этом для исключения претензий со стороны защиты, прокуратуры и суда о подмене следственного дей-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой В.Б. на нарушение ее конституционных прав ч. 4 ст. 21, ст. 86, 87 и 89 УПК РФ, ст. 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2211-О // СПС КонсультантПлюс.

ствия оперативно-розыскным мероприятием следователю, прежде чем прибегать к использованию оперативно-розыскной процедуры, целесообразно в письменном виде обосновать свое решение в постановлении о не проведении следственного действия в виде получения образцов для сравнительного исследования, а после – подготовить поручение о проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

§ 2. Обеспечение участия обвиняемого в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу путем избрания меры пресечения в виде заключения под стражу

Как подчеркивалось ранее, реализация задач досудебного производства во многом зависит от инструментария, которым располагает следователь при производстве по уголовному делу. Недооценка и неиспользование средств реализации задач предварительного расследования могут привести к невозможности надлежащего их осуществления. Рассмотрим ряд аспектов, касающихся обеспечения участия обвиняемого в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу посредством избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

При разработке правовых норм, регламентирующих основания избрания мер пресечения, законодатель, учитывая превентивный характер мер пресечения, использовал юридическую конструкцию, подчеркнув, что вывод о ненадлежащем поведении уголовно-преследуемого лица может быть вероятностным (ст. 97 УПК РФ). Вместе с тем в приведенной норме, как и в ряде других положений УПК РФ, фигурирует требование достаточности фактических обстоятельств, с учетом которого делается вывод о наличии (отсутствии) основания для избрания меры пресечения. Как итог, подтверждение основания для избрания меры пресечения не ставится в прямую зависимость от уголовно-процессуального нарушения, процессуального статуса и других подобных обстоятельств, а в первую очередь обуславливается выводом о возможности ненадлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), произведенным на основании оценки с позиций закона, совести, здравого смысла и достаточных для этого сведений¹. К сожалению, несмотря на выявляемые при системном толковании возможности, заложенные в закон, отдельные примеры следственной и судебной практики, а также предложения ученых процессуалистов, складывающаяся практика по большей части продолжает оставаться консервативной

¹ Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность применения меры пресечения в виде заключения под стражу : учебное пособие. Красноярск, 2014. С. 55-56.

и не всегда способной соразмерно и эффективно реагировать на противодействие со стороны современной преступности.

С учетом усредненного показателя удовлетворения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на уровне 90%¹ может быть сделан вывод об удовлетворительном положении следственно-судебной практики в данном направлении.

Однако следует учитывать, что число указанных ходатайств, рассмотренных в судах, в последнее время неуклонно снижается (2017 г. – 126383, 2016 г. – 136580, 2015 г. – 154066). Кроме того, за цифрами статистики остаются условия, в которых правоприменителям приходится подтверждать наличие конкретных фактов, свидетельствующих о возможности ненадлежащего поведения лица. И если установление типичных данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в виде внезапного приобретения билетов для отъезда, а также совершение иных схожих действий, свидетельствующих о намерении скрыться, ликвидации социальной и экономической привязанностей, не составляет затруднений, то в отдельных ситуациях подобные данные в распоряжении следователя могут отсутствовать.

Такое отсутствие сведений характерно в первую очередь для начального этапа производства по делу, отличающегося от последующих, как правило, острым дефицитом информации. Кроме того, дополнительным фактором, влияющим на отсутствие требуемой информации, могут являться особенности лица, в отношении которого предполагается решение вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, лица с криминальным опытом, ранее находившиеся под стражей, отбывавшие наказание, связанное с лишением свободы, неоднократно судимые, участники организованных преступных формирований, в том числе террористической и экстремистской направленности и т.д., как правило, не только не демонстрируют соответствующих действий, но и скрывают свои намерения по ненадлежащему поведению. При этом производство может идти о преступных деяниях, относящихся к умышленным тяжким и особо тяжким категориям преступлений.

В обозначенной ситуации представляется целесообразным использование сведений о тяжести совершенного преступления (предопределяемых характером и степенью общественной опасности, фактическими обстоятельствами совершения деяния) на начальном этапе производства по делу при оценке вероятности наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. А именно данные о тяжести преступления, вменяемого в вину лицу, и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут выступать в качестве един-

¹ Сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru>.

ственных и достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования.

В системе оснований, условий, обстоятельств, определяющих возможность и необходимость избрания и применения мер пресечения, присутствует тяжесть преступления. Указанная правовая категория, согласно ст. 99 УПК РФ, относится к обстоятельствам, учитываемым при избрании и применении мер пресечения, но не является основанием для избрания этой меры (ст. 97 УПК РФ).

Обобщение практики избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, результаты анкетирования, интервьюирования следователей показывают, что нередко тяжесть совершенного преступления сама по себе преподносится в качестве основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом конкретные данные, подтверждающие наличие оснований, остаются неустановленными в достаточной мере.

Указанный подход приводит правоприменителей к отождествлению оснований, условий и обстоятельств избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Итогом является подмена требований, определенных законом (например, оснований для избрания меры пресечения – обстоятельствами, которые необходимо учитывать при избрании меры пресечения), в результате чего в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу закономерно отказывают.

Так, Никулинский районный суд г. Москвы отказал в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Принимая решение об отказе, суд указал, что в постановлении следователя не содержится ссылок на какие-либо фактические данные, дающие основания полагать, что, находясь на свободе, Б. может скрыться от следствия и суда либо иным образом воспрепятствовать производству по уголовному делу. Сама по себе тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется Б., не является основанием для избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Решение суда первой инстанции судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда оставила без изменения¹.

Вместе с тем тяжесть преступления, вменяемого в вину лицу, в отношении которого решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, может выступать не только в качестве одного из обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (ст. 99 УПК РФ). Однако, прежде чем переходить к обоснованию заявленного тезиса, следует обозначить ряд отправных точек.

¹ Кассационное определение Московского городского суда от 11 октября 2010 г. по делу № 22-13322 // СПС КонсультантПлюс.

Действующее законодательство не разъясняет, что понимается под основаниями, условиями и другими требованиями, определяющими возможность избрания и применения мер пресечения. Не приводя разнообразные позиции по этому вопросу, полагаем возможным кратко сформулировать свою точку зрения.

В систему правовых предпосылок для решения вопроса об избрании и применении меры пресечения входят: условия, основания, обстоятельства, учитываемые при избрании (применении) меры пресечения, условия избрания (применения) конкретной меры пресечения.

Приведенные элементы системы правовых предпосылок избрания и применения мер пресечения и учет правоприменительной практики позволяют обозначить типичный алгоритм, характерный для решения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, который может заключаться в следующем.

Оценив наличие:

1) условий (законность и обоснованность возбуждения уголовного дела, принятие следователем уголовного дела к своему производству, обоснованность обвинения (подозрения), обусловленного достаточностью данных о причастности лица к совершенному преступлению, выразившееся в том числе в процессуальном акте, повлекшем возникновение соответствующего процессуального статуса);

2) оснований (например, наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, подтвержденных конкретными, фактическими обстоятельствами, такими как внезапное приобретение билетов для отъезда, высказывание намерений скрыться, совершение иных подобных действий);

3) обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения (личность обвиняемого (подозреваемого), характер и степень общественной опасности содеянного, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие);

4) условий избрания конкретной меры пресечения – заключения под стражу (санкция за преступление, в котором обвиняется (подозревается) лицо, предусматривающая наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет; невозможность избрания другой, более мягкой меры пресечения),

следователь может возбудить ходатайство перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд – принять решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство довольно подробно определяет систему оснований, условий, обстоятельств избрания и применения мер пресечения, существующая регламентация и основывающиеся на ней подходы охватывают далеко не все возможные ситуации, складывающиеся в правоприменительной деятельности.

Представим, что на начальном этапе расследования тяжкого или особо тяжкого преступления установлено лицо, обоснованно подозреваемое в его совершении. При этом данное лицо еще не только не скрылось, но и не было зафиксировано попыток совершения с его стороны действий, указывающих на подобные намерения. Таким образом, данных, подтверждающих основание для избрания меры пресечения, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ (с точки зрения действующего закона и в смысле, придаваемом сложившейся правоприменительной практикой), в такой ситуации нет. Однако индивидуальные особенности конкретного уголовно наказуемого деяния (характер и степень общественной опасности, фактические обстоятельства совершения, определяющие его тяжесть) таковы, что лицо, осознавая тяжесть совершенного деяния, а также грозящее наказание, с высокой степенью вероятности попытается избежать негативных для себя последствий путем сокрытия от расследования и суда.

Случаи, подобные смоделированной ситуации, встречаются в действительности. Например, в 2012 г. жительница подмосковного города Долгопрудный вывела своих малолетних детей на балкон пятнадцатого этажа и перебросила их через ограждение. В результате падения дети погибли на месте¹. После совершения преступления женщина не предпринимала попытки скрыться с места преступления, не высказывала намерений скрыться от последующего расследования (суда), не выполняла иных типичных действий. Конкретных данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, на начальном этапе расследования не было. Однако это не исключало, что по прошествии небольшого промежутка времени осознание тяжести совершенного преступления и серьезности грозящего наказания побудили бы ее скрыться. Аналогичное отсутствие типичных сведений, подтверждающих наличие оснований для избрания меры пресечения, было и в ситуации, связанной с задержанием на месте преступления «тверского стрелка», убившего девять человек². Как он сам признался на допросе: «после этого (массового убийства – А.С.) он сел в доме на полу и стал дожидаться сотрудников полиции, так как понимал, что полиция скоро приедет»³.

Отсутствие типичных данных, подтверждающих наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, характерно и для целого ряда иных ситуаций по тяжким, особо тяжким преступлениям. Например, подобное отсутствие сведений может иметь место при подозрении в совершении преступлений лиц с криминальным опытом, ранее находившихся

¹ В Подмоскowie мать выбросила своих детей с 15 этажа. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=829412>.

² Москвич задержан по подозрению в массовом убийстве в Тверской области / Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/565240>.

³ Приговор Тверского областного суда от 12 сентября 2017 г. по делу № 2-13/2017. URL: <https://oblsud--twr.sudrf.ru>.

под стражей, отбывавших наказание, связанное с лишением свободы, неоднократно судимых, участников организованных преступных формирований и пр., которые будут скрывать свои намерения по ненадлежащему поведению. При этом не исключено, что фактические данные, свидетельствующие о наличии иных оснований для избрания мер пресечения, могут быть еще не получены (в силу информационного и временного дефицита).

Таким образом, в отдельных неординарных ситуациях не всегда хватает стандартных правовых предпосылок для решения вопроса о заключении под стражу. Тяжесть совершенного преступления следует принимать во внимание не только как обстоятельство, учитываемое при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В контексте приводимых соображений предлагается индивидуализировать избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в зависимости от содеянного, а также учитывая постпреступную оценку деяния лицом, его совершившим, и его возможное ненадлежащее поведение, обусловленное желанием избежать ответственности путем побега.

Учитывая отсутствие в законе перечня конкретных данных, которые могут подтверждать наличие оснований для избрания мер пресечения; фактическое разнообразие таковых сведений; важность подтверждения основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) сведениями о тяжести совершенного деяния и грозящего наказания в целях предотвращения ненадлежащего поведения лица, совершившего преступление; сложность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, усугубленной дефицитом информации, характерной для начального этапа производства по делу; а также принимая во внимание ранее изложенные доводы, следует заключить следующее.

Учет тяжести совершенного преступления на начальном этапе может быть определяющим при оценке вероятности наступления негативных последствий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а именно подтвердить наличие указанного основания на первоначальном этапе производства по уголовному делу тяжестью обвинения и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

Для определения верности приведенных размышлений обратимся к судебной-следственной практике.

Европейский суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что тяжесть вменяемого в вину преступления должна учитываться при выводе о том, что лицо может скрыться: «жестокость наказания за совершенное преступление имеет значение при оценке риска того, что лицо скроется от правосудия»¹; «вид и размер грозящего заявителю (обвиняемому, подозреваемому – А.С.) наказания имеют значение для оценки опасности того, что

¹ Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г. // СПС КонсультантПлюс.

он скроется от следствия»¹; «суровость возможного приговора (она во многом определяется тяжестью совершенного преступления – А.С.) является важным фактором при оценке возможности побега»²; и др.

Более того, Европейский суд по правам человека отмечал, что на начальном этапе производства по делу сведения о тяжести преступления имеют особое значение. «Ввиду тяжести предъявленного заявителю обвинения власти Российской Федерации могли разумно полагать, что подобный риск (лицо скроется от правосудия – А.С.) был изначально установлен»³. «Европейский суд допустил, что подозрения в том, что заявитель совершил тяжкое преступление, могли служить изначально основанием для применения меры пресечения. Европейский Суд согласился, что на начальной стадии разбирательства по делу необходимость обеспечения надлежащего проведения расследования и предотвращения того, что заявитель скроется от правосудия или совершит повторное преступление, могла быть оправданием содержания под стражей»⁴.

Подобная позиция прослеживается в решениях Европейского суда по правам человека применительно и к иным основаниям для избрания мер пресечения: «на начальных стадиях следствия угроза того, что обвиняемый воспрепятствует правосудию, может оправдывать его содержание под стражей»⁵; «Европейский суд приемлет тот аргумент, что опасения в воспрепятствовании следствию вкупе с подозрениями, что заявитель совершил преступления, в которых он был обвинен, могли первоначально быть достаточным основанием для санкционирования заключения заявителя под стражу»⁶. Продолжая приведенную логику, Европейский суд по правам человека и в ряде последующих решений отмечал, что возможность наказания в виде лишения свободы на длительный срок определяет избрание меры пресечения в виде заключения под стражу на начальных стадиях разбирательства⁷.

¹ Дело Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 1 июня 2006 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Дело Яковлев (Yakovlev) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 29 апреля 2010 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 07 апреля 2005 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Дело Панченко (Panchenko) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 08 февраля 2005 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Дело Мамедова (Mamedova) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 1 июня 2006 г.

⁶ Дело Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 2002 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Дело Самойлов (Samoylov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 24 января 2012 г.; Дело Пятков (Pyatkov) против Российской Федерации : постановление Европейского суда по правам человека от 13 ноября 2012 г.; Дело Королева (Koroleva) против Российской Федерации : постановле-

Таким образом, согласно позиции Европейского суда по правам человека, предполагаемое наказание в виде лишения свободы на длительный срок определяет возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на начальных стадиях разбирательства.

Юрисдикция Европейского суда по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, подчеркивает Верховный Суд РФ, признается Российской Федерацией обязательной, приведенные постановления подлежат применению при вынесении решений в аналогичных ситуациях, что обеспечит учет практики применения Европейского суда¹. В судебной практике по конкретным уголовным делам обнаруживается тому подтверждение.

Так, Воронежский областной суд, рассматривая в апелляционном порядке жалобу на постановление судьи Центрального районного суда г. Воронежа об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Г., оставил постановление без изменения, а жалобу – без удовлетворения. Областной суд, найдя постановление районного суда законным и обоснованным, привел правовые предпосылки для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, акцентировав внимание на том, что «подозреваемый в совершении тяжких преступлений, с целью избежать уголовной ответственности за содеянное, может скрыться от органов предварительного следствия и суда ... При этом, согласно позиции Европейского суда по правам человека, на первоначальном этапе следствия для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей достаточно подозрения в совершении тяжких и особо тяжких преступлений»².

На вычлененную особенность обращает внимание и сам Верховный Суд РФ, фактически разграничивая степень обоснованности решения об избрании этой меры пресечения в зависимости от периода расследования³. Так, в п.п. 5, 21 постановления указывается, что наличие основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) на первоначальных этапах производства по уголовному делу может быть подтверждено собственно тяжестью предъявленного обвине-

ние Европейского суда по правам человека от 13 ноября 2012 г. // СПС Консультант-Плюс.

¹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // СПС КонсультантПлюс.

² Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 16 апреля 2015 г. по делу № 22К-762/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/P7LFmBG4qxrO>.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС КонсультантПлюс.

ния и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок.

Примеры использования судами районного и областного уровней логики рассуждений, приведенной Европейским судом по правам человека и Верховным Судом РФ, имеют место быть. Так, Краснодарский краевой суд, рассматривая в апелляционном порядке жалобу на постановление Динского районного суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К.С.Е., оставил жалобу без удовлетворения, а постановление – без изменения. Краевой суд, согласившись с решением районного суда, привел сведения, подтверждающие наличие общих условий, оснований для избрания меры пресечения, обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, а также условий избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом в подтверждение наличия оснований использовалось следующее обоснование: «судом первой инстанции при разрешении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К.С.Е. было принято во внимание, что он подозревается в совершении тяжкого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде длительного лишения свободы, и, опасаясь суровости наказания, может скрыться от органов следствия и суда». Таким образом, фактическими данными, подтверждающими наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, являлось подозрение в совершении тяжкого преступления и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, а также осознание подозреваемым суровости наказания¹.

Положительно оценивая сформулированный Европейским судом по правам человека и Верховным Судом РФ подход, учитывающий возникающие на практике ситуации дефицита информации на первоначальном этапе производства по делу при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, необходимо сделать некоторые уточнения.

Используемую Верховным Судом РФ формулировку – тяжесть предъявленного обвинения – не следует истолковывать буквально и связывать только с институтом привлечения в качестве обвиняемого. Закон предусматривает возможность избрания меры пресечения и в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Поэтому целесообразнее говорить о тяжести преступления, в совершении которого обвиняется или подозревается лицо, в отношении которого принимается решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 июня 2016 г. по делу № 22-3815/2016 URL: <https://rospravosudie.com/court-krasnodarskij-kraevoj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-550043566>.

Обоснованность данного уточнения, как и в целом обозначенного подхода, подтверждается и Обзором судебной практики. Так, Президиум ВС РФ, акцентируя внимание: вывод о том, что лицо скроется от дознания или предварительного следствия по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести не может быть обоснован только тяжестью преступления, подчеркивает: «в отличие от случаев подозрения или обвинения лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» (п. 1.3)¹.

Кроме того, следует сделать еще одно уточнение. Необходимость подтверждения основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, тяжестью совершенного преступления и возможным наказанием не исключается не только на первоначальном этапе, но и на более поздних этапах производства по делу. Такая потребность может быть вызвана, например, тем, что в ходе расследования появляется информация о лице, подлежащем привлечению в качестве обвиняемого, но исчерпывающих данных для полноценного обоснования решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в общем порядке (несмотря на ранее проводившиеся процессуальные действия) не имеется. Таким образом, следователь может находиться в условиях, аналогичных тем, что имели место при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе производства по уголовному делу. В связи с этим следует говорить о возможности подтверждения основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, тяжестью обвинения (подозрения) и возможным назначением наказания на длительный срок и на последующих этапах производства по делу, но при первоначальном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таким образом, тяжесть преступления, вменяемого в вину лицу, и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут выступать в качестве единственных и достаточных фактических данных, подтверждающих наличие основания (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на первоначальном этапе расследования. Безусловно, предложенный подход не исключает необходимость подтвердить наличие общих условий избрания мер пресечения, условий избрания конкретной меры пресечения, учесть обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ.

Кроме того, в правоприменительной деятельности существует потребность в использовании приведенной логики рассуждений не только при производстве по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, но и по преступлениям менее тяжких категорий. Например, от-

¹ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 9.

дельные преступления с неосторожной формой вины предусматривают серьезное с точки зрения длительности наказание (ч. 6 ст. 264 УК РФ – до 9 лет лишения свободы). Эти и другие вышеуказанные обстоятельства оцениваются обвиняемыми в совершении менее тяжких преступлений и должны приниматься правоприменителями во внимание с позиции его вероятного ненадлежащего поведения, а на начальном этапе производства по делу – использоваться для обоснования необходимости избрания меры пресечения, вплоть до заключения под стражу.

В правоприменительной практике имеются соответствующие примеры. Так, Заводский районный суд г. Кемерово, рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Н.В. Судденок, обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 238 УК РФ, по факту пожара в марте 2018 г. в торговом центре «Зимняя вишня» г. Кемерово, в подтверждение наличия основания для избрания меры пресечения, привел следующее: «Судденок обвиняется в совершении преступления, относящегося к категории тяжких, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, в связи с чем имеются достаточные основания полагать, что оставаясь на свободе Судденок под угрозой наказания, предусмотренного за данное преступление, может скрыться от органов предварительного следствия и суда, чем воспрепятствовать производству по уголовному делу»¹. При этом суд исключил наличие иных оснований для избрания меры пресечения, посчитав их неустановленными. Таким образом, фактическими данными, подтверждающими наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, явились возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, а также осознание обвиняемой суровости наказания. Примечательно, что решение об избрании меры пресечения было принято 28 марта 2018 г., в то время как уголовное дело возбуждено тремя днями ранее.

Таким образом, учет индивидуальных особенностей конкретного уголовно-наказуемого деяния (характер и степень общественной опасности, фактические обстоятельства совершения, серьезность наступивших последствий, общественный резонанс, вызванный преступлением и т. д.) предопределяет не только категории преступлений, но и позволяет отнести преступления к группе опасных. При обвинении (подозрении) в совершении такого преступления целесообразно рассматривать возможность избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на основании п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтвержденного данными об опасности преступления, вменяемого в вину лицу, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок. Безусловно, случаи использова-

¹ Арест обвиняемых по делу о пожаре в ТЦ «Зимняя вишня» // Life Новости. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GKGpumOTL4Q>.

ния подобного обоснования должны быть не правилом, а вынужденным исключением, не делающим обязательным принятие решения о заключении под стражу по всем уголовным делам. Тем не менее такой возможностью должны располагать правоприменители. Она непосредственным и положительным образом будет способствовать повышению эффективности досудебного производства, в том числе уменьшению количества лиц, скрывшихся от предварительного расследования и объявленных в федеральный розыск, число которых доходит по отдельным оценкам до 150 тыс. человек в год¹.

Для усовершенствования уголовно-процессуального законодательства предлагается закрепить в ст. 108 УПК РФ следующее положение: «В исключительных случаях на первоначальных этапах производства по делу допускается избрание меры пресечения в виде заключения под стражу на основании п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтвержденного данными об опасности преступления, вменяемого в вину лицу, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок».

Для исключения серьезного перевеса чаши весов полномочий в сторону обвинения, образно выражаясь, необходим противовес – положение, частично ограничивающее выше сформулированное предложение. Избирать заключение под стражу на первоначальном этапе расследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, подтвержденному данными об опасности преступления, вменяемого в вину лицу, и возможностью назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, допустимо на срок до двух месяцев.

Данный вывод укладывается в русло приводимых соображений и исходит от имеющейся регламентации сроков содержания под стражей. Для рассматриваемой меры пресечения первоначальный срок ее избрания не может превышать двух месяцев (ч. 1 ст. 109 УПК РФ), ч.ч. 2, 3 ст. 109 УПК РФ устанавливают последующие сроки ее применения. В течение двух месяцев применения заключения под стражу и при необходимости продления срока содержания под стражей сторона обвинения способна собрать дополнительные фактические данные, подтверждающие наличие оснований (п.п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), или отменить (заменить) меру пресечения.

Подчеркнем, на первоначальных этапах производства по делу рассматриваемые данные могут подтверждать основание для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Однако в дальнейшем – по истечении двух месяцев – продление срока применения данной меры пресечения, т. е. выхода за временные рамки первоначального срока, с использованием исключительно тех же

¹ Гаврилов Б.Я., Божьев В.П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 79.

сведений недопустимо. Таким образом, для продления срока содержания под стражей, помимо иных элементов системы условий, оснований, обстоятельств применения мер пресечения, требуется дополнительно обосновать, что фактические данные, подтверждающие основания избрания меры пресечения, продолжают оставаться существенными.

Представляется целесообразным закрепить данное условие в законе путем внесения соответствующих изменений в первое предложение ч. 2 ст. 109 УПК РФ: «В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев, при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения и при наличии соответствующих оснований для применения заключения под стражу, а также при условии подтверждения оснований конкретными данными, продолжающими оставаться существенными, срок содержания под стражей может быть продлен...».

Предлагаемый вариант усовершенствования порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу представляется не только соразмерным ответом современным преступным вызовам, а также их последствиями, но и рациональным, открытым, контролируемым форматом применения данной меры пресечения, способствующим обеспечению надлежащего поведения обвиняемых и повышению результативности досудебного производства по уголовным делам в целом.

Руководство предложенным подходом позволит повысить эффективность решений правоприменителей при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в условиях дефицита информации, характерных для первоначального этапа производства по делу, будет способствовать предотвращению сокрытия от следствия и суда подозреваемых и обвиняемых и в целом обеспечит адекватную и соразмерную реакцию на преступные вызовы, отличающимся крайне опасными формами преступных деяний.

§ 3. Система оценки деятельности органов предварительного следствия как организационный фактор, влияющий на реализацию задач предварительного расследования

Ранее, повествуя об условиях осуществления задач предварительного расследования, мы в основном упоминали о тех из них, которые оказывали воздействие на конкретные задачи или отдельные их элементы. Однако немаловажное влияние на исполнение задач предварительного расследования, помимо обозначенных условий, оказывают глобальные, влияющие на них в целом факторы. К таковым следует относить комплекс организационных факторов, среди которых особое место занимает система оценки деятельности органов предварительного следствия.

Исходный посыл наличия системы оценки предварительного расследования базируется на позиции, согласно которой содержательную сторону досудебного производства можно представить с помощью показателей деятельности, имеющих количественное выражение¹. Развитие данной идеи привело к тому, что качество произведенного расследования стало осуществляться по системе критериев. В результате оценки формируется положительное или отрицательное мнение по осуществленной работе, итоги которого оглашаются на совещаниях, фигурируют в аналитических обзорах².

В настоящий момент правовой основой системы оценки деятельности органов предварительного следствия МВД России являются распоряжение МВД России от 20 июня 2012 г. № 1/5072 «Об утверждении системы изучения и оценки эффективности деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России», приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Среди имеющихся критериев фигурируют: «доля преступлений, уголовные дела по которым направлены в суд, в общем числе предварительно расследованных», «нагрузка на одну штатную единицу следователя по направленным в суд уголовным делам», «удельный вес уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, постановлением о применении принудительных мер медицинского характера, с постановлением о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия в порядке ч. 1 ст. 427 УПК РФ, от числа оконченных производством дел» и др.

Обозначенный подход к системе оценивания предопределяет: результаты, достигнутые конкретным следственным подразделением (представленные в качестве статистических данных по заданным критериям), сравниваются с установленными показателями. В результате определенные направления деятельности органов предварительного следствия оцениваются удовлетворительно или неудовлетворительно.

Помимо того что параметры оценки предварительного расследования стали средством измерения, они же выступают в качестве средства

¹ См., напр.: Баранов Н.Н., Кондратюк Л.В. Методика оценки эффективности деятельности следственного аппарата. М., 1976. С. 6; Михайлов А.И. О понятии и критериях эффективности предварительного следствия // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве: сб. науч. тр. М., 1980. С. 11.

² См., напр.: О результатах работы органов предварительного следствия органов внутренних дел в 2018 г. М., 2019; Подведены итоги деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России за 2018 год. URL: https://мвд.пф/mvd/structure1/Departamenti/Sledstvennij_department/NovostiSD/item/15755216.

управления деятельностью органов предварительного следствия, и следователя в частности. Система оценки стала рычагом, определяющим общую направленность функционирования уголовной юстиции¹. Это объясняется влиянием оценки на природу мотивации человеческой деятельности. Человек ожидает и предвидит оценку, она воздействует на его деятельность, направляя ее в ту или иную сторону, повышая или снижая ее уровень². В досудебной части уголовного судопроизводства это проявляется в том, что заинтересованность в положительной оценке обуславливает направленность деятельности на существующие критерии.

При отсутствии в УПК РФ конкретных, четко установленных ориентиров деятельности для предварительного расследования такой вариант установок представляется не самым неудачным. Однако при этом должно выполняться существенное условие.

В обязательном порядке система оценки деятельности должна быть адекватной ей самой, совершаться «на основании результатов деятельности, ее достижений или провалов, достоинств или недостатков ... быть результатом, а не целью деятельности»³. В противном случае оценка фактически будет даваться ради самой оценки. Данное суждение применимо и по отношению к уголовно-процессуальной деятельности.

Несоблюдение указанного условия будет способствовать дезориентированию следователей, руководителей следственных органов от истинных приоритетов их многогранной деятельности. Отдельные подтверждения этому мы можем наблюдать и на современном этапе.

Так, имеющиеся критерии оценки деятельности фактически ориентируют правоприменителей на направление в суд как можно большего количества уголовных дел. В то же время прекращение уголовных дел по не реабилитирующим основаниям (несмотря на то, что это один из возможных вариантов окончания производства по делу) продолжает рассматриваться как «брак», «работа на корзину», т.к. ведет к снижению результативности. Причем ориентир на данный критерий приводит к множеству иных, как непосредственно, так и опосредованно связанных с ним последствий. Например, наблюдается тенденция направлять в суд все уголовные дела (даже несмотря на усматривающиеся основания для прекращения уголовного дела), что особенно характерно при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). Или другая, не менее часто встречаемая тенденция – стремление органов предварительного расследования работать только по материалам, перспективным для направления в суд. Так, в ситуациях, связанных с обнаружени-

¹ См.: Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Гос-во и право. 2005. № 5. С. 117-118.

² См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 468.

³ Там же.

ем признаков преступления по факту незаконного сбыта наркотического средства, при отсутствии одного из важнейших признаков – предмета преступления, прилагаются усилия не возбуждать уголовное дело ввиду его бесперспективности (предмет преступления отсутствует и вряд ли будет иметься в распоряжении правоохранительных органов). Хотя в рамках действующего законодательства не исключено следующее развитие событий: возбуждение уголовного дела, удостоверение в ряде важнейших обстоятельств в рамках предварительного расследования, исключение укрывательства преступлений, а в дальнейшем – прекращение уголовного дела. Существует множество других ситуаций и примеров.

При опросе руководителей следственных подразделений и органов дознания 100% согласились с утверждением, что в настоящий момент сложилась ситуация, в которой статистика первична, а деятельность, для анализа которой она служит, – вторична¹. Возникает риторический вопрос, как при подобном положении вещей обеспечивается, а также можно ли вообще говорить о достижении назначения уголовного судопроизводства?

Изначально неверные критерии оценки качества работы уголовной юстиции переносят внимание на «приглаживание» отчетов, вместо того чтобы надлежащим образом реализовывать стоящие перед ними задачи. Аналогичные предостережения высказывались еще авторами Концепции судебной реформы², однако и с тех пор мало что изменилось.

Работа государственных органов и должностных лиц, выступающих в уголовном судопроизводстве в качестве участников уголовного судопроизводства, выражается в таких учетно-оценочных показателях, которые приводят к тому, что работа ведомств оценивается положительно и в тех случаях, когда задачи их деятельности не выполняются. Следовательно, такая отрасль государственной деятельности, как уголовное судопроизводство, той цели, для выполнения которой она была создана, не осуществляет³.

Низкое качество расследования преступлений и безответственное отношение к конституционным правам граждан обусловлены тем, что главной задачей работников правоохранительных структур являются «вы-

¹ Опрошены 87 руководителей следственных подразделений, 32 начальника подразделений дознания и 20 руководителей иных подразделений системы МВД России из 32 субъектов Российской Федерации, обучавшихся на факультете повышения квалификации Волгоградской академии МВД России в 2014 году. См.: Попова О.А. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов и качество расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования : электронный научный журнал. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18246>.

² Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. С. 106-107.

³ Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве. Пятигорск, 2005. С. 55.

сокие показатели раскрываемости преступлений», а не полнота и объективность проведения следствия¹.

А.С. Ахмадуллин, рассуждая о всесторонности, полноте и объективности в досудебных стадиях уголовного процесса, приходит к выводу, что «обвинительный уклон» при расследовании преступлений во многом присутствует из-за сложившейся системы требований и ведомственной отчетности в прокуратуре, МВД и иных правоохранительных органах².

По этому же вопросу, но в более категоричной форме, З.В. Макарова приводит свою точку зрения, согласно которой практика фальсификации доказательств и «назначения» виновных порождается борьбой за «хорошие» показатели³.

Проблема, связанная с системой оценки деятельности органов предварительного расследования, волнует и теоретиков, и практиков. Обращаясь к параметрам оценки, мы вынуждены разделить некоторые из приведенных мнений.

В связи с этим вынуждены согласиться с мнением отдельных авторов, утверждающих, что значительная часть руководителей органов предварительного расследования больше озабочены показателями, чем фактической стороной раскрытия конкретных преступлений⁴.

Можно ли утверждать о том, что имеющиеся в настоящий момент критерии деятельности органов предварительного расследования объективно отражают особенности их работы? Вряд ли.

Кроме того, значение любых статистических показателей, взятых в динамике, может указать лишь на наличие некой тенденции, которая в большинстве случаев может быть истолкована различным образом⁵. Например, уменьшение количества уголовных дел может быть как следствием понижения числа совершенных преступлений, так и изменением практики их регистрации, критериев решения вопроса о возбуждении уголовного дела и т. д.

Приведем практически хрестоматийный пример. Ввиду изменения порядка возбуждения уголовного дела (после принятия УПК РФ), во втором полугодии 2002 г. в Российской Федерации были зарегистрированы

¹ Галазова З.М. К вопросу о возникновении и реализации права на реабилитацию // Адвокатская практика. 2006. № 2. С. 34.

² Ахмадуллин А.С. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. М., 2006. С. 45.

³ Макарова З.В. Нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы межвуз. научно-практ. конф. Омск, 2006. С. 24.

⁴ См.: Скоромников К.С. Существующая система учета преступлений и раскрытия их нуждается в кардинальной реформе // Гос-во и право. 2000. № 1. С. 109.

⁵ См.: Михайловская И.Б. Указ. соч. С. 118.

1050,4 тыс. преступлений, что на 354,6 тыс. (25,3%) меньше уровня регистрируемой преступности за аналогичный период 2001 г.¹

Не следует упускать из виду имеющие место факты «подтасовки» статистических сведений. Не зря одним из самых распространенных выражений, критикующих прикладную статистику, является: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» (англ. – *There are three kinds of lies: lies, damned lies, and statistics*)². Мы бы не приводили столь эмоциональное крылатое выражение, если бы недостоверность статистических данных о состоянии преступности не подчеркивалась неоднократно на высшем уровне, в том числе руководством страны³.

Таким образом, разброс цифр может иметь место в результате изменений как в среде функционирования, так и внутри самой системы уголовной юстиции. Однако в МВД России были жестко определены конкретные направления, по которым показатели должны неуклонно повышаться. При этом даже не принимается во внимание, что количеству обратно пропорционально качество: безграничная погоня за статистикой неминуемо сказывается на самом расследовании. Более того, игнорируется факт нереальности бесконечного увеличения показателей.

Нам представляется, что по существующим в настоящее время критериям, показателям, индикаторам невозможно полноценно судить о качестве предварительного расследования, так как они не характеризуют исчерпывающим образом деятельность по расследованию преступлений.

Следует подчеркнуть, что уровень проблемы оценки деятельности органов следственных подразделений таков, что не только известен Президенту Российской Федерации В.В. Путину, но и предлагается быть пересмотренным путем внесения правки в ведомственные нормативные акты МВД России⁴.

Изложенные соображения позволяют прийти к выводу, что существующая система оценок предварительного следствия отвлекает, дезориентирует следователя от истинных приоритетов его деятельности.

¹ См.: Изменение порядка возбуждения уголовного дела и уровень преступности // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и мат-лов. М., 2006. С. 158.

² Авторство неизвестно, приписывается разным деятелям (Бенджамину Дизраэли, Чарльзу Дильку, Марку Твену, Генри Лабушеру и др.).

³ Медведев: убийств и подрывов на Северном Кавказе не становится меньше (19 ноября 2010 г.) // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20101119/298333735.html>; Генпрокуратура отмечает массовые фальсификации статистики преступности (21 апреля 2011 г.) // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110421/366904844.html>; Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры России (5 марта 2013 г.) // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17631>.

⁴ Расширенное заседание коллегии МВД России (28 февраля 2018 г.) // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949>.

В настоящий момент складывается ситуация, что статус следователя «в целом регламентируется не законом, а ведомственными положениями»¹. Решение обозначенной проблемы видится в пересмотре системы оценки деятельности органов предварительного расследования с позиции ее переориентирования на реальные задачи, возлагаемые на предварительное расследование. Они в большей мере учитывают «творческий по своей природе» характер деятельности по расследованию преступлений². Данное мнение также разделяется и респондентами анкетирования. На вопрос: на что должны ориентироваться работники органов предварительного расследования в ходе осуществления своей деятельности – 70% опрошенных выбрали задачи предварительного расследования, 20% – назначение уголовного судопроизводства и лишь 10% их – критерии оценки деятельности.

В связи с этим эффективность произведенного расследования следует определять исходя из возложенных на него задач. Необходимо, чтобы должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, были устремлены именно на задачи этого вида деятельности, их выполнение. Наступление возможных отрицательных последствий по отношению к виновным в случае ненадлежащего решения указанных задач выступало бы в качестве стимулирующего, «подстегивающего» фактора.

Несомненным преимуществом новой системы оценки органов предварительного следствия, базирующейся на задачах предварительного расследования, является то, что она будет способна наглядно продемонстрировать выполнение задач в ходе досудебного производства по уголовным делам. Другим немаловажным достоинством также следует назвать отсутствие установки по ориентированию на «двойные стандарты», а также на исключительно «умозрительные» показатели деятельности.

Безусловно, вопрос оценивания предварительного расследования сложен и требует углубленного исследования. Учитывая, что таковое не является целью настоящей работы, мы позволили себе отметить возможность реформирования системы оценки предварительного расследования с позиции ее ориентирования на задачи данного вида деятельности.

С аналогичными воззрениями, по нашему мнению, требуется подходить к преодолению иных условий, затрудняющих реализацию задач предварительного расследования. Среди них: недостаточное материальное и моральное стимулирование труда сотрудников органов предварительного расследования, высокая степень психофизиологических перегрузок, низкий уровень юридических гарантий процессуальной независимости и социальной защищенности, текучесть кадров, слабая научно-техническая

¹ Рохлин В. Следователь: положение и полномочия // Законность. 2005. № 10. С. 21.

² Маслов И. Назначение уголовного судопроизводства на досудебных стадиях // Законность. 2006. № 7. С. 29.

оснащенность правоохранительных органов и др. Указанные условия не позволяют надлежащим образом осуществлять расследование, нередко приводят к невозможности полноценной защиты прав и законных интересов граждан и поэтому должны быть изменены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Характер исследования потребовал научного абстрагирования и обобщения. Использование подходов, разработанных в общенаучных концепциях, позволило уяснить многогранность и многоаспектность правовой категории «задача» в сфере уголовного судопроизводства, прийти к выводу об обусловленности уголовно-процессуальной деятельности общественными потребностями, предопределяющими специфическую цель уголовного процесса, а также выдвинуть тезис о наличии системы задач, решение которых приводит к достижению цели и получению требуемых ценностей.

2. Теоретико-правовые предпосылки определения задач предварительного расследования представлены в виде назначения и цели уголовного судопроизводства, цели предварительного расследования.

3. Назначение уголовного судопроизводства представляет собой форму выражения общественных потребностей, заключающихся в обеспечении соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов лиц, организаций, потерпевших от преступлений, а также общества и государства; лиц, подвергаемых ограничению прав и свобод, уголовному преследованию, обвинению и осуждению; иных лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве.

4. Цель уголовного судопроизводства заключена в том, что при наличии уголовно-правовых оснований создать условия для реализации уголовной ответственности либо освобождения невиновного от таковой.

5. Целью предварительного расследования является предварительная правовая оценка деяния, обладающего признаками преступления.

6. Обозначенные элементы в своей совокупности детерминируют задачи предварительного расследования – выраженные в законе или вытекающие из него объективно существующие формы правового должествования, реализуемые следователем (дознателем) путем принятия процессуальных решений, выполнения следственных, процессуальных и розыскных действий, направленные на достижение цели предварительного расследования.

7. Историко-правовой анализ формирования задач предварительного расследования позволил выявить исторически апробированную, положительно зарекомендовавшую себя, имеющую серьезную уголовно-процессуальную основу систему задач предварительного расследования.

8. Система задач предварительного расследования не является совокупностью положений различной значимости, расположенных в виде ниже-, вышестоящих ступеней, каждая из них выражает такую сторону существа предварительного расследования, без которой невозможно до-

стижение цели уголовного процесса, назначения уголовного судопроизводства. Задачи предварительного расследования – это органически взаимосвязанные и одинаково важные положения, стоящие в одном ряду. Их совокупность представляет собой единую взаимосвязанную, взаимодействующую и взаимообусловленную систему.

9. Учет методологических основ, исторического опыта, уголовно-процессуальных реалий позволил утверждать, что назначение уголовного судопроизводства, цель уголовного процесса и предварительного расследования требуют своей реализации путем решения задач досудебного производства, а также определить современную систему задач предварительного расследования.

10. Выделены группы задач предварительного расследования, непосредственно и опосредованно обеспечивающие предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления.

11. Стремление к достижению цели предварительного расследования в виде предварительной правовой оценки деяния, обладающего признаками преступления, определяет ряд непосредственных задач, обеспечивающих такое стремление: 1) своевременное, всестороннее, полное и объективное исследование преступления; 2) изобличение лиц, совершивших преступление, формулирование и выдвижение обоснованного обвинения; 3) создание предпосылок для участия подозреваемого (обвиняемого) в судебном разбирательстве и надлежащего его поведения при производстве по уголовному делу.

Задача по своевременному, всестороннему, полному и объективному исследованию преступления представляет собой: тщательную проверку всех возможных версий по делу, показаний участников, получение и проверку в полном объеме необходимых доказательств, выявление обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, смягчающих и отягчающих наказание; установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; проверку данных о совершении обвиняемым или иными лицами других преступлений и принятие по этим фактам соответствующих законных и обоснованных решений; проведение беспристрастного, непредвзятого исследования обстоятельств дела при отсутствии неоправданных задержек расследования в сроки, позволяющие оптимально обеспечить право граждан на судебную защиту.

Необходимость всестороннего, полного и объективного производства, что не только соответствует современной концепции защиты личности в уголовном процессе, но и закрепляет стремление установить действительно имевший в прошлом круг фактов следователем – объективным исследователем обстоятельств деяния, обладающего признаками преступления.

Задача по изобличению лиц, совершивших преступление, с формулированием и выдвижением обоснованного обвинения заключается в под-

готовке, процессуальном обосновании и доведении до сведения материально-правовых притязаний органов расследования к лицу, предположительно совершившему преступление.

В задачу создания предпосылок для участия и надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого) при производстве по уголовному делу входят исключение у подозреваемого (обвиняемого) возможности уклониться от расследования, противодействовать ему, продолжать преступную деятельность, а также осуществление розыскных действий в том случае, если он скрылся.

Детерминированность предварительного расследования его задачами задает законодателю содержательные ориентиры для дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего досудебное производство, и практики его применения.

Важность установления обстоятельств преступного события, его правовой оценки не исключает охрану прав человека в досудебном производстве. Предварительное расследование обеспечивает процессуальную защиту фигурантов процесса путем реализации ряда возложенных на него установлений.

12. Задачи предварительного расследования, опосредованно обеспечивающие предварительную правовую оценку деяния, обладающего признаками преступления: 1) принятие мер по обеспечению защиты, реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства, а также исполнению ими обязанностей; 2) обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, других имущественных взысканий, конфискации имущества; 3) обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких; 4) выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с правом внесения представления для их устранения.

Задача по принятию мер, обеспечивающих реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, иных лиц, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного производства, а также исполнение ими обязанностей предполагает: разъяснение прав, порядка производства следственного, процессуального действия; предоставление возможности воспользоваться правом; непосредственную организацию реализации прав; защиту нарушенного права; содействие выполнения участниками своих обязанностей.

Обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, штрафа, конфискации имущества, других имущественных взысканий заключается: в принятии мер по возмещению причиненного имущественного вреда; при невозможности восстановления того объема материальных благ, которым располагал потерпевший до преступления, – установление

подлежащего конфискации имущества, наложение ареста на имущество; при установлении возможности применения мер по конфискации имущества в соответствии со ст. 104.1 УК РФ либо возможности наказания в виде штрафа или других имущественных взысканий за совершенное преступление – установление подлежащего конфискации имущества, наложение ареста на имущество; обеспечение возмещения участникам уголовного судопроизводства затрат, связанных с производством расследования.

Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких подразумевает принятие мер по возможной реализации их процессуальных прав и обязанностей свободно от противоправного или иного воздействия, оказываемого в целях воспрепятствования по уголовному делу.

13. Выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, с правом внесения представления для их устранения предполагает: обязательность процесса установления причин и условий преступления в ходе расследования; реагирование посредством внесения представления в зависимости от конкретных обстоятельств уголовного дела. Обще-профилактическая деятельность, обобщение следственной практики по результатам расследования не должны включаться в данную задачу.

14. Система задач предварительного расследования не является жестко определенным перечнем установлений, который должен неукоснительно выполняться вне зависимости от обстоятельств уголовного дела. Установления, нашедшие отражение в задачах предварительного расследования, являясь ориентиром деятельности, следует адаптировать к конкретным условиям расследуемого события. Так, некоторые задачи могут усложняться, упрощаться или ввиду отсутствия необходимости их выполнения не быть возлагаемыми.

15. Предложенная система задач предварительного расследования демонстрирует: истинную роль следователя, дознавателя в современном уголовном процессе; искусственность отнесения их к участникам со стороны обвинения; подлинные ориентиры их деятельности в ходе расследования преступлений.

16. Выявленные задачи предварительного расследования, их содержательная сторона указывают на чрезмерно широкую трактовку принципа состязательности в отечественном уголовном судопроизводстве, отличия действительности от заявленной теоретической модели. Наличие некоторых элементов состязательности в уголовном судопроизводстве не изменяет в целом исследовательскую сущность предварительного расследования.

17. В целях ориентирования деятельности следователя, дознавателя на выполнение задач предварительного расследования требуется нормативное закрепление соответствующих задач в рамках главы 21 УПК РФ, которую целесообразно озаглавить «Задачи и общие условия предварительного расследования».

18. Существующее состояние процессуального законодательства и уголовно-процессуальной деятельности свидетельствует о наличии значительного числа норм, институтов, процедур, препятствующих эффективному осуществлению задач предварительного расследования. Рассмотрены проблемы реализации отдельных задач предварительного расследования, пути их совершенствования. Преодоление ряда проблем возможно путем дальнейшего реформирования закона и оптимизации практики с позиции ориентированности на успешную реализацию задач предварительного расследования.

Алексей Борисович Судницын

Задачи предварительного расследования:
правовая природа, система, проблемы реализации
и пути совершенствования

Монография

ISBN 978-5-7889-0281-4

Редактор Е.А. Никитина.
Подготовлено к изданию Ю.В. Леонтьевой.

Подписано в печать *19.09.2019*
Формат Р 60x84. Бумага типографская. Гарнитура Times, Georgia.
Печать офсетная. 11,5 уч.-изд. л. (11,0 усл.печ.л.).
Тираж 100 экз. Заказ 410.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано в типографии НИРИО СибЮИ МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.